

Игорь Станович

Игорь Станович
Танец Шивы

Повесть о настоящих людях

Танец Шивы

Танец Шивы

Жанр произведения: Роман

[Произведение написал автор BookVox Игорь Станович \(Ильин\)](#)

[Ссылка на публикацию](#)

ТАНЕЦ ШИВЫ

Повесть о настоящих человеках

«Оттолкнуться от дна можно только достигнув его».

Народное наблюдение.

Предисловие.

Человек был умён, так умён, что решил докопаться до сути, или истины, это уж кто как называет. Но истина, в отличие от правды, всегда одна. Правда может быть у каждого своя, а суть – едина. Человек был настолько умён, что не мог себе представить истину. Она не поддавалась логическому объяснению, а увидеть он её не мог, слишком она была всеобъемлющая. Ведь муравей, карабкаясь по дереву, не может себе представить его целиком. На стволе, под корой, у него есть муравейник, там кипит жизнь, матка откладывает яйца, рабочие муравьи строят его, а муравьи-солдаты охраняют. Но он не понимает, что всё это находится на дереве, у которого есть крона, корни, и оно живёт своей жизнью. Муравей не может себе объяснить, почему и зачем дерево это делает, и почему и зачем оно терпит его. Муравей даже не может понять, что это дерево. Но муравей глуп и подчиняется законам жизни, Богу, Природе, даже не ведая об этом. А человек умён, он хочет себе и окружающим всё объяснить. И не имеет значения, знает он об этом что-либо или нет. Ведь можно знания подвести под истину... или истину под знания и быть уверенным в своей правоте, верить, что всё происходит именно так, как представляет себе человек. В глубине души он понимал - всё, что происходит, происходит не просто так. Он решил, что его, человека, создал Бог. Когда человеку везло и всё получалось, он считал, что это Бог ему дал и благодарил его. Когда не получалось и его настигали несчастья, он думал, что кто-то помешал Богу помочь ему, человеку. Тогда у него возникал вопрос: кто бы это мог быть, кто смог помешать Богу, сделать ему, человеку, хорошо. Ведь Бог создавал человека по образу и подобию своему. Значит и в нём, человеке, есть частица Бога. Что же это за сила, способная соперничать с Богом и мешающая тому делать человеку хорошо? Человек, не ведая того, до чего ещё его может довести его же собственный ум, взял и поделил Бога на части. Единую энергию мироздания, которая и является

Богом, он, для простоты понимания, разделил на отдельные составляющие и наделил их чертами личностей. Первые, самые древние религии завели отраслевых Богов и распределили между ними обязанности, они отвечали за отдельно взятые направления в мироздании. Одни за Солнце, другие за Луну, третьи за урожай или торговлю, четвертые - за удачу в войне или любовь. Кто-то ведал подземным миром или водами Океана и так далее. Им противодействовали столь же всемогущие, но нехорошие Боги, или демоны, столь же, да не столь, а немного слабее. Так было проще объяснить негативные явления, происходящие в мире. Так появилось понятие добра и зла. Человек становился умнее. Более поздние вероисповедания упростили схему, чтобы человек меньше задумывался над истиной. «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомед пророк его...». Но без помощников Бог всё равно не мог обойтись, ведь в представлении человека творить добро - значит бороться со злом. Значит, надо было создавать условия для этой борьбы. Христианство применило ещё более новаторский приём, сводящий понимание к примитивной схеме. Есть Бог, есть Дьявол, живёшь правильно, служишь Богу - попадёшь после этой жизни в Рай, в команду к Богу. Живёшь неправильно, служишь Дьяволу - будешь вечно жариться на сковороде в Аду. Так было проще объяснять людям необъяснимое, да и управлять ими стало легче. Ведь при помощи такого инструмента, как религия, можно внушить человеку что угодно. «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...». Однако всё-таки ДУХА, то есть энергии... аминь. И помощников Богу тоже определили в лице святых, покровителей, пророков. Более древний Индуизм использует схему проще и логичнее. Есть Бог-созидатель Брахма, есть Бог-разрушитель Шива. Все они самостоятельны и автономны в принятии решений; для «выхода в народ» и общения с ним имеют различные воплощения и аватары. Но над всеми стоит Вишну - соединяющее и уравнивающее начало. Тот, ради кого и по прихоти кого всё это существует. Но ведь у истины не может быть прихотей, значит, человек ему для чего-то нужен, ведь не просто же так - по образу и подобию..., хотя какой уж там образ? Человек не мог осознать Бога. Ему надо было обязательно отождествить его с личностью и придать ему человекоподобные черты. Ведь что такое ЭНЕРГИЯ, человек до сих пор до конца не разобрался и объясняет себе на примитивном, научном уровне. Даже селил он Богов высоко, над собой, чтобы они лучше видели и внимали ему. Римский пантеон обосновался на Олимпе. Христианский Бог вообще на Небесах. А Шива - на горе Кайлаш, в Гималаях. Шива - очень серьёзный и грозный Бог. Он Бог разрушения. Он та часть мироздания, которая ведаёт уничтожением старого и отжившего. Ведь нельзя построить новое, не расчистив место и не убрав отслужившее. Поэтому в Индуизме Шива весьма почитаем и уважаем. Возможно, Индуизм понимает, что нет Добра и Зла, нет Рая или Ада. Всё это разные стороны единого целого. В мире должен быть баланс, равновесие. Бывает, в

мире наступает момент, когда равновесие нарушается, старое ведёт себя отягчающе для мироздания и мешает ему. Тогда у Шивы наступает горячее время, и он принимается за работу. А начинает он свою работу с танца, во время которого медитирует и даёт миру понять, что он приступает к своим обязанностям. Танец этот ощущается во всём мире. От этого просыпаются вулканы, начинаются землетрясения и стихийные бедствия. Появляются новые болезни и приходят эпидемии. Происходят войны и гибнут целые государства. Случаются кризисы и катастрофы. Иногда это происходит мгновенно, иногда годами и даже столетиями. Шива уже начал свой танец, значит - землю ждёт обновление.

Начало

Аэропорт «Домодедово» встречал пассажиров обычной рутинной суетой, достигающей своего пика в это время года. Начиная от шлагбаумов, где необходимо было остановиться и нажатием кнопки на щитке добыть себе въездной талон, образовалась очередь из машин, подвозящих отъезжающих. Не прекращающаяся уже более двух десятков лет стройка вносила свои поправки в удобство передвижения по территории, особенно для пассажиров с детьми и громоздким багажом. Скучающие милиционеры охраняли рамки металлоискателей, которые были установлены при входах в терминал и проработали пару месяцев. Это произошло после серии терактов, для усиления проверки входящих. Когда усиление закончилось, рамки выключили. Но стражей порядка оставили при них, видимо, для пущей важности и охраны этого дорогостоящего оборудования. Шла последняя декада декабря. Для россиян уже начался «хай сизон». Многие старались покинуть столицу, чтобы встретить в тёплых краях накатывающийся вал праздников, начиная от католического Рождества, Нового года и так далее, по порядку. Зал регистрации обострял ощущение предстоящего веселья нездоровым ажиотажем, бликами озабоченных лиц, ищущих стойку своего рейса, цветными пятнами чемоданов и курортной одежды отпускников, контрастирующей с тоскливой пасмурной погодой за огромными стёклами зала. Многие, чтобы не тащить с собой на юга, отдавали зимнюю одежду провожающим и щеголяли в цветастых майках и шортах а-ля большие семейные трусы в цветочек. Зима в этом году не торопилась, оставляя Москву серой и бесснежной. Регистрацию на рейс Москва-Гоа уже объявили, и несколько групп пассажиров заняли очередь в ожидании, когда заработает

компьютер, можно будет получить посадочный талон и избавиться от тяжёлой ноши, сдав её в багаж. Первым у стойки оказался мужчина лет тридцати пяти, впрочем, возраст определить было сложно, лицо его наполовину скрывали длинные, редкие волосы, спускающиеся от пробора по щекам и забранные сзади резинкой. Сквозь них просматривались шрамы от ожогов, пигментные пятна со следами пластических операций. Одет он был не по-гоански, в тёртые джинсы и простецкую рубашку с длинным рукавом, застёгнутую на все пуговицы. Куртку он засунул под ремень рюкзака. Из вещей у него имелись упомянутый небольшой рюкзак и завернутая в полиэтиленовую плёнку огромная ёмкость, обвязанная ремнями и более напоминающая маленькую ванну. За ним пристроился немолодой уже гражданин, годам к пятидесяти. Также отмеченный шрамами на лице, но не от пламени, а, скорее, от последствий бурно прожитой жизни. Этот был одет во всё чёрное. Расстёгнутый ворот рубахи и закатанные рукава показывали миру татуировки, не оставляющие сомнений в его тюремном прошлом. Подтверждалось это и характерным взглядом, и отсутствием двух передних зубов. Взгляд был очень внимательный, пронзительный и колючий. Всё вкуче давало представление о серьёзности тех статей, по которым он отбывал наказания.

- Давайте документы, – безразличным тоном произнесла девушка из-за стойки, обращаясь к очереди.

Человек с обожженным лицом передал паспорт с вложенными в него бумагами и застыл в ожидании. Девушка, глядя в документы, произвела над клавиатурой магические пассы, глянула на пассажира и спросила:

- Место у окна хотите?

- Не принципиально.

- Багаж сдаёте? – Она наклонилась в сторону, чтобы лучше видеть, что у пассажира в руках.

- Нет, это с собой в салон возьму.

- Ой, вы знаете, в салон с такой кладью не пропустят, сдайте в багаж.

- Понимаете, – сказал тот, явно стесняясь, – это очень ценная вещь. Даже не ценная, а гораздо больше. Это купель, она освящённая. Я сам священник и еду в Гоа открывать храм. Негоже её в багаж сдавать, мало ли что, разобьют при погрузке, уж лучше я сам понесу.

- Да как же вы её в салон? – Растерялась девушка. – Где же вы её там пристроить сможете, таких размеров?

- Необходимо так, – ответил священник. – Хоть на руках держать буду, но не могу в багаж сдавать.

Девушка озадачилась и, подумав минуту, взяла в руки переговорное устройство.

- Тут такое дело, – сказала она в трубку. – Батюшка летит рейсом на Гоа. У него багаж негабаритный, сдавать не хочет, говорит, это священная вещь для храма, её нельзя сдавать.

В трубке затрещало и мужской голос пробулькал:

- Чего хромает, повтори, не понял, что там у вас стряслось.

- Подойдите, пожалуйста, сюда, надо вопрос с пассажиром решить. Ситуация нетривиальная, – членораздельно произнесла она в микрофон и далее обратилась к пассажиру. – Извините, сейчас подойдёт представитель авиакомпании, я не в силах своей властью решить ваш вопрос, мы не можем по инструкции пропустить в салон ручную кладь такого размера. Вы с ним поговорите, я думаю, он всё уладит.

Прилично собравшаяся очередь с любопытством наблюдала эту сцену. Некоторые из интереса ожидали развитие ситуации, некоторые смотрели на виновника её с сочувствием, а некоторые как на ненормального. Кто-то отпускал по этому поводу шутки, а кто-то предлагал проверить у товарища документы, ведь должно же быть у священника удостоверение, подтверждающее его принадлежность к «служителям культа». Компания молодёжи в характерных одеяниях, с фенечками и дредами, громко смеялась, незаметно крутя пальцами у виска и высказывала мысли, типа, что «вот только православной церкви в Гоа ещё не хватает, наставлять народ на путь истинный после пати. Там своих Богов немеряно, а батюшка, по ходу, дунул уже, не дождавшись прибытия на Индийскую землю». Батюшка, тем временем, не обращал ни малейшего внимания на подколки и возникшую по его поводу заминку в процедуре регистрации. Он терпеливо ждал представителя авиакомпании, как и подобает человеку его положения. Стоящий за ним пассажир с уголовным прошлым также не сильно реагировал на происходящее. Он иронично наблюдал, лишь только обернулся на высказывание стоящей за ним полной дамы в шубе, смысл которого сводился к тому, что и тут найдётся кто-нибудь, кто испортит ей весь отдых, который ещё даже не начался.

- Мы пока никуда не опаздываем, самолёт без нас не улетит, регистрация только началась, – успокоил он её.

- Да я всё понимаю, – возмущалась дама. – Сама верующая. Но если уж делать благородное дело, так надо его делать профессионально, на хорошем государственном уровне. А не создавать проблем окружающим в их законный отпуск. Ещё бы колокольню с собой попёр в самолёт.

Вскоре появился усталый молодой человек в синей форме, поздоровался и отрекомендовался представителем «Трансаэро». Он глянул на завернутую в пластик купель, попробовал её приподнять, состроил озабоченное лицо и произнёс:

- Ну, ничего себе, она килограмм тридцать весит. Чего же мне с вами делать?

- А вы не беспокойтесь, сын мой, своя ноша не тянет, – спокойно, не без юмора, ответил священник. – Вы меня в салон пропустите, а я уж там сам как-нибудь.

- Как-нибудь нельзя, надо правильно и грамотно всё сделать, – он поднёс к уху переговорник. – Алло, это Иванов, старший смены, тут на ваш борт священник регистрируется, у него причиндалы церковные с собой в кабину будут, нельзя сдавать их в багаж... да, объёмные... ну, полметра на полметра и на метр, наверное. Хорошо, хорошо... нет, он не в рясе, в цивильном, да вы его узнаете. Или подошлите кого на помощь. Ок, возле рамки, на досмотре, ок.

Старший смены нажал кнопку отключения прибора связи и улыбнулся батюшке.

- Уж не знаю, как её у вас досматривать будут, через аппарат-то не пройдёт, видимо, придётся раскрывать. А там вас встретит член экипажа и покажет, куда пристроить в самолёте. Самолёт большой, проблем не будет. А кстати, у вас есть документы-то, что вы батюшка?

- Ну, а как же, – священник полез в нагрудный карман.

- Нет, мне не надо показывать, я вижу и верю вам, на всякий случай спросил, вдруг на контроле вопросы возникнут. Вид-то у вас как у... завсегдатая Гоа, – улыбнулся усталый начальник. – И без одежды, традиционной для священников... хотя сейчас ряса не показатель, любой нарядиться может. Вон, тут даже артисты себя в батюшки производят. Давайте-ка, я лучше вас через паспортный контроль и таможню провожу, а то будут приставать, как это вас с таким грузом пропустили. Только давайте побыстрее, я на службе всё-таки.

Священник забрал со стойки документы и посадочный талон, легко, одной рукой подхватил за упаковочный ремень свою ношу и направился в сопровождении

представителя авиакомпании в сторону таможенного контроля, куда с тележкой для перевозки багажа уже не пропускали.

Саня. Часть 1.

Восточные учения, которым уже не одна тысяча лет, утверждают, что ребёнок, рождаясь, знает своё предназначение. Он видит, каким должен быть его жизненный путь. К чему у него способности и чему он обязан посвятить свою жизнь. Иногда родители тоже видят и понимают это, и тогда это счастливый ребёнок, из которого вырастает ЧЕЛОВЕК. Но чаще они думают, что всё знают и понимают лучше своего ребёнка и решают за него эту дилемму. Потом вмешивается социум. Школа, окружение, среда, в которой обитает ребёнок, корректируют этот путь. Человек растёт и сбивается. Дорога его становится длинной, в обход, через дебри и препятствия. Некоторые, заблудившись, так и не находят свою тропку. Некоторые выходят на неё, поплутав, кто рано, кто ближе к концу. А кому-то предназначен такой путь, что препятствия и лабиринты на нём - неотъемлемая часть того самого пути.

Саня появился на свет в середине шестидесятых прошлого века на Алтае. Как раз недалеко от того места, где рождается река Обь. Обь – правильная река и родителей у неё, как полагается, двое, реки Бия и Катунь. Кто из них мама, а кто папа, люди спорят издавна и к консенсусу так и не пришли. Но то и неважно, две речки сливаются в одну и получается вторая по протяженности в Сибири. Отсюда и название – Обь, то есть обе они становятся единым целым. Закон природы. Воды в реках разные и по температуре, и по минеральному составу. Одна течёт с ледника, вода в ней стывлая и лёгкая, вторая уже напиталась солями, илом и песком, прокладывая себе путь среди гор. Даже цвет у них разный. И долго ещё, на протяжении километров они не смешиваются, а текут как бы параллельно, обнимаясь и борясь друг с другом, как милые, пока не сольются воедино. Далее к ним присоединяется река Чарыш, также не менее своенравная. В месте их слияния, образованные основными руслами и протоками, громоздятся из воды острова. Вот на одном из них и приютились несколько деревень, в одной из которых произвели на свет Саню. Как только он родился, его сразу стали хоронить. Дело в том, что мама нашего героя работала в местной столовой и ей часто приходилось поднимать тяжести: то мешок с картошкой подтащить, то котёл с борщом переставить. Когда она была на седьмом месяце, очередной трудовой подвиг спровоцировал преждевременные

роды. Их можно было бы назвать выкидышем, как классифицировала это тогдашняя медицина, но Саня был жив и не собирался изображать из себя испортившийся полуфабрикат человеческого существа. Он цеплялся за предоставленную возможность воплотиться в божье создание и даже тужился кричать. Но сил за шесть с небольшим месяцев нахождения в утробе матери он накопил недостаточно, и они покидали его вместе с плачем. Ближайшая больница находилась в шестидесяти верстах на большой земле. Зимой дорога проходила прямо по льду, а летом устанавливали понтоны. Понтонная переправа наводилась в середине-конце июня, раньше было нельзя. Паводок уже спадал к тому времени, но сверху, с «беляка», как местные называли ледник, срывало льдины, которые могли снести понтоны. Поэтому в межсезонье деревня была отрезана от мира. Жизнь в ней продолжалась, но шла она своим, автономным образом, без цивилизованных излишеств, какой бы то ни было власти и указаний сверху. Оно и в обычное время так было, то есть, когда переправа работала. Милицейский пункт в деревне числился, но участковый жил в районном центре и сюда не совался. Во-первых, доверял стихийному самоуправлению, а во-вторых, боялся. Сибирь особое место, народ здесь тоже сложился особый. Места эти, аж с Ермака, как он те края приоткрыл, стали считаться ссыльными да сбеглыми. Среди жителей были и староверы, потомки тех, кто ушёл от преследований в пору насаждения на Руси христианства и последующей неразберихи в истинности учения. Язычники с раскосыми глазами тувинских кровей. И каторжанские отродья царских времён. А уж при советской власти и так понятно, кто тут прижился. Уголовников было немного, зато отпущенных в поселение политических хоть отбавляй. Они настолько сжились с этим краем, что многие остались тут, пустили корни и пообхозяились. До Бога высоко, до власти далеко. Места глухие и потаённые. Затеряться проблем нет, многие и паспортов-то, по привычке, не имели. Жили себе, да жили. Пьянства безрассудного не наблюдалось, но повеселиться народ умел. Да всё как-то по-доброму. Даже если морду друг другу били, всё больше беззлобно или потом устраивали мировую и братались, обмывая это событие и принося взаимные дары. А коли и поминали друг дружке прошлое, так опять же больше со смехом. Не делали разницы, по какой статье сидел, сидел ли вообще, главное, что ты представляешь из себя сейчас. Ведь не прошлым же жив человек. Да и живёшь ты тут на виду перед соседями, люди всё подмечают. А сидел - не сидел, так в то время полстраны осуждённых было, зеков чураться, с кем тогда вообще общаться будешь? Были в деревне непререкаемые авторитеты, были свои блаженные. И веры разные тут пересекались, и породы людские. Жил, к примеру, на удалении старик-китаец буддистского исповедания. Откуда пришёл, когда, какого возраста, рода-племени, никто не знал, потому как не задумывался. А может, кто и задумывался про себя, да спросить стеснялся. А

может, и не стеснялся, а боялся. Все к нему привыкли и по-своему уважали, и даже любили. Легенд о нём ходило много. И про возраст его загадочный, по разному разумению от шестидесяти до ста, а кто-то приписывал и больше. О силе его и знахарстве. Говаривали про его исцеляющий дух и колдовские иглы, которыми он лечил людей, втыкая в тело больного. Вот посему, большой нужды в официальном докторе не было. Народ в Сибири по большей части крепкий жил в то время. Ежели хворь какая приключится, лечились настоями да травами, что по тайге собирали. Горшки со свечами внутри на живот устанавливали, чтобы органы на места вставали. По лёгкому неможению обращались к сёстрам, что в деревне являлись травницами и заговорницами. Вера – инвалид с детства, в коляске всю жизнь, и сестра её старшая, которая при Вере ту коляску катала и ухаживала за ней. Имя старшей уже и не помнилось никому, все её Няней звали. Няня и Няня, а коли Вере она няня, так и с другими нянчилась, привычка у неё выработалась такая или Бог ей призвание подобное определил. Ну, а по серьёзной немощи к китайцу шли.

Рожали бабы детей в деревне, когда Бог их на то сподобливал, рожали много. По четыре-пять детей в семье не редкость была. Потому бабы в этом вопросе учёные являлись, вспоможения от официальной медицины не ждали, и, как бы сейчас сказали – рожали на дому, помогая друг дружке.

- Не жилец он, Маша, – озвучила резюме бабского схода Антонина. – Коли и выживет, получеловеком будет. У него и мозги-то не выросли ещё, а мозги тельцем командуют, развиваться ему приказывают. Нет командира – нет и жизни. А командир ущербный, и человек не вырастет. Схоронить его надо, Мария, и тебе так легче будет - с полудурком не возиться - и деревне всей, зачем нам юродивый лишний. У тебя два сына есть, сама молодая, родишь ещё.

Мария, мать Сани, ещё не оправившись от случившегося, и слова вымолвить не могла. Мысли её плясали между материнским инстинктом, горем предстоящей утраты, стыдом перед соседями, болью и печалью мужа. Да ещё червяк гнева точил её душу – как то могло случиться, почему с ней, и что скажет вернувшийся с рейса муж Сергей, что час назад уехал в район. Сергей работал шофёром на колхозном ЗИЛке, возил с района продукты для магазинов всех островных деревень и так, по колхозной надобности. Уезжал он с утра за реку по понтону или, когда встанет лёд, по реке, и возвращался ближе к ночи. Вот вечера-то и боялась неудачная роженица, когда вернётся усталый муж и, вместо радостей семейного ужина, узнает новость и увидит её в таком разорённом состоянии. Бабы взяли Сергееву лопату, завернули народившегося покойника в наволочку, в которой некогда хранились макароны и пошли на край деревни, ближе к Медвежьей горе, схоронить неудачника для всеобщего спокойствия. Свёрток,

который ещё кряхтел и подёргивался, доверили Антонине как самой стойкой, а яму вырыть вызвалась молодуха Надя, ибо греха в том не углядывала. Слабую мать решили не трогать и оставить дома пережить утрату украдкой и не лить слёз на могилку недоношенного сына. Бабы рассудили, что раз не крещён и не рождён нормально, так и не стоит ответственность душу, ибо не человека хоронят, а то, что им могло бы стать, реши Бог его судьбу, дав тому испытание жизнью. Минут через двадцать, по уходу похоронной бабской процессии, в хату вошёл Сергей. Мария лежала на кровати, укутанная одеялом, осунувшаяся и с мокрым лицом. Увидев на пороге мужа в неурочный час, она лишь больше побледнела, и глаза её округлились в пол-лица. Она прокручивала в голове их вечернюю встречу, как она скажет ему о выкидыше, какие слова найдёт, но мысли путались и никак не могли стыковаться в разумные фразы. При появлении мужа сердце её зашло и перехватило горло, она лишь протянула руку, указывая в ту сторону, куда недавно направились бабы.

- Встала моя телега, карбюратор засрался, а ты, мать, чего в постели, чего с лица сбледнула? – Попытался улыбкой приободрить супругу Сергей, понимая, что у беременной женщины могут быть свои недуги, которые лучше перележать в постели. Он не видел живота женщины, но по глазам вдруг заподозрил недоброе. – А ну-ка, что такое?

Мария опять протянула ослабевшую руку в том же направлении и, силясь прошептать что-то, разревелась навзрыд.

- Выкидыш у меня, Серёжа, – сумел разобрать сквозь рыдания муж.- Бабы закапывать потащили к Медвежьей...

Сергей выскочил из хаты, хлопнувшая дверь распахнулась за ним настезь, и со всех сил ринулся к холму. До начала гор было метров триста, и покрыл он их минуты за полторы. Подбегая, увидел женщин, стоящих в кружок, и ещё издали закричал:

- Закопали?

Бабы обернулись, отвлечённые от своего дела, и так и стояли, пока не приблизился Сергей.

- Закапываем, Серёжа, надо так... так всем лучше будет, не тужи, вы молодые... - ответил кто-то из баб.

- Живой? – Запыхавшись, спросил он.

- Живой пока, но не надолго то.

- Дай сюда, – заорал Сергей, отпихивая стоящих и выхватывая из приготовленной ямки свёрток, видимо, бабы тоже ждали, не решаясь присыпать землёй ещё не затихшее существо, ждали, когда признаки жизни совсем покинут маленькое тельце, завернутое в старую наволочку.

- Не жилец он, Сергей, - повторилась Антонина. – Лучше так.

- Вы за кого себя посчитали, бабы, вы охренели, под Бога закашиваете? Не вы жизнь даёте, не вам и решать, кто жив, а кто - помер, вы лишь инструмент божий, для жизни даденный, а решать не вам. Пока дышит, хоронить не позволю, – сказал он уже спокойным тоном. – К китайцу пошли со мной, объяснять ему будете, мож он поможет.

Это прозвучало не как пожелание или предложение, тон Сергея был, скорее, приказной. Что явно обрадовало добрую половину женщин, собравшихся на стихийные похороны. Видимо, взятая ими на себя таким образом ответственность, всё-таки сделала в душах прореху, в которую медленно, по мере осознания, закрадывалось чувство греха. Не дело они удумали сотворить, явно не дело. И прозвучавшие слова отца, скорее всего, отрезвили их, а высказанный приказ показал путь к выходу из положения, в которое они сами себя и поставили. Окруженный стайкой приободрившихся баб, Сергей быстрым шагом направился в ту сторону, где в бывшей сторожной хатке, переделанной под свои устои на китайский лад, обосновался «вечный Зен». Прижимая к груди под распахнутой телогрейкой свёрток, мужчина в сопровождении женщин считанными минутами добрались до места. Китаец стоял на пороге с тревожным лицом и внимательно всматривался в процессию, как будто ждал их. Его пронзительный, раскосый взгляд не концентрировался ни на ком конкретно. Он не поздоровался обычным кивком головы, а лишь выставил вперёд руку, останавливая делегацию. Спустился с крыльца, подошёл к Сергею, который пытался начать разговор, прекратил его объяснения, приложив ту же ладонь к своему рту. Взял из рук того свёрток, размотал наволочку, обнажив на свет синее тельце. Он перевернул ребёнка спиной вверх, положил на ладонь, так, чтобы голова его покоилась на запястье, а ножки свешивались вниз. И замер на несколько минут. Его китайские глаза затуманились, округлились, как будто он пытался разглядеть что-то в пространстве. Было ощущение, что тело его стояло тут, а мыслями и духом он витал где-то за пределами человеческого понимания. Покоящийся на руке Саня напоминал мороженого курёнка из сельпо в районном центре, коих в народе называли «беговыми». Через время он перевернул «курёнка» и переложил на другую руку животиком вверх. Приложил свой большой палец к запястью мальчика, сначала на одной руке, потом на другой. Лицо его сделалось, как обычно, добрым и хитрым, даже насмешливым,

видимо, он вернулся в окружающую его реальность и сказал:

- Молочко у Маши в титьках есть? А нет - козье берите, но быстрее, бегом, бегом к маме, - и отдал ребёнка отцу.

Сергей схватил сына, забыв про мятую наволочку, которую всё это время теребил в руках, развернулся, и молча побежал к своему дому. Очнувшиеся бабы хором охнули и ломанулись за ним, создав полукольцо эскорта и начав одновременно галдеть о том, у кого есть козы и у чьих коз молоко сподручнее для такого случая. Китаец улыбнулся им вслед, порылся в матерчатой сумке на поясе, с которой не расставался никогда, говорят, даже во сне, достал оттуда трубку и пачку «Беломора». Выпотрошил из папиросы табак, упихал его в трубку и закурил, усевшись на ступеньку и глядя вслед удаляющейся шумихе. Он чему-то улыбался и шурился на нежаркое уже Солнце. Почему его звали «вечный Зен»? Возможно, по аналогии с «вечным жидом», а что есть ВЕЧНОСТЬ и что есть Зен, так никто и не понимал до конца. Может, имя такое китайское, а может, просто погоняло.

Вот так и появился на свете новый человек, появился, помаячил, как в реанимации, и всё-таки ускрёбся жить на этой земле, принимая испытания и служа некой цели, коей мы понять не в состоянии, ибо то не нашего понимания дело, а Божьего. И как ты ни бейся, а разгадать тот ребус мало кому при Жизни этой удаётся. А уж как хочется-то, что лезем мы в высшее дело своими грубыми науками да приборами, открываем себе законы, да догмы придумываем. А потом за истину их держим, сотворяя иллюзию понимания, не ведая того, что всё это лишь обложка, картинка, поверхность той большой книги, чем является ЖИЗНЬ и бытиё наше. Вот и вступил на этот путь Саня, вступил, споткнувшись и чуть не упавши, да, видимо, с пинка китайского подлетел обратно, и закружилось-завертелось вокруг него, как и он вокруг жизни этой. Будет ему теперь сполна и детства, и отрочества, а уж университетов - не дай Бог каждому, не все в тех университетах выживали, а те, кто выжил, не все правильные выводы сделали.

Рос Саня как все дети, в любви и заботе родительской. Как все, да не как все. Видимо, урок первый, что при его появлении на свет случился, не прошёл даром. Говорят, дети ещё в утробе материнской всё слышат да воспринимают. А уж когда в свет Божий выходят, и того больше. Наверное, отложились в его душе, в том закоулке её, что подсознанием зовется, и первый страх, и первые невзгоды, и первые препятствия к жизни. Жил он, как говорится, на своей волне. К выстрадавшим детям и отношение сострадальческое, и любят их больше, ибо через боль та любовь пришла. Его не ругали, не бранили, не поучали

насильственно, даже не наказывали. Потому как он особенный был какой-то. До пяти лет всё слушал и как будто бы запоминал себе. Но слова от него услышать никому не доводилось. Так все и решили – немой он, и не больно-то и приставали, считая, что травма родовая да психоз бабский, когда его схоронить пытались, на голове мальчонкиной сказались. Мать больше рожать не надумала, видать, Природа её женская поиссякла. Хотя когда она к китайцу с благодарностью ходила, он ей прямо сказал, что, коли есть желание, поспособствовать в благом деле сможет, не велика наука зарядить её женской энергией.

- Ты, Мария, - говорит, - ношу тяжкую на себя взяла, но нести её надо, как тот крест, что Бог ваш на гору тащил. Кресты и Пути у всех разные и не все выдерживают и доносят. А кресты эти, кому лёгкий, кому тяжёлый достаётся. Твой не из лёгких выдался. Горяхватишь больше, чем радостей, но он твой и удовлетворение в конце пути придёт. Да, через полвека поглядеть бы на твоего Саню. Ох, глянем...

Сказал он это как-то просто, но от того и загадочно получилось. Сказал, порылся в сумке, где трубку с «Беломором» хранил, потом отвернулся и ушёл в дом, так и не попрощавшись и даже рукой не махнув, будто и не стояла тут Мария, будто и не знает её вовсе. Странные они китайцы, что за люди такие, поди, разбери их.

Рос Саня молчуном, но телом крепкий вышел. Сверстников своих по росту и стати догнал быстро, а вскорости даже перегонять начал. Молчаливость его на особенности списывали, и особенности эти с возрастом ещё пуще проявляться начали. Нелюдим он был, как волк-одиночка, да и в какой детской компании может прижиться волчонок, который молчит всегда. Глаза за него говорили, и чудилось многим, что недоброе они молвят. Многим, да не родителям. Взгляд его и впрямь был как у взрослого, как только он глаза приоткрыл. Не чета прочим детям. Смотрел вокруг и изучал да запоминал, только молча всё. Даже не плакал никогда, как все малые, и слёз его так за всю жизнь никто не видел. Уже когда шёл ему шестой год, в зиму это было, случились на Алтае морозы. Холода сюда каждый год приходят, и в тридцать градусов нормой считаются. А когда столбик термометра занижается глубже сорока шести, уже называют сильными. Тогда и на взрослой жизни это отражается: то технику не заведёшь, то за скотиной лишней присмотр нужен и в хату её забирают. А уж в дитячье бытие холода и вовсе свои поправки вносят. Уроки в школе отменяют, ибо не дело мальцов по морозу гонять, некоторым по несколько километров добираться приходится. Да и протопить в такой колотун школьную хату тяжеловато. Уже к сорока на улице температура в помещении падает, как ни топи, чернила в чернильнице густеют, и сидят детки в одежде, а писать в варежках несподручно.

Тогда у детворы начинается праздник и внеплановые каникулы. В школу не идут, а чего в хате сидеть без дела? Родители, конечно, наказывают не совать на улицу нос, но кто же уследит, коли папе с мамой ещё и работу работать приходится, а бабушек с дедушками не все пацаны в авторитет ставят. Вот те, кто в дневное время сам себе предоставлен, наряжаются потеплее и к стогам. Стога на пойменных лугах богатые, по лету накашивают и промеж сёл распределяют. Каждая деревенька своими владеет и у ребят то распределение за закон числится. Коли ты ельцовский - на своём резвись, ежели комарихинский - на своём, а озерцовские, качусовские и тугозвоновские - свои стога охаживают. Ну, а если совместно в войнушку играть затеяли, тут уж твой стог - твоя крепость. В эту зиму снега большие встали, заготовки сена в полтораметровую шубу закутали. Тут тебе и горки на санях кататься, и крепости в них обустроить можно. Мальчишки - народ увлекающийся, когда такой праздник случается, что в школу тащиться нет официальной надобности, можно и забавами снежными себя потешить. Что они с успехом и вытворяли. Закутаются поплотнее, кто жиром гусиным физию свою намажет, кто так просто, и на мороз. Братья Санины старшие дома усидеть, как водится, не смогли, а за младшеньким присмотр нужен, тем более мать наказала не оставлять одного. Обрядили они его в овчину, валенки надели с тёплыми портянками и, для пущей верности, пуховым платком обмотали так, что лица не видать. Полусидя в санки уложили и с собой к стогам. Тут как бы две цели они преследовали: не оставлять брата в одиночестве без присмотра и чтобы большим не мешал играть. В такой одежде он самостоятельно из санок выбраться не может, однако, здесь, при них и у всех на виду. Сами скачут так, что пар от них валит, да сосульки с шапок и шарфов обламываются. А Саня лежит себе в санях, думает и даже видеть не может, что вокруг него происходит, платок ему всё закрывает. Играли мальчишки тогда в «Остров Даманский», поделились по деревням, кто советский пограничник, кто китайский провокатор. Время быстро пролетело, темнеет зимой рано. Про санки с сидящим в них ребёнком и вовсе забыли. А когда по сумеркам подхватились, да домой засобирались, глянь, а он и не дышит уже. И платок на лице заледенел весь, и лицо побелело, только иней на ресницах. С перепугу мальчишки побоялись его домой тащить, покатали к сестрам, может, Вера с Няней отогреют, и всё обойдётся. Да и как матери замерзшего ребёнка представить, а тут, вроде, и оплошности часть поделить с другими, понимающими, получится. Оно не по злобе или слабости, конечно, с испуга это, дети всё-таки. Ведь горе, тобой сотворённое, первым порывом себе оправдание ищет, знаешь, что виноват, но когда других приобщаешь, и тебе легче. Няня развернула Сашу, глянула, поохала, сестре, в коляске сидящей передала, та тоже посмотрела, головой покачала и рукой махнула.

- Поздно, – говорит. – Замёрз он совсем, не дышит и сердчишко не бьётся. Догнала его смерть, как ни убегал...

Положила Няня тельце Сашино обратно в сани, прикрыла овчиной и пошла с мальчишками в дом к Марии с Сергеем, сообщать родителям горькую весть. Дети рядом побрели, боясь даже глядеть на маленького покойника. Бабка салазки сама тянуть взялась.

Отца ещё не было в доме, мороз прибавил ему забот в гараже. Мария уж полчаса как пришла со службы, хлопотала по поводу ужина, собирая на стол и беспокойно соображая, куда могли направиться дети, в какой соседской хате задержались. Она встрепенулась на вошедших, будто чуяла беду. Да и как не учуять, сын всё-таки, а то, что Няня его в дом внесла, не к добру то было.

- Прости, Маша, не смогли мы ничего сделать, замёрз он, – проговорила она. – Поздно мальчишки спохватились. Права Антонина была тогда, не жилец он. Тогда ускрёбся, но теперь смерть его настигла. Не вини никого и держись, тебе детей растить и жить вам надо, а Санька Бог прибрал, и ушёл он легко, без боли, там ему хорошо будет, порадуйся этому за него... прости.

Она ещё что-то говорила, но мать не слышала её. У Марии в глазах стояли слёзы, а в мыслях всплывали первые похороны сына, и горе постепенно вползло в душу по мере осознания утраты. «Всё-таки утраты», - вертелось у неё в голове, и она даже боялась глядеть в сторону стола, на котором лежал на овчине её сынишка. «Не уберегла. А может, Няня ошибается? Ведь такого и быть не может», - продолжали биться в голову мысли, сквозь которые она слышала обрывки фраз про настои, которые принесла с собой Няня и которые ей хорошо бы выпить сейчас и попытаться заснуть, пока Сергей не вернётся с района. Ведь надо же ему сообщить и ехать в больницу регистрировать смерть ребёнка. Сергей уже, оказывается, минут десять как пришёл, и Няня ему всё объяснила. Как он воспринял известие, мать не видела, но в доме стояла тихая суета, впрочем, не мешающая ей корить себя в случившемся. Появились женщины-соседки, всё это она уже переживала когда-то, но то было как будто бы не с ней, а она видела это всё в кино или читала что-то похожее, она уже не могла сообразить. Так, на грани забвения и реальности она трепыхалась, сваливаясь то туда, то сюда. Потом из мрачных грёз её вывел голос всё той же Антонины, который проассоциировался у неё с воплощением горя.

- Ну, куда он сейчас, на ночь глядя, пойдёт?

- Потом с властями забот не оберёшься, да и негоже покойнику вот так не зарегистрированным здесь лежать, и матери напоминание лишнее, надо в район в

больницу везти, – голос был женский и знакомый, но Маша никак не могла сообразить, чей. Да и был ли голос, может, ей всё это пригрезилось в страшном сне. Нет, не пригрезилось. В хате стоял морозный дух от часто распахиваемой двери. Голоса сливались и переплетались. Один из них, ей вообще показалось, принадлежал какому-то ангелу, звонкий и мелодичный. Потом она пришла в себя и увидела среди людей, собравшихся в хате, китайца – «вечного Зена». Тот смотрел прямо ей в глаза и ничего не говорил. Он просто смотрел, и казалось, что его длинные волосы, собранные в пучок, аж шевелятся от напряжения, будто в голове его что-то работало и вызывало вибрации. Это было заметно даже через капюшон лётной полярной куртки на овчине, который он не снял с головы, а лишь сдвинул наполовину. А может, ей так только казалось, но в туманном взгляде Зена не было ни печали, ни горя, ни тревоги. Он просто был занят какой-то умственной работой, пока все полушёпотом суетились.

- Да, не дело сейчас за реку подаваться, – наконец произнёс он. – Утро вечер разумеет. Ты, Сергей, не торопи время. Шестьдесят вёрст машина не выдержит, а холод к ночи усилится, небо ясное - выморозок ещё сильнее будет. И лёд на реке провалами пойдёт, промёрзла вона, до дна.

Он закурил прямо в хате свою трубку, не спросив разрешения, и продолжил:

- Я вот что думаю. Ехать завтра надо, поутру. А ребёнка давайте я к себе заберу, пусть ночь у меня побудет. Завтра зайдёшь ко мне и заберёшь в район везти. Так правильно сделать.

Они о чем-то ещё говорили, Марию никто не спрашивал и даже не глядели в её сторону, наверное, думали, что она в забытьи и ничего не слышит. Потом дом опустел, все разошлись, и остался один Сергей. Старших забрал к себе в дом кто-то из соседей напоить и накормить, дабы родителям усопшего облегчить жизнь, освободив от забот.

Как уже поминалось, о китайце ходило много слухов и историй, которые, можно даже назвать легендами. Говаривали про него, что и не китаец он вовсе, а ещё какой «азият». Будто родился он на большом острове, что южнее Китая, по названию то ли Тайвань, то ли Тайпей, то ли ещё как-то несуразно. Географию-то, за ненадобностью, изучали слабо, кому до неё в СССРе надобность, многие дальше райцентра не выезжали. А кто до Барнаула или, того знатнее, до Новосибирска добирался, считался за бывалого, чуть ли не Афанасием Никитиным. То среди стариков да старожилков подобное бытовало, по их укладу жизни. А как амнистии да послабления в системе начались, люди пришлые появились, тут уже веселее стало. И новости, и нравы со стороны прибывать

начали. Так и география на остров пришла, да всё больше география Сибири, которая по лагерям и тюрьмам заучивалась. Людям местным всё интересным казалось. Так вот, рассказывали про «вечного Зена», что он из пленных, которых китайцы в Сибирь передали во времена нашей неразлучной дружбы. Была в Поднебесной война гражданская. Те, кто за коммунизм, боролись с теми, кто коммунизм не уважал, или не понимал пока своего счастья, и жить в нём отказывался. А так как СССР другом китайской революции себя видел, то всячески мы эту революцию поддерживали и на стороне братской китайской армии воевали. А враги, когда им совсем туго пришлось, на тот остров и сбежали, окопались, и по сию пору сидят там и мучаются без всеобщей борьбы за светлое будущее. Наш Зен во время боёв при отступлении армии их предводителя Чанкайши в плен-то и попал раненый. Но как-то быстро оклемался. Потом кто-то донёс на него, что он чуть ли не самого этого Гоминьдана лечил вместе с супругой. Передали его русским товарищам для определения в советский лагерь, ибо ценный он был китаец, и секретов, видимо, диктаторских знал не мало, раз с семейкой вождя якшался. Когда поняли, что немного он этих информаций имеет, так и плюнули на него. И пошёл «вечный Зен» по лагерям. Говорят, четыре-пять сменил. В одном из таких лагерей у Хозяина жена рожать надумала, да всё как-то боком у неё выходило. И ребёнок застрял, рожаться отказывался, и сама она чуть не преставилась. Тут-то китаец и шепнул кому следует, будто проблема у женщины несложная, и решить он её в одночасье сможет. Привели басурмана к Хозяину, а тот и говорит:

- Выживет моя супружница, и ты жив будешь, а если и отпрыск здоровым выйдет, будешь не просто жить, а как сыр в масле...

Зену про сыр тот мало что понятно было, не едят они сей продукт, а вот про жизнь он отчётливо понял. Выгнал всех из палаты, где роженица госпитализирована была и что-то мутил там некоторое время. А по прошествии пары часов выходит и говорит Хозяину:

- И дитё твоё, и женщина в полном здравии, а я по понятиям тебе крестным теперь буду, дочь у тебя родилась и имя ей дать моё право. Я нарекаю её Семи, что по-нашему означает – лепесток, уж больно мила она и красавицей будет. А уж вы на свой лад можете звать Семёной, к примеру.

Хозяин глаза вылупил от такой басурманской наглости, нечасто ему арестанты подобным образом дерзили. Но слово он дал, а в понятиях тех мест и времён это больше, чем клятва ценилось, так что отступить ему некуда было. Да и трудно с китайцем спорить, когда он в глаза твои смотрит, сила за ним какая-то чувствовалась. Даже рассказывали, что генералы после допросов с ним, в себя по пол-дня приходили водкой, и с неохотой в кабинет шли, где этот

заклѹченнѹй их ожидал. Так и зажил китайскѹй пленнѹй при лагерном госпитале. Из медикаментов йод, зелѣнка, да пенициллин со стрептоцидом выдавались. А заклѹченнѹе все сплошь больнѹе были. Кто раненѹй, да переломаннѹй, у кого нутро отбито и не работает. Жил китаец как вольнѹй, в тайгу за травами ходил. Выписали для него из области банки стекляннѹе, которѹе на тело при помощи спиртового факела присасывал, предварительно дырок в коже наковыряв заточкой стерильной, чтобы крови нехорошей отсосать. Зеки ему иглы из серебра, со специальными ручками выточили, он объяснил, какими они должны быть. И этими нехитрыми, инструментами стал врачевать людей в зоне. Вскорости тот лагерь на первое место по показателям здоровья среди заклѹченнѹх вышел. А уж про служивых и говорить нечего, не хворали почти. Хозяин свой уговор выполнил, похлопотал в высших инстанциях. Как ни жаль ему было отпускать Зена на волю, но слово дадено, его держать надобно. Вышел китаец на свободное поселение, и даже каким-то образом ему паспорт советскѹй выправили. Числился он по той ксиве бурятом с фамилией Кукушкин, имя – Зен, отчество ему Хозяин, своё вписал – Иванович, так как за брата считать со временем начал. Паспорт есть – ты уже гражданин. Покрутился Зен Иваныч на поселении возле своего лагеря пару лет. Потом поставил Хозяина в известность, что дальше ему надобно двигаться на юг, сначала на Алтай, а там видно будет. В случае надобности какой в нём, даже место указал на карте, где его в ближайшѹе годы сыскать удастся. Хоть и далеко от зоны тот Алтай, но по сибирским меркам, как говорится: сто километров – не расстояние, сто рублей – не деньги, а сто лет – не старуха. В случае крайней необходимости – отыщут. А так как одного смышленого сидельца он основам своих премудростей обучил, то надеется, что в том не случится необходимости. Так и появился он на острове, давно это уже было, лет восемь-десять назад. А рассказал эту историю о нём один зек, что в том лагере, где всё происходило, чалился, да то лишь одна история про чудного китайца, каких много рассказывали с различными дополнениями и прикрасами. Что из них правда, а что вымысел – трудно сказать. Но народ в них верил, ибо уж больно загадочен был иноземец. Да и благоволили к нему, ведь польза людям от него шла, а это главный показатель добра в суровых сибирских реалиях.

Сергей поднялся рано, он сам не понял, спал ли вообще. Видимо, всё-таки спал, потому, как из привычной лёгкости просыпания его сразу бросило в тяжесть осознания горя и тех забот, которѹе ему предстояли сегодня. Мария лежала, принявши на ночь бабкиных отваров. Её лицо было спокойно и безмятежно, будто бы снилось ей что-то доброе. Он не стал её будить, пускай этот сон продлится ещё какое-то время. Но и оставлять её возвращаться в горькую

реальность одну, было бы сейчас нечеловечно. Сергей решил пойти сначала к соседям, что приютили старшеньких, попросить их привести детей домой и побыть с его семьёй, пока он не вернётся с района, куда правило предписывало ему подаваться узаконить свершившееся несчастье. Машина его была в исправности, за дорогу он не беспокоился, но хорошо бы взять в помощь кого из женщин, понимающих толк в формальностях, и кому горе не мутит рассудок, ибо не их кровинушку везут в больничный морг. Порешав дела с соседями и договорившись с боевой Антониной о сопровождении его в райцентр, он решил забрать у китайца тело сына и уже с ним идти в гараж греть машину перед дорогой, чтобы не затягивать и быстрее завершить это тяжкое предприятие. Антонина засобиралась к Зену с ним, чтобы не отягощать отца ношей, дабы облегчить ему заботы перед сложной дорогой. Когда они по скрипучей, неплотной тропке подходили к китайской хате, то не увидели, как обычно, встречающего на пороге Зена. Это было странно, так как даже не помнилось такого случая, чтобы он не стоял у двери, когда к нему приходили люди. Чужая он их, что ли, или у окошка всё время сидел и наблюдал? И в дом-то к нему попадали редкие гости, всё больше общались с ним на крыльце или у завалинки. А коли и попадали, так дальше светёлки не пускал их китаец никогда, ни за печь, с отгородкой из сплетённых прутьев, ни, тем более, в «тёмную», где, по слухам, хранились у него снадобья, по тайге собранные. Они потоптались у двери, наделав шума, но та не отворялась. Тогда постучали. Запоров не было, в хате стояла тишина. Они толкнули дверь и вошли в холодные сени. Пошумев тут ещё, для приличия и привлечения внимания, отворили дверь в главную комнату, и обалдели, застыв, как столбняком пронятые. В натопленной по-банному хате, стоял стойкий дух трав, ладана и ещё какого-то нестерпимо вонючего варева. За грубым столом из неструганных досок, на зелёном ящике из-под патронов, дополненных сверху подушками, сидел Саня. Он копался в стоящей перед ним тарелке сомнительной еды, и с видимым удовольствием потреблял её. Китаец сидел рядом с незажженной трубкой во рту и умиленно наблюдал эту картину.

- А, гости, – произнёс он, улыбаясь, видно было, что для него они были сюрпризом. – А мы тут завтрак затеяли. Садитесь к столу. Я по осени припасов сделал, вот лягушек каких жирных засушил. Очень хорошая еда для энергии, ему сейчас побольше такой еды надо. Да и вам полезно будет, ведь, поди, не ели ещё сегодня ничего? Ну, попробуйте, чуть-чуть.

Лицо Сани было невозмутимо, даже когда вошли взрослые, он лишь глянул на них своим пронзительным взглядом и продолжил трапезу. Красные пятна обмороженных щёк лоснились от какой-то китайской мази, и чувствовал он себя явно не плохо, будто и не умирал вчера вовсе. Что происходило в этом доме

ночью, так и осталось для всех секретом. Чем оживил Зен ребёнка, и помирал ли тот в действительности, или просто примерз сознанием, сейчас уже трудно сказать. Что-то китаец мудрёное объяснял про его сердце, которое посчитали остывшим. Будто оно на самом деле билось, но как у лягушонка, раз в три минуты. Вот почему ему и следует есть сейчас лягушачье мясо. Народ так ничего и не уяснил, но понял, что лучше и не лезть в это дело, не их оно понимания, и науки сюда с логиками лучше не привлекать. Антонина лишь ляпнула от изумления что-то типа: «Да он колдун шаманский». На что китаец ответил, что он тут ни при чём, что есть Силы у Природы, и Знания, которые сейчас уже позабыты людьми, и фокусов тут никаких быть не может, всё просто и объяснимо, только объяснения эти сути им не раскроют, ибо не все готовы их воспринять. Надо просто верить и любить Жизнь, и тогда она отвечает взаимностью. Он ещё много говорил диковинного, что сердцем чувствовалось, но в понимание не складывалось. Однако радости объяснения не сильно надобны, посему никто и не докапывался до истины всех китайских загадок. Да и в чём она, истина? Вот сидит Саня, живой и здоровый, вот в этом и истина. А уж какая она, Бог её ведает.

Саня доел шаманское блюдо, оставив на тарелке гору костей, похожих на воробьиные, как будто тут пировали коты. Икнул и сказал:

- Вкусно.

Антонина никак не прореагировала, видимо, оторопь её ещё не прошла. А Сергей обалдел ещё более, но никак не мог понять, чему же он опять удивляется. И тут его вдруг прошибло: Боже, так он же говорит! Первое и пока единственное, услышанное им сыновье слово, впечатлило его не меньше, чем безмятежный вид живого ребёнка, почившего намедни. Вот ведь как устроены мозги человеческие, одно удивление, воплотившись в открытие, меркнет перед новым, не менее значимым. Хотя, что может быть значимее вида здорового и безмятежного ребёнка, твоего сына? Мысли стали метаться в отцовской голове, одна из них показалась ему совсем странной и даже неуместной: как же теперь он представит это событие матери, а не сойдёт ли от такого Мария с ума?

Но Мария не помутилась рассудком, она восприняла известие более чем спокойно, будто бы догадывалась обо всём и лишь ждала подтверждения. А может, сон ей какой привиделся в прошедшую ночь. Она взяла Саньку на руки, и, обессиленная, опустилась на стул, произнесла лишь:

- Ну вот, Бог тебя хранит... то ли у тебя ещё впереди будет... Бог тебя храни, – и одинокая слеза скатилась из правого глаза.

Саня даже не простыл после этой коллизии. Обмороженные щёки ещё какое-то время светились красными пятнами. Но и эти следы случившегося быстро стёрлись с его лица. Люди, поняв, что он не немой теперь, старались заговорить с ним при встрече. Но ответной реакции не все дожидались. Отвечал он коротко и односложно, как будто бы что-то не договаривал или желал, чтобы от него отстали с расспросами. Постепенно истинная история его возрождения обрастала новыми слухами и удивительными подробностями, коих и не было вовсе. Однако суть оставалась прежней и единственной. И заключалась она в следующем, как сформулировал её Тимофей, старый охотник, которому приписывали потомственность аж от Ермака по отцовской линии: «Жив ребёнок, и слава Богу, и благодарите его», а кого благодарить и не уточнил вовсе: Бога ли, или ребёнка за жизнь эту. Видимо, и того и другого, как понял народ, а заодно, и китайца пришлого, чьими руками тот процесс божий делался.

Подрастал Саня, в школу его определили рано, на следующий год, с шести лет, так как проситься он туда начал, и к знаниям у него тяга проявилась. Читать взялся как раз через неделю после своего «возвращения с того света». Хотя грамоте его к тому моменту никто учить не начинал. Просто взял у матери книгу из сундука и выбрал-то самую толстую, хрестоматию по внеклассному чтению для старших классов 1954 года издания. Сидел над ней часами, морща лоб, водя пальцем по странице и шевеля губами. Мать вначале делала попытки расспросить, чего же он в ней нашёл интересного, но ребёнок опять становился как будто немым, или отвечал что-то типа: «Да так, про жизнь всякую...». Поняв, что не добьёшься от него подробного разъяснения, Мария прекратила приставания. Однако заметила вскоре, что увлечение мальчишкино перекинулось на книги, в которых приключения разные описаны, путешествия, а впоследствии, романтика пиратская. Стала она подобные книги из библиотеки сельской, что при клубе, приносить, да по соседям спрашивать. Подкладывала она их, как бы невзначай, на видное место, ибо, если прямо дать, так он не брал, из духа противоречия, что ли? Свои книги, из сундука, перечитал он быстро, хотя их там немало хранилось из материнского наследства. Мать по девичьей фамилии Шульгиной была, фамилия та дворянская. В Сибирь Мария малолеткой попала, с родителями, в лихие тридцатые. Вначале от Советской власти послабление дворянам было. Но люди, кто поумнее, сообразили, что ненадолго то. Вот отец и подхватился с семьёй, подальше от центра и столиц. Уехали на Алтай, да ещё забрались в самую глушь, где их не знал никто, а расспрашивать тут не принято. Мать вскорости умерла от догнавшей её питерской чахотки, что в послереволюционные тяготы к ней прицепилась. Отец, погоревав, решил, что дочь растить надо с женской заботой и лаской, женился повторно. Но прожили они новой семьёй недолго, так как война подоспела. Ушёл отец на фронт добровольцем, в первые же дни, когда самая неразбериха пошла, видимо,

чувствовал за собой долг какой-то перед отечеством, который и оплатить решил. Уж успел он это сделать или нет, только он о том знает, ибо сгинул во время отступления, где-то на болотах под Псковом. Мария к сорок третьему году совершеннолетней стала, и решила сиротливость свою упразднить, выйдя замуж за Сергея, молодого парня из местных. Бог им детей не сразу дал, первого родили аж через двенадцать лет после свадьбы, следом, через пять лет, второго. И вроде как решили на том остановиться, да мы-то предполагаем, а Бог нами располагает. Вот и появился в шестьдесят шестом на свет Саня, а дальнейшую историю вы уже познавать начали.

Гриша Часть 1.

До того, как найти себя в религии, батюшка Григорий был военным и служил в российской армии. По молодости, проникшись романтикой золотых звёзд на погонах, наслушавшись патриотической пропаганды и героических рассказов про афганскую войну, в которой по возрасту принять участия не успел, он поступил в рязанское училище ВДВ. Окончив его с отличием, выпускник получил причитающиеся вождённые лейтенантские звёздочки и повлёкшие за этим званием обязанности. Ему дали под начало взвод десантников и вчинили должностную инструкцию быть солдатам отцом-командиром, а также мамой, нянькой и старшим товарищем. По возрасту он ненамного превосходил своих подчинённых, но они прозвали его Папой. Уважали, значит, и с иерархий такое вполне сочеталось. Что часто бывает в армии - уважаемых командиров солдаты ассоциируют с родителем, так оно и понятно - настоящие ведь далеко, а очень хочется почувствовать защиту и опеку сильного и взрослого. Григорий вполне соответствовал этому прозвищу, коллеги-офицеры даже издевались над ним, называя пионервожатым, а не командиром боевого подразделения, удивляясь, как же его пацаны будут воевать, случись у них командировка в Чечню. Так продолжалось два года. В Чечню его не посылали, ибо считали ещё молодым и зелёным. Два этих года он усиленно отфильтровывал полученные во время учёбы знания и навыки, так как то, чему его учили, несколько отличалось от того, чем на деле оборачивалась повседневная, временами рутинная служба в полку. Теория - теорией, устав - уставом, а жизнь подкидывала ему ситуации, когда примерно на девяносто процентов того, что закладывалось в головы молодых курсантов, надо было наплевать и забыть. А десять процентов переоценить и приспособить для своей военной профессии. Но вот эти десять процентов из всей шелухи, отработанные до автоматизма, впитавшиеся на уровне инстинктов, и отличали в нём профессионала. А в конечном итоге,

повышали шанс оставаться в живых там, где другим это было сделать сложнее. По истечении двухлетнего срока отцы-командиры решили, что молодой офицер уже созрел для более серьёзного дела, нежели торчать в полку, занимаясь со своими солдатами строевой подготовкой и полевыми учениями. Как говорят служивые люди – «было принято решение о создании» специального подразделения, командиром которого и назначили Гришу. Его подразделение относилось к элите войск специального назначения, основной задачей которого было ведение разведки, рейды по территориям, неподконтрольным федеральным войскам, поимка или уничтожение на этих территориях главарей чеченского сопротивления и прочая деятельность, мало освещаемая официальными средствами массового оповещения. Для этого Григория отправили ещё на полгода поучиться на своеобразные курсы повышения квалификации с углублённым изучением специфики профессиональных навыков и приёмов. Группу его укомплектовали солдатами-контрактниками, которых командир подбирал лично, ну, не без того, что одного человека ему всё-таки «спустили сверху», он был в звании прапорщика, как потом выяснилось, сын какого-то генерала, которого папа решил поучить жизни, отправив в «горячую точку». Несколько человек были уже «понюхавшие пороха» во время срочной службы, но не знакомые Григорию. Однако костяк составляли ребята из его подразделения-те, что служили срочную под его началом в полку. Группа прошла двухмесячный курс специальной подготовки, получила позывной «Сюрприз» и была отправлена в Чечню. Как показало время, позывной чётко соответствовал духу и стилю группы, в том смысле, как она действовала во время проведения операций. А командира прозвали Лаки, то есть «счастливчик», ибо за всё время службы на Кавказе он не потерял ни единого человека из группы, если не считать легкораненого-того самого прапорщика, сына генерала. А без работы его ребята не сидели. В самом начале он очень ответственно подошёл к выполнению своих профессиональных обязанностей, как-то даже с энтузиазмом и идейной подкованностью. Теоретически он чётко представлял, что есть «мы», которые во всём правы и делаем доброе дело, очищая мир от «них»-врагов человечества, экстремистов и террористов. Но на деле всё оказалось так «запущенно» и запутанно, что можно было «поехать крышей», если включать нормальную человеческую логику. Пытаясь поделить мир на добро и зло, на своих и чужих, как этому учили ещё со школы, он постоянно сталкивался с патологическими противоречиями. Иной раз, казалось бы, доброе дело, оказывалось полной отстойной фигнёй. А бесспорное зло оборачивалось пользой. Ему на всю жизнь запал в памяти случай, когда они возвращались с «задачи». Дорога шла через не очень дружественную территорию. По таким территориям принято было перемещаться колоннами, как впрочем, в то время и по всей Чечне. В относительной безопасности можно было чувствовать себя

лишь на базах, окруженных несколькими кольцами обороны. БТР, который ребята ласково называли «сучкой», забрал их с условленной точки, и они расположились на броне. Его группа скорректировала по радиации свои действия с командиром и присоединилась к следующей на базу колонне, став замыкающей её машиной. Колонна спешила, так как надо было успеть проскочить эту местность до заката, ибо в светлое время суток народ тут был вполне индифферентен к федералам, даже доброжелателен, а с наступлением сумерек происходили различные безобразия: то пропадали люди, лояльные к официальным властям, то находили обезображенные трупы представителей этих властей. Короче, нехорошее было место. До заката оставалось совсем немного времени. У Григория кончились сигареты, и у всей его группы также было хреново с куревом. Вот уже часов десять, с тех пор как им пришлось задержаться в горах на лишние сутки, они ничего не ели и не курили, лишь пили воду, которой было предостаточно, ибо Кавказ славится своими минеральными источниками и горными речками. А вот запасы продовольствия брали с собой по минимуму, чтобы помещалось больше боекомплекта. Папа Лаки сказал водиле остановиться возле маленького магазина, передал по радиации головной машине, чтобы не ждали, он их догонит. Командир колонны изругался на него и сказал, что ждать-то точно не будет, и что он бы на его месте лучше уж бросил курить, чем терять тут драгоценные минуты - солнце в горах садится быстро. Гриша с двумя ребятами вошли в лавку. Мальчишка, скучающий за прилавком, увидев их, подскочил на месте, и выпучив глаза, ломанулся через заднюю дверь вон из магазина. Они попытались его остановить, кричали вслед, что им нужны только сигареты и они очень спешат. Мальчишка исчез. Они, поглядывая то на часы, то на небо за окном, подождали ещё несколько минут. Потом взяли с полки за прилавком два блока «LM», оставили под огрызком яблока бумажные деньги, которые офицер предусмотрительно занюхал в маленький карманчик на «разгрузке», мелочь он не брал, так как она могла позвякивать при движении, выдавая присутствие группы врагу, и вышли на улицу. Дорога, по которой скрылась колонна, уходила немного вниз, в ущелье, и поворачивала направо, за гору, вдоль речки. Далее она выходила на широкое открытое место, окруженное горами, где река образовывала плёс, пересекала широкую воду по мостику, и оттуда было уже рукой подать до первого блокпоста, буквально пара-тройка километров. Ребята начали грузиться на бэтэр, воздух уже стал приобретать сиреневатый оттенок сумерек. Потянуло дымом, видимо, женщины в ауле начали готовить ужин. На землю опускался туман и, смешиваясь с дымом, образовывал в низинах над водой молочную муть, ухудшающую видимость. Надо было спешить вдогонку колонне. Вдруг из-за горы, куда скрылся её хвост, полыхнула оранжевая вспышка, и с задержкой в полсекунды раздался грохот взрыва, потом второго, третьего. Приглушенные телом горы и расстоянием,

автоматные очереди казались сухим треском с вкраплениями басовых ноток работы крупнокалиберных пулемётов. Разведчикам стало ясно – там идёт бой, и, судя по всему, бой этот является, скорее, бойней – машины попали в засаду. Видимо, духи подорвали головные бронетранспортёры и грузовики, чтобы устроить затор. Далее, действуя по отработанной схеме, расстреляли задние машины, отчего колонна встала и превратилась в прекрасную обездвиженную мишень. Из зелёнки на склонах по ней заработали миномёты и крупнокалиберные пулемёты. На ходу, сообщив на базу по рации о происшествии, группа Григория рванула на подмогу. С воздуха помощи ждать не приходилось, вертушки не могли летать в темноте, да ещё в условиях горной местности, вертолётчикам необходимо видеть линию горизонта. По земле транспорт с базы успеет лишь забрать трупы. Положение было практически безвыходным для тех, кто сейчас находился под огнём. Ребята отдавали себе отчёт, что и от них восьмерых толку будет немного, разве что сработает эффект неожиданности появившегося откуда-то подразделения, и духи уйдут в горы, не добив всех. Разведчики на броне решили добраться до поворота, а далее ломанулись напрямую вверх, соскочив с брони у самой горы, туда, в лес, откуда расстреливалась колонна. Они оставили двух человек на транспортёре, и «сучка» на полной скорости пошла по дороге, поливая из пулемёта окрестности и создавая шум, отвлекающий нападавших. Скорее всего, чеченцы следили за колонной, но упустили момент, когда бэтэр разведчиков отстал, остановившись у магазина. Трусцой поднимаясь в гору, ребята заметили парнишку-продавца, бегущего вверх по склону уже возле самых зарослей. Видимо, он спешил сообщить духам о том, что с тыла к ним подходит группа спецназа. Они поспешили за ним, он кричал что-то на ходу в сторону зелёнки и размахивал руками. Вряд ли в шуме и азарте боя духи его слышали, но когда он приблизится, им всё станет ясно. Командиру не осталось другого выбора, он дал приказ снайперу «снять» подростка. Исполнявший в группе эту обязанность, Жак Бун, скинул с плеча «весло» с оптическим прицелом, встал на одно колено, прицелился, в чём не было большой сложности, ибо парень карабкался по склону прямо перед ними, на небольшом расстоянии, и не было бокового движения в сторону, когда целиться через оптику затруднительно. Жак нажал спусковой крючок. Звук выстрела, больше похожий на шлепок благодаря глушителю, не выдал присутствие разведчиков. Хотя в таком грохоте нужды в глушителе и не было. Пуля попала мальчишке между лопаток, разорвав позвоночник и вырвав грудную клетку. Тело, дёргаясь, сползло по склону, оставляя за собой широкий след из окровавленных камней, смешанных с вывалившимися внутренними органами. Перепрыгивая через останки чеченского ребёнка, Григорий разглядел на земле ещё бьющееся сердце, соединённое сосудами с печенью и кусками лёгких: «Прости меня, Господи, - подумал он. –

Извини, братишка, по-другому я не мог, иначе вместо тебя тут будем лежать мы». Времени на сантименты не было, как не было его даже подумать, что делать с трупом парня, ведь инцидент будет расследоваться, понаедет куча этих упёртых наблюдателей из ОБСЕ, а им только дай повод, они цепляются к чему угодно, чтобы защитить «мирное население» от «произвола федеральных войск». А тут и цепляться не надо – труп ребёнка, застреленного российским снайпером, да ещё на удалении от места боевых действий. Это как минимум трибунал, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И искать-то нечего: снайпер в составе разведгруппы, принимавший участие в боестолкновении, а рядом командир, давший приказ на уничтожение. Григорий придерживался принципа решать проблемы по мере их поступления, а главная проблема сейчас заключалась в «закрытии» этого тира, что работал прямо перед ними. «Уборкой» прилегающих территорий они займутся позже.

На полянку, где находились огневые точки бандитов, сначала вышел пулемётчик Зингер. Первая лента, состоящая из двадцати пяти трассеров, всегда находилась в пулемёте. Схема была простая и привычная, она действовала безотказно. Сначала в сторону противника выпускалась трассирующая двадцатипятка - это производило такой эффект, что у пулемётчика было около минуты, чтобы перезарядить оружие, вставив большую ленту на пятьсот патронов. Трассы очереди высвечивали направление целей, вой летящих светящихся пуль, прижимал обстреливаемых к земле, да так, что с минуту никто не решался поднять голову. Автоматчики брали в обхват цель и уничтожали её. От Григория мало кто ухитрялся уйти живым, когда они нападали неожиданно, если, конечно, не было другой задачи. Этим и славилась его группа. Первые две огневые точки они подавили в течение пары минут. Далее, перенацелив миномёты духов на склон соседней горы, откуда вёлся перекрёстный огонь, они накрыли вторую группу. Остатки банды, решив, что их атаковало большое подразделение, дали дёру, рассеявшись по лесу и уйдя в горы, оставив после себя двенадцать трупов, из которых шестеро были арабы в клетчатых платках. Тут же лежали два убитых ослика, видимо, на них банда перевозила тяжёлые миномёты и ящики с боеприпасами. Внизу, около полуразрушенного моста догорали подбитые БМП и грузовики федералов. В воздухе стояла вонь от дымящейся резины и запах жареного мяса. Освещённые факелами горящих машин, там суетились уцелевшие российские солдаты.

- Жак, - обратился командир к снайперу. - Пойди к парнишке, прибери там, и побыстрее. Ваня, помоги ему, возьмите мины трофейные и распылите его.

- Вот так всегда, - ответил Бун. - Мне же и вся грязная работа достаётся. Может, Доктор сходит - он у нас специалист по расчленёнке?

- У Доктора внизу работы сейчас много будет, мы к колонне пойдём, там раненых полно, опять же, ты наделал, ты и прибирай.

- Ну, конечно, - пробурчал Жак. - Я наделал, а кто мне приказы отдавал? Пошли, Ваня, мы с тобой люди маленькие, мы всегда крайние будем.

Они взяли три мины, несколько тротильных шашек, взрыватели от гранат и пошли к тому, что осталось от мальчишки. Не сказать, чтобы это была обычная практика, но иногда им приходилось прибегать к подобным методам. Пользовались им в тех случаях, когда ненароком гибло мирное чеченское население и надо было скрыть трупы, чтобы не объяснять потом всем, кто на кого и зачем напал. Как говаривал ещё товарищ Сталин: «Нет человека – нет проблемы». Тело укладывали в ложбинку, клали на ноги, живот и голову мины или снаряды, обкладывали тротилом, приматывали к нему запал от Ф-1, далее привязывали к кольцу проволоку, разгибали усики, чтобы чека выскакивала легче, и, отойдя на расстояние, дёргали за неё. Тротил взрывался, от него детонировали снаряды, и на месте трупа образовывалась воронка. Труп разносило на мелкие кусочки, которые разлетались в радиусе нескольких десятков метров. Ночью хищники подъедали остатки, и к утру невозможно было определить, что же тут произошло. Доказывай потом, а был ли вообще труп. Или кто-то подорвался на собственной mine. Этот метод назывался распылением и был самым надёжным для сокрытия.

- Не затягивайте там, - крикнул Гриша скрывшимся вниз по тропе разведчикам. - Мы к колонне, вы там тоже нужны, да и начальство сейчас прибудет.

Они даже не стали осматривать тела бандитов и забирать у них документы, оставив это штабным на потом, лишь только проверили, нет ли среди них живых. После проверки живых уже точно не осталось. Кроме одного, с виду легко раненого, но явно контуженного духа. Или тот притворялся, разбираться времени не было. Они подумали сохранить его для допроса всё тем же контрразведчикам из штаба и, чтобы не сбежал без присмотра, перерезали ему ахиллесовы сухожилия. Так и кровью не истечёт, и встать на ноги уже не сможет. А чтобы не покончил с собой, отшвырнули подальше все годные для того предметы и раздробили ему прикладом кисти рук. Кроме официальных, отражённых в инструкциях методов допроса, у каждого командира существует свой, приобретённый с опытом, вариант. У Григория на этот случай был припасён специальный и очень полезный инструмент, подаренный ему закончившим свою службу майором, прошедшим не одну войну: от вьетнамской до бесчисленных африканских и латиноамериканских, в которых тот принимал участие в качестве «инструктора». Этот складной инструментик включал в себя плоскогубцы, шило, отвёртки, лезвия и стропорез. Обычно было достаточно раскрыть его и сообщить

допрашиваемому, что голливудская улыбка - это прошлый век и сейчас входит в моду улыбка типа «певец Шура», и что сейчас этими щипчиками он проведёт тому косметическую операцию по удалению передних зубов. Если намёк не действовал, и дух никак не мог вспомнить русский язык и не понимал, чего от него хотят, тогда стропорезом медленно ему надрезали бровь, поясняя, что так делается «отвлекающая анестезия». В области брови много нервных окончаний и кровеносных сосудов. Это очень неприятная процедура, да ещё кровь заливает глаза и попадает в рот. Привкус крови во рту психологически подавляет человека и стимулирующе действует на его память. Метод этот был безотказен, но не всегда представлялась возможность добиться результата, если имеешь дело с арабами. Эти, конечно бойцы, их Гриша не просто уважал как воинов, а где-то даже любил, и по-своему преклонялся перед ними. К тому же, они действительно могли не знать русского языка. Арабы не просто наёмники, хорошо обученные и подготовленные, они - фанаты своего дела и воюют за веру. Поэтому, если у тебя в противниках арабы, готовься к трудной и умной шахматной партии. Именно так воспринимал их Папа Лаки, и не дай Бог отнестись к ним с пренебрежением или с ненавистью. Тогда твой мозг потеряет собранность, и ты проиграешь. К врагу нельзя относиться, как к врагу. Уж, в крайнем случае, как к сопернику. Его надо любить и уважать, а те, кто этого не понял, недолго живут в условиях этой странной войны, да, наверное, и в любой войне.

Закончив на поляне, они поспешили вниз, к тому, что осталось от колонны. Со стороны базы уже подъезжали машины медиков, «Уралы» с солдатами и штабные «бобики». Сейчас начнётся самое грустное: подсчёт потерь, объяснения с начальством, эвакуация раненых и погибших. Спускаясь вниз к горящим машинам, они остановились на расстоянии слышимости голоса, дали в воздух три очереди трассёрами и прокричали несколько раз, чтобы не стреляли - идут свои, разведка. В это время за горой раздался взрыв, и вскоре их нагнали Жак с Иваном. Возле моста уже происходила полноценная суэта. Шныряли санитары с носилками, перебинтованные легкораненые тупо отходили от произошедшего. Возле труповозки, на плёнке, лежали целые трупы и стояли чёрные мешки с частями тел. Отрапортовав полковнику, Гриша вернулся к своей группе. Они сели в кружок на вывалившийся из грузовика скарб и, наконец-то, закурили. Снайпер Жак Бун с Иваном уже пришли в себя после «уборки», не так-то просто минировать и подрывать труп ребёнка, убитого тобой, но такая уж у них работа - очищать мир от ваххабитской заразы, и они хорошо ее выполняют. Жак, конечно же, не был французом, хотя утверждал, что в нём течёт благородная кровь Бурбонов. Он и Жаком-то не был, просто придумал себе такое имя, и оно прижилось. И придумывать ему пришлось не из выпендрёжа, а, скорее, по нужде. Его родители жили когда-то в Белоруссии, в маленьком

городке Бобруйске. Они положили всю свою жизнь на то, чтобы перебраться в Москву. Сначала переехали в Минск, потом отец трудоустроился в Москве и несколько лет работал там, живя один, без жены. Через некоторое время он получил комнату в коммуналке на улице Делегатской, напротив театра Советской Армии. Перевёз в столицу жену. У них родился там сын. Когда сын подрос, отец ушёл из семьи, посчитав свой долг перед ней выполненным. Он был очень охоч до женщин, как говорила мама, «сексуальный маньяк». Может поэтому, может потому, что юмор такой у него был, только сына он назвал Евгением, притом, что фамилия у него была – Бун. В общем-то, с такой фамилией вполне возможно жить, если у тебя имя не начинается на букву «Е». Иначе как писать в официальных документах сокращённо имя и полностью фамилию. Поэтому ещё со школы во всех списках он числился как «Бун Евгений» и сокращать, как это принято, не стали. Когда парень подрос, он решил переделать имя Евгений, созвучное с сокращенным его вариантом, Женей, в Жака. А так как имя французское, то и придумал себе легенду об аристократических предках-французах, оставшихся в Российской империи после войны 1812 года.

- Жаль, что дури с собой нет, – мечтательно произнёс он. – Сейчас бы «боевую» покурить, тошно чего-то. От этих «учебных» толку никакого. Хотя всё равно это лучше, чем вон в том мешке лежать.

Он затаился, посмотрел на яркий огонёк уголька и вдруг громко рассмеялся. Причём смех его был какой-то надрывный и больше напоминал истерику, он даже не смог сразу остановиться, когда ребята стали одёргивать его, ибо обстановка не сильно располагала к такому методу выражения эмоций.

- Папа, Папа, чё тебе майор, начальник колонны по рации говорил? Типа он лучше курить бросит, чем время терять? Да уж. Теперь он точно бросил, он ведь в первой машине сидел. Вот и верь потом Минздраву, который предупреждает, что курение опасно для вашего здоровья. Мож и опасно для здоровья, только из-за этого курения мы живы остались и пацанов не дали всех положить. Странная какая жизнь штука, вроде бы безусловное зло, а нам добром обернулось...

Потом, вспоминая этот случай, и всю ситуацию, в целом, Григорий удивлялся сам себе. Самое яркое, что осталось в памяти, запало, на всю жизнь, оказалось не адреналин боя, не вывалившиеся кишки подростка, которого он приказал убить, чтобы тот не успел предупредить бандитов. А именно эти слова, сказанные его спецназовцем о вреде и пользе, о понятии добра и зла, о том, что это всё настолько относительно и условно.

Саня часть 2.

Время – такая ехидная штука, для кого оно ползёт еле-еле, для кого несётся вскачь. Вот и Сане уже десятый год пошёл. Старик-китаец, тем временем, беспокойство проявил. Видать, засиделся он на одном месте, и такое с его скитальческой природой в несогласие пошло. А может знак какой ему был. Говаривали, что перед тем, как покинуть остров, он пуще прежнего замкнутым стал. И к народу не появлялся днями. Видели его то на холме посередине острова сидящим. То у родника в роще. Будто молился он своему восточному Богу. Сидел, и как бы сквозь время смотрел. Вокруг него белки скачут, птички по плечам и голове рассаживаются, а он сидит себе с открытыми глазами и в вечность смотрит, даже не замечает их. Любил он Природу, и она ему словно взаимность оказывала. Прощался он, наверное, с местами, что ему родными на два неполных десятка лет стали. Потом совсем пропал, будто не было его вовсе. Даже не попрощался ни с кем воочию. Когда хватились, что больно долго его никто не видал, пошли хатку проведать – уж не преставился ли Вечный Зен? Заходят, в хате всё чисто, прибрано, всё стоит по своим местам, как будто хозяин в сельпо вышел и вскорости вернётся. По стенам картины его, на ватмане сажей писанные висят, на которых всё больше горы по берегу моря изображены и лодки рыбацкие. Картины чёрно-белые, но в каждой красное пятнышко солнца присутствует, то ли клюквой, то ли малиной давленной нанесённое. И целые тексты на тарабарском языке к стене приклеены. Тексты тоже на картины похожи, узорчатые все. Да только смысла в этих узорах никто уловить не смог. А на одной, пригляделись, мелкими буквами печатными перевод прописан: «Тело твоё – твой Храм, в котором живёт Бог, и Храм этот всегда с тобой. Каждый орган имеет сознание. Слушай своё тело, общайся с ним, оно ответит...». Народ задумался, перекрестился на всякий случай и решил, что, видимо, мудрость это какая-то мудрёная, китайская, да и Бог с ней. Потом ящик патронный отворили, а там записка лежит на чистом русском языке. И смысл её такой, что благодарит старик всех, с кем его жизнь свела в краях этих, особенно тех, кому он помочь смог, ибо помощь та обоюдную пользу приносит, как тому, кому он помог, так и ему самому. Всё в мире взаимосвязано. Всё есть взаимодействие энергий. Он свою на помощь людям отдаёт, так она к нему сторицей потом возвращается. Так жизнь его устроена, что пора ему в дорогу отправляться, потому как всё в мире из движения состоит, вот и ему пора двигаться дальше. А куда дальше-то, там не указано. Указано лишь, что остановка движения равносильна смерти, и за прошлое держаться не стоит, а только выводы из него делать для будущей жизни и продолжать движение. Увидятся они с ним ещё или нет, тоже большого значения не имеет. Знает он

лишь, что кое с кем ещё судьба его сведёт, только на другом витке, какой-то там спирали, по которой всё и развивается. Вот и всё, что от того Вечного Зена им в память и осталось. Вроде и не изменилось вокруг ничего, и стога на лугах стоят те же. Те же, да не те, а с новых трав сложенные. И река течёт вокруг острова та же. Та же, да не та, ведь вода-то прошлая утекла безвозвратно, а нынче уж новая прибывает. Зимы весной сменяются, лето к октябрю в осень перекрашивается. Жизнь в деревне не меняется вроде. Лишь старики умирают, да на их место пожилые на завалинках рассаживаются. Отработали своё, теперь и отдых себе мало-мальский устроить позволительно. Но забот у всех хватает. Пенсию-то в те времена деревенским клали копеечную. Жить на неё никакой возможности не было. А младшее поколение мужает, да к делам крестьянским приобщается. Но не все в деревне остаться мыслят. Кто посмелее - норовит в город податься. Жизнь посмотреть, да и рубль подлиннее заработать. Какие в деревне доходы? Лишь на прокорм и хватает. А город манит, и деньгой, и множеством народа, и огнями своими яркими, и перспективой новой жизни. Стройки вокруг громадные поднялись. Абакан-Тайшет, Байконур, Братская ГЭС, да и БАМ достраивать надо. А сколько их ещё в планах! Это только начало. Начало новой интересной жизни. И рук молодых понадобится множество. А руки без специальности, даже если их две, всё равно как одна.

Гриша часть 2.

Базу прекрасно оборудовали. Находясь на приличном удалении от крупных населённых пунктов, тем не менее, она была образцово-показательной. По крайней мере, так оно виделось её обитателям. Сюда часто наезжало начальство вплоть до Президента, он же Главнокомандующий, который побывал тут два раза. Солдаты срочной службы наводили привычный для воинских частей порядок, словно это гарнизон где-нибудь под Рязанью. Ну, разве что траву не красили из баллончиков и не пришивали к кустам бумажные цветы. Когда же ожидали начальство, территорию «пидорасили» как положено: подкрашивали бордюры, обновляли гальку на дорожках, ведущих в штаб, подметали плац и мыли с мылом поросят в свинарнике - вдруг бдительное генеральское око заглянет и сюда. Всё это, вместе взятое называлось - военный городок. Тут были и капитальные постройки, и жилые вагончики гражданских лиц, обслуживающих военных. Здесь же принимали командировочных строителей, которых переправляли дальше на восстановительные стройки возрождающейся республики. Метеостанция обслуживала небольшой аэродром, способный принимать даже очень большие грузовые вертолёты. Внутри городка

за высоким забором, располагалось хозяйство «спецов». В этом хозяйстве спецназовцы разных мастей имели всё, что им могло бы понадобиться для тренировок и отработки предстоящих операций. Специально построили макет аула в натуральную величину - учиться проводить зачистки в специфической обстановке. Сапёры минировали и разминировали учебные заряды, изучая современные сюрпризы подрывного дела, пришедшие вместе с арабскими и прочими иностранными наёмниками на чеченскую землю. Отрабатывали современные технологии борьбы с партизанским движением. Психологи, психиатры и другие «высоколобые», как в форме, так и без, шлялись по спецназовской вотчине днём и ночью. ГРУшники, ФСБшники, контрразведчики, чья принадлежность к этим ведомствам была видна и понятна опытному глазу издали, как бы они ни маскировались под инженеров, были тут частые гости. Прикомандированные в помощь ОМОНовцы также проходили здесь подготовку. С этим народом была отдельная песня! «Вымпела» и «Альфа» старались с ними не знаться, считая, что лучшая помощь от них - это чтобы не мешали. И вообще не их это дело - ведение боевых действий, пусть уж лучше гоняют по рынкам азербайджанцев и собирают проституток, где-нибудь в Химках. Подобное к себе отношение они заслужили, во-первых, отличием от всех «правильных» вояк формой - они носили синевато-сероватую. Во-вторых, подчиняясь своему начальству, они плохо координировали действия с кадровыми военными. Поэтому с ними чаще всего происходили инциденты, иной раз весьма трагические, чем они портили статистику, а иногда, по неопытности, срывали операции своими необдуманными действиями. Как-то даже их майору набил морду один из «вымпелов», когда увидел бравого мента, спускающегося с борта вертолёт в полной экипировке. Майор был в новеньком серо-голубом камуфляже, поверх которого была надета жилетка-разгрузка, полная дополнительных магазинов к автомату, к карабинчикам на груди были прицеплены гранаты Ф-1. Гранаты он повесил прямо за колечко чеки, которую выдёргивают, чтобы та взорвалась. Они подпрыгивали на его широкой груди и стукались друг об друга, когда он лихо выпрыгивал из вертушки. Ждущие своего борта «вымпела» курили, сидя на бочках с керосином, чего, конечно, по инструкции делать было нельзя, но им многое прощалось, да и курили они в рукав. Увидев бравых ментов во главе с майором и болтающиеся за кольцо гранаты у него на груди, они почему-то перестали курить. Один из них крикнул майору, чтобы тот замер. Сигарета так и осталась прилепленной к его губе. Он подошёл к замершему в недоумении милиционеру, тихонечко, зажав рычажок на запале, снял сначала одну гранату, положил её себе в карман штанов, потом вторую. Облегчённо выдохнул, и кулаком с зажатой в нём гранатой, выписал тому хук в челюсть.

- Ты, что же, мудака, делаешь? – Сказал он приходящему в себя майору. – Ты, что же, с самой своей Уфы так летишь? Ещё бы усики разогнул, для надёжности. И нам операцию предстоящую сорвёшь, и городок к херам уничтожишь, тут же горючки вокруг полно...

- А я в кино так видел, носят, – майор, надо отдать ему должное, даже не обиделся. – А чё, по-другому надо?

- Сериалы поменьше смотри, дольше жить будешь, особенно здесь... фонарь разбитый, с уфимской улицы...

Может, авторитет спецов так подействовал, может, просто уфимские ребята оказались вменяемыми и простыми, но этот случай сдружил их с сюрпризовцами. Да к тому же им вместе жить и работать, и делать одно дело, а понты и разжопки вряд ли способствуют выживанию в здешних местах, при подобном ремесле. Особо приятельские отношения сложились с ОМОНовцами у Зингера, «заведующего пулеметом». Как он сам называл себя – «и. о. пулемётчика» - и грозился всучить свою игрушку «молодому», случись у них в группе пополнение. Чтобы управляться с этой машинкой, надо иметь недюжинную силу. Даже человеку с габаритами под два метра, как у него, она его уже так задолбала, что избавиться от этого «крокодила» было мечтой. Кстати, Зингер, как многие считали по первости, сопоставляя пулемёт со швейной машинкой, не было его прозвищем, а являлось фамилией. Обладателю такой фамилии трудно придумать прозвище, да и надобности большой нет. Она сама говорит за себя. Однако ребята в шутку называли его иногда «еврей-ефрейтор» или, для простоты, просто «еврей». Тот не обижался и сначала объяснял всем, что никакой он не еврей, а «коренной поволжский немец». Родился он в Уфе, что и послужило основой дружеских отношений с ОМОНовцами. В армии люди часто сближаются по земляческому принципу, там они называются «зёмами». Его прадед со стороны матери до Великой Отечественной Войны был известным немецким альпинистом по фамилии Вейнтрауб. Вместе с советскими коллегами он покорил на территории СССР все пики, превышающие высоту семь тысяч метров, и получил звание «Снежного барса». Кавказ он знал как свои пять пальцев, поэтому, когда началась война, он в звании полковника СС возглавил батальон горных егерей дивизии «Эдельвейс» и воевал против Красной Армии. Такие истории обычно обрастают смачными пикантными подробностями, верить которым надо с различными допусками. Но по рассказам правнучка, он то ли попал в плен, то ли сам сдался, поняв весь идиотизм ситуации, когда надо убивать своих друзей, с которыми столько связано. Короче, посидев некоторое время в лагере где-то под Уфой, он стал офицером Советской Армии, всё в том же звании полковника. И так же

командовал горными стрелками, только назывались они уже не егеря, ибо в СССР такое название не пользовалось популярностью. После Победы он опять попал в лагерь, причём в тот же самый, хотя имел уже генеральское звание и правительственные награды. Но в те времена это не только не мешало, а скорее даже было поводом для подобных жизненных коллизий. Он недолго получал сей жизненный опыт, так как, всё-таки, был ценным специалистом. СССР в те годы усиленно готовился к экспорту коммунизма на мировой рынок, что подразумевало ведение боевых действий на этом рынке. А действия эти вполне могли проходить и в горной местности, ибо гор в мире было навалом и не во всех из них с готовностью могли принять подобный экспорт. Стратеги в Кремле сообразили, что не стоит гноить в тюрьмах и расстреливать всех мастеров своего дела, даже со столь красноречивыми фамилиями типа Вейнтрауб. Ему вернули звания и регалии и поставили во главе школы по подготовке военных альпинистов, где он и дослужил до пенсии и преклонного возраста.

На расстоянии полукилометра от Базы начинались горы, к которым прилепился небольшой посёлок. Посёлок состоял из трёх сросшихся, некогда отдельных аулов, разделённых между собой горными речками. Речки имели мостки для переправы, но в связи с мелководьем и небольшой прочностью мостов, военные редко пользовались ими, переправляясь обычно вброд на технике. Пешком мало кто ходил в этих местах, не рекомендовано было инструкциями. Самоуправление во всех трёх деревеньках было своё, хотя официально и числилось некое общее начальство. В каждом пункте существовала отдельная клановая власть. По негласной договорённости, вояки могли появляться в посёлке в светлое время суток, в форме, при оружии. Но с наступлением темноты за ближайшую к посёлку реку переходить не следовало, никто не гарантировал там безопасности. Днём население, по крайней мере внешне, дружелюбно относилось к солдатам, но с наступлением сумерек всякое могло случиться. Видимо, с гор приходили партизаны за продовольствием и медикаментами, или сами жители, в основном молодёжь, откапывали в огороде оружие и становились из мирных крестьян боевиками. Ночью местность жила по своим законам, похоже, что ваххабитским. И не дай Бог забираться на гору, что являлась прекрасным пунктом наблюдения за Базой. Забираться на вершину запрещалось всем: и местным жителям, и военным. Да и мало у кого возникало подобное желание, разве что сапёрам со специальными, не афишируемыми картами минных заграждений и ловушек. Гора была очень плотно нашпигована и тем, и другим. Растяжки с сигнальными ракетами и свето-шумовыми зарядами были призваны оповещать о наличии в зарослях нарушителей запретной зоны. Периодически и днём, и ночью там раздавались взрывы, вспышки, и в воздух взлетали ракеты, предупреждающие о нарушении периметра. Тогда со стороны

базы в обозначенное место открывался шквальный огонь из миномётов и крупнокалиберных пулемётов. Потом, если дело происходило днём, туда выходила группа, в составе которой обязательно были сапёры. Если ночью, то дожидались рассвета. Группа выясняла причину срабатывания зарядов. Устанавливала новые взамен отработанных. В случае если находили трупы или прочие останки, их доставляли на Базу и вызывали представителей местных властей на опознание. Но чаще всего виновниками суеты являлись домашние животные, случайно забредшие в лес, или дикие, не предупреждённые об опасности ночной охоты в этих местах. Люди не совались туда после первых пяти-шести погибших. Гору нашпиговали взрывчаткой после случая, произошедшего не так далеко отсюда, у соседнего военного городка, когда примерно с такого же рельефа был сбит из ПЗРКа вертолёт МИ-28, тогда погибло более сотни российских военнослужащих. И вскоре после минирования, в ловушку попала группа духов в арабских платках, с неизменными осликами в качестве транспортного средства и тяжёлыми ракетными комплексами на них.

Саня. Часть 3.

И задумал Саня поменять свою жизнь с крестьянской на городскую. К четырнадцати годам он восьмилетку закончил. А больше классов-то в деревне и не было. Хочешь дальше учиться - подавайся в город. Чтобы в институт поступить, нужен был аттестат о десятилетнем образовании, а где его взять, если школа деревенская только до восьмого класса? У кого родня в городе обосновалась, выкручивались как-то, отправляли детей к ним на житьё, и те устраивали ребят поучиться ещё два класса, с прицелом поступать далее в ВУЗ. Но такое в диковинку было, ибо не всем по возможностям. Тут ещё война Афганская подоспела, неохотно деревенскую молодёжь в студенты брали, так как они во время учёбы отсрочку от службы в армии имели. А кому же тогда Родину от происков империалистических защищать? Обычные детки шли в ремесленное училище, которое уже по-новому называлось ПТУ, а то, что более солидный диплом выдавало - техникум. Там премудростям рабочих специальностей и обучали за какие-то пару-тройку лет. После чего «почётный долг и обязанность» государству отдать можешь, отслужив в армии. А дальше вольный ты, хоть на сверхсрочную оставайся, хоть в институт, хоть на стройки коммунизма. Был ещё другой вариант - пустить всё на самотёк. Тогда тебя по исполнению восемнадцати лет сразу в Советскую Армию призовут. Отслужишь, кто два года, кто три, если на флот попадёшь, а там ты уже совсем взрослый, прошедший «школу жизни», как тогда армию называли. Тогда и льготы на учёбу

предоставлялись, и отношение к тебе солиднее. Большинству товарищей нашего героя жизнь их по такой схеме и виделась. Саня же никак не мог определиться, чему свою жизнь посвятить, да и трудно это на пятнадцатом году, без советов старших. А его никто не принуждал ни к чему, и советов не давал, ибо всё равно он их слушать не станет, а поступит по своему, как ему его собственное разумение укажет. А разумение-то совсем неокрепшее было, одна только романтика в голове, пираты книжные да вольница разбойничья. Природу он любил, да всё больше благодаря тому, что кумир его Робин Гуд по лесам хоронился. Ещё годов с десяти он себе целый лагерь в роще посередине острова оборудовал и днями пропадал в нём. По большей части в одиночку, а иной раз с друзьями своими, коих и было-то два человека: Митька комаринский и Витёк из его же деревни. Вот они втроем и игрались в благородных разбойников. Санёк, как, непререкаемый авторитет и застрельщик, Робинотом назвался. Митька, рослый, в сажень плечи – Крошкой Джоном. А Витёк – Братцем Туком, ибо знали все в деревне, что был его прадед некогда в городе Омске большим православным священником, сгинувшим в своё время ещё чуть ли не при Ленинских репрессиях. Вот так и дружили они по интересам, поклявшись в верности и взаимовыручке друг другу. И дружба эта недобрую службу в их судьбе сыграла в будущем, хотя кто знает, что есть ДОБРО, а что ЗЛО, это ведь с какой стороны глянуть. Мужики на острове их за братию держали, так как к мнению этой троицы сверстники прислушивались, и в указаниях не перечили. А уж как им двенадцать годков стукнуло, так напрямую и сказали:

«Вы, мальцы, уже взрослые, понимания у вас больше, чем у прочих, вы здесь за порядком следить должны и за младших ответ держать. Чтобы на острове всё чин чинном было, по понятиям нашей жизни. Если кто схулиганничает, или того хуже, воровство да крысятничество случится - с вас спросится. Вам взрослые доверие оказали, вы главные в вашем кругу, за другими приглядывайте и их о том предупредите».

Ну, раз их большие дядьки в доверие возвели, мальцы и рады были расстараться и взрослым помочь. А помощь не только в пригляде за сверстниками заключалась. Летом да по осени травы разные собирали, какие в лагерях да на зонах требовались. И мак, и коноплю сажали в потаённых местах, собирали, сушили. И людям сдавали, что за урожаем приезжали, а потом по зонам собранное распределяли. Слов таких, как наркотик, никто и не знал в те времена. Всё это лекарством для зеков считалось, ведь в зонах больного народу тьма кантовалась, и все с недугами, по жизни приобретёнными. А травы эти облегчение давали. Вот пацаны и думали, что на благое дело, к тому же очень это всё с романтикой разбойничьей в согласие сплеталось, помогать тем, кто в заточении томится.

Тут вдруг, неслыханное дело, оказия подвернулась, приехало к ним в деревню комсомольское начальство из области с разнарядкой набрать желающих обучаться в лесотехническом техникуме, да не где-нибудь, а в самом Ленинграде, во второй столице, так сказать. И логика в том простая вырисовывалась: дать сельским детям образование и специальность, близкую к земле и природе. Да с той специальностью они в родные места воротятся и на благо своей малой родины трудиться будут. Природу сохранять и леса оберегать. А то, что учиться их зазывали столь далеко от дома, так видимо не было ближе подобных учебных заведений. Это ныне слово модное - логистика - придумали, чтобы всё поближе да подешевле выходило, а советская власть деньги столь скрупулёзно не подсчитывала, они ж, деньги-то, вроде как народные, то бишь ничьи. Троица наша даже раздумывать не стала над таким предложением. Слыханное ли дело: и наукой овладеть, и мир увидеть, да ещё самостоятельно, без предковой опеки и надзора. Одно препятствие - слово родительское, да благословение их на дальнюю дорогу в чужие края. Хотя какие же они чужие, коли то второй по величию город в твоей родной стране? Вот и старшие так рассудили, а там, глядишь, выучатся на лесничих, может, и далее в науку пойдут, профессорами станут - почёт и уважение родне, да и всей деревне, а то бери выше - району. А там, ясно дело, и до столицы недалеко. Собрали они своих отпрысков в дорогу, перекрестили втихаря от заезжих комсомольских начальников, и после общих деревенских проводов наказ дали вести себя в Ленинграде чинно и не позорить родную землю. С тем и отпустили. Август уже к закату клонился, последняя летняя жара на Алтае догорала, скоро сентябрь осенний отсчёт начнёт, вон уже и листва позолотой подёрнулась. Наказ родительский в юных мозгах не далее Барнаула продержался. Ещё в поезде они начало взрослой жизни отмечать взялись. А чем на Руси отмечают? Всё больше водкой, пока деньги есть. А по мере их убывания - портвейном. Плохо-бедно, хмельные да похмельные, не без угарных приключений, добрались они до северной столицы. Отыскали по адресу в большом городе Лесотехнический техникум. Предъявили свои бумаги, что им ещё дома выписали. Зачислили их без вопросов, вроде как ждали даже. И в общежитие техникумовское на постой определили. Казалось, живи да радуйся, науки хитрые постигай и в большую жизнь выходи. Ан, чтобы выйти в жизнь эту, препятствий немало преодолеть ещё предстоит. А препятствия те, ох как от привычных, что деревенскому жителю знакомы, отличаются. В селе-то ты весь на виду, тебя каждый как облупленного знает и ты всех. Сидит в человеке словно какое-то высшее существо, которое регулирует и сдерживает его поведение. Указывает, что и где можно себе позволить, а что нельзя. А самими собой-то люди редко становятся. Лишь когда совсем в одиночестве и не видит тебя никто. Вот тогда и оборачиваешься таким, каков ты есть. А у неокрепшей

души, в коей годков-то всего ничего, и стержень тот, что поведение регулирует, не окреп ещё и готов тебе любую глупость разрешить. Нет у него ещё контроля, гибкий он и от любого внешнего ветерка пригибается в ту сторону, куда он дует. А уж коли хмельным залить тот росточек-стержень, тогда совсем он ориентиры потерять может. В большом городе, с непривычки, он вообще сбеситься норовит. Да и нравы там незнакомые. Оно и сейчас-то в юных сообществах законы дикие, со взрослой точки зрения. А в те времена даже лютыми назвать можно было, нецивилизованными. Не ведают юноши, что есть боль и унижение, сильным ты быть должен, чтобы выжить, как зверь в тайге. Не зря ведь большие города называют каменными джунглями, прибавьте ещё к этому соблазнов множество, да и отсутствие средств на искусы те. Вот и приходилось новеньким силу свою доказывать, да место в сообществе завоёвывать. Всё общество, по большому счёту, этим жило, да и сейчас мало что поменялось, а коли и поменялось, так уж явно не в лучшую сторону, лишь видоизменилось и современный окрас приобрело. Оно, что в уголовном мире, а с него и в армии, традиция такая существовала - вновь прибывшего в общество свое принимать через испытание, которое «пропиской» называли. Заключалось оно в издевательствах и избиении человека. А после смотрели, как тот себя поведёт. То ли стерпит всё и утрётся, и жить потом по законам сего общества будет. То ли пощады попросит, а потом подчиняться будет, такому не жизнь в обществе в будущем. То ли не стерпит и с жалобой обратится, ну, таким вообще беда. А может, ответит и в авторитеты попадёт, коли силы много. Но тут тоже «бабушка надвое сказала» - прежние-то хороводники ранее завоёванное так просто не отдадут. Вот и выходит, что ритуал этот, как лотерея с призрачным выигрышем. Короче, как ты себя в прописке этой проявишь, так и жизнь твоя, исходя из твоей реакции, и сложится в том сообществе. То ли ты «бугром» будешь. То ли независимым пацаном. То ли «шестёркой» у всех, а то и вовсе грязью под ногами. И чем только люди мозги свои занимают?

Местных питерских в техникуме немного было, в основном приезжие с регионов, да с Ленинградской области пареньки. Местные, городские, особняком держались и на общаговую братву глядели свысока. Дружили с некоторыми по интересам, да всё больше на основе портвейна и танцев-обжиманцев, что модным городским словом называли - дискотека. Оно и понятно - их только тронь, так они своих, с района, ораву приведут. А внутри общаги иной раз такие страсти разгорались, что и травмпунктом, и приводами в милицию кончались. Общежитие не полностью укомплектовано было, лишь наполовину. Учащиеся, кто заранее приехал, кто подтягивался ещё с опозданиями. На каждом этаже при лестнице график дежурств висел. Какая комната за чистоту и порядок отвечает. Чтобы и туалеты вымыты были, и на кухне без грязи обходилось. Троица наша в одной комнате обитала, к ним ещё четвёртым пацанчик с города

Ухта добавился, тоже из вновь зачисленных, по имени Юрик. Они график дежурств тот как должное восприняли, и в свой день вахты достойный порядок соблюдали. На следующий другая, соседняя комната к дежурству приступала, в которой четверо четверокурсников обитало. Они и старше были, и курс у них последний, выпускной, и армия им в скорой перспективе причиталась. Потому они уж больно важными и главными себя чувствовали. Ещё утром, до занятий учебных, заходят они, все четверо, в комнату к нашим алтайцам, и один из них, тот, кого остальные Вованом промеж себя, звали, говорит:

- Вы, что же, зёмы, дрыхнете ещё? Уже занятия скоро, первая пара через час, а у вас конь не валялся, мы там в кухне ночью намусорили и в туалете срач.

- Как это срач? – Отвечает за всех Саня. – Мы вечером везде порядок навели, в кухне прибрали, очки в туалете отпидарасили так, что они такими чистыми с открытия общаги не были. И дежурство своё коменданту Октябрине Петровне сдали. Она даже удивилась, насколько чисто всё. А теперь это не наша забота. Мы свой день дежурства отпахали. Сегодня других очередь.

- Ты, зёма, откуда такой разговорчивый - не догоняешь, что ли? Ты с кем так говоришь? Ты плесень ещё зелёная, тебя что, не учили, как со старшими общаться?

Саня и товарищи его молчали в недоумении по сему обвинению. Однако чувствовали в чём-то подвох, но понять не могли, в чем же они порядок вещей нарушили. А общий тон разговора навевал мысли о нехорошем. Вован тем временем продолжал, обращаясь к своим:

- Да, хотел я добрым быть, но, видимо, не судьба, придётся учить зелёнку. Их что, ещё не прописали, что ли? Порядки не разъяснили? Вот вечером и займёмся, – сказал он друзьям своим и повернулся к алтайцам. – Это откуда же в нашем доме такая борзота завелась? Откуда вас к нам занесло, шисята? Вечером мы вам подробно объясним, как тут жить принято и кто тут главный. А пока быстро подхватились и говно в сортир убирать побежали. И чтобы мухой. А то на лекции опоздаете, а учение – свет, как Ильич нам завещал. И очки чтобы блестели, как у кота яйца.

- А вы, пацаны, случаем, не из четвёртой комнаты, которая сегодня дежурит по графику? – Догадался Саня. – Мы тут мало ещё с кем якшались, но, похоже, вы тут свои уклады заводите, и комендантский распорядок вам не указ.

- Уясе! – Округлил глаза маленький чернявый паренёк, явно с Кавказа. – Секи, Вован, кто здесь больше всех борзеет-то, оказывается.

- Да, Аслан, – ответил Вова. – Совсем молодёжь уважение к старшим потеряла, придётся лечить его по-взрослому. С него и начнём вечером. Ох, плесень, разозлили вы меня сегодня, а я в таком хорошем настроении проснулся. Ну, ладно-ладно, отдыхайте до заката, готовьтесь. Как бы потом вам жалеть не пришлось. Аслан, пацаны, пошли в пятую комнату, там тоже зелёные живут, пускай они за этих недоносков пока уберут, а вечером разберёмся.

Грозная четвёрка старшекурсников вышла из комнаты, а наши герои, молча глядя друг на друга, стали соображать, что же это за несправедливость такая и что же их ожидает вечером. Хотя с вечерней перспективой всё было и так понятно. Их явно собрались бить, и бить их надумали нешуточно. Драки ребята не боялись, будь она честная. Все трое были здоровыми не по годам, сибирскими парнями, выросшими на козьем молоке. Но их было только трое, если не считать ухтинского задохлика, который в драке, скорее, не боец, а обуза, ибо ещё следить надо, чтобы его не забили. Статью он не отличался, ростом был невелик и силы в нём видимой не наблюдалось. Оно и понятно. Какие на севере в те времена витамины в питании. Да и что это за жизнь такая, у них ведь лето всего пару месяцев, снег с октября по май лежит, и солнечных деньков раз-два, да обчёлся. Как без солнышка организму развиваться? А вот задиры, хоть тоже не Игори Высоцкие с Теофилами Стивенсами, но их, видимо, много, так как в стаю сбились уже давно за годы пребывания в Ленинграде. К тому же Вован, их главный, откуда-то из области, по слухам то ли Выборгский, то ли Колпинский. А это совсем недалеко. В случае чего, и за подмогой смотаться может. Так что дело им предстояло боевое и непростое, но, видимо, разрулить его мирными способами не удастся. А принимать столь униженное положение честь и понятия не позволяли. Вот они и обрешили себе, что ежели бить их будут, то придётся отвечать, и биться они будут до конца. По праву главного ещё по их лесным робингудовским забавам, Саня выработал тактику и объяснил товарищам диспозицию. Держаться всё время вместе. Как до дела дойдёт, по возможности к стене спиной прижиматься, чтобы сзади никто не смог напасть. А коли такой возможности не представится, то спина к спине и Юрика мелкого в середину. Но самим не нарываться, в город сегодня вечером не выходить, сидеть в комнате, где пространство ограничено и возможностей держать оборону больше. А там видно будет, как в будущем поступать. Мысль не ходить на занятия они отвергли сразу, светлая часть дня не время для разборок, да и обещана им была экзекуция на вечер. А учёбу пропускать не солидно с испугу, особенно первые занятия.

После занятий они держались вместе. Не таясь, но всё же соблюдая разумную осторожность, проходя тёмные питерские закоулки, они вернулись в общагу. То ли им так казалось с волнения, у страха-то глаза велики, но в здании царила

какая-то напряга. Девчонки, встретившиеся им на лестничной клетке, когда они проходили женский этаж, глянули подозрительным взором. Видимо, слухи о том, что новеньких «лечить» будут, дошли и до тех. А может опять же, причудилось. Ребята проскочили в комнату и, молча, занялись своими делами. Кто просматривал сделанные давеча на лекции пометки в тетради, а Саня уселся писать родокам весточку о своём житье-бытье в северной столице. Он достал из сумки шариковую ручку, подаренную ему дядей Колей, тем самым мужичком в наколках, что забирал у них собранные для зоны травы. То был ценный подарок. Это в городе мальцы уже перешли на писание подобными ручками, а у них в школе такая была в диковину. В начальных классах вообще разрешались только металлические перья, вставленные в специальную палочку, наподобие карандаша. Их макали в чернильницу и выводили свои первые каракули. Потом появились авторучки, которые макать уже никуда не было надобности, чернила в неё засасывались из пузырька, ежели покрутить наконечник. Санин же подарок был невидалью и вызывал зависть у прочих, да такую, что учительница попыталась было запретить ему носить её на урок. Она ставила двойки, коли тот выполнял домашнее задание «вражьим пером». Вызвала даже мать однажды в школу. Да только с ним запрет этот не прошёл, он всё равно пользовался ею. Ручка была сделана из трёх выпотрошенных автоматных патронов. От двух имелись только гильзы, а третий был вместе с засверленной пулей, из которой и выглядывал стержень. Ручка была тяжёлой, красивой, приятно лежала в руке, это была настоящая вещь. Саня очень её любил и гордился ею и тем, как, чьими руками и за какие заслуги, она была ему преподнесена. То было, как награда за проделанные труды в помощь зекам. Зеки и тачали на зонах такие поделки. Саня уже порядком написал - как началась учёба, как они питаются тут и ездят на «ушастых» автобусах, которые работают от электричества, скользят «ушами» по проводам. Тут дверь приоткрылась, и в проём заглянула голова. Выражение лица у этой головы было напуганное, а принадлежала она пацанчику из пятой комнаты, также из новеньких. «Пожалуй, началось», - понял Саня.

- Кого из вас Саньком кличут, комендант вызывает, - выпалила скороговоркой голова.

- Для кого Санёк, а для тебя Александр, - встал из-за столика Саня. - Коменданта-то не Вован зовут? Или он директором техникума себя уже назначил?

- Не знаю, мне сказали передать, в туалете он.

- Кто? Вован, или директор, или комендант? - Засмеялся Александр, убирая в тетрадь листок письма и пряча ручку в задний карман штанов. - Пошли.

- Мы с тобой, – вскочил Крошка Джон-Митька.

- Не стоит, пока базар будет, пока то да сё, я минутку-другую продержусь, а вы как раз через пяток минут и подваливайте, так неожиданной выйдет. Юрика оставьте. Ненароком сам зашибёшь его в давке, Митяй. А ты - чтобы молчок, чтобы сдуло тебя подальше, – обратился он ко всё ещё торчащей в проёме голове. – Ну, пошёл я, помолясь.

Он вышел из комнаты и направился по коридору в сторону туалета. Чего же его там ждёт и как действовать, рассуждать было глупо. Может, оно и впрямь комендант вызывает. Но то навряд ли, она бы скорее зашла, ведь комната их как раз напротив лестницы находится, всё мимо идти, как туда, так и обратно с технички. Да, видимо, биться придётся, ладно, не впервой. И чего гадать, сейчас оно и выяснится уже. Туалет находился в самом торце коридора, напротив общей кухни. Как только откроешь дверь, попадаешь в небольшую комнатку с несколькими умывальниками. По левую руку будет вход в душевую. По правую, собственно, сам туалет с расположенными в ряд напротив окна очками армейского типа. Саня вошёл в умывальную, там никого не было, стоял полумрак, подсвеченный из одинокого окна сентябрьскими сумерками. Он открыл дверь в туалет, где горела тусклая лампочка. На широком подоконнике сидели двое и курили. Один из них был Вован, второй - тот чернявый с Кавказа, с чудным именем Аслан.

- Ну, заходи, алтайский хлопец, – сказал Вован, щелчком выбрасывая бычок в открытое окно.

Саня вошёл, оставляя вход за собой открытым, и тут же услышал скрип двери, ведущей в душевую. В проёме её показалось несколько человек - сколько именно, он подсчитать не успел. Он повернулся на девяносто градусов, спиной к пустому углу, где хранились обычно швабра и веник, так, чтобы держать в поле зрения появившихся из засады и тех, кто сидел внутри.

- Да ты не бойся, мы тебя не больно зарежем, – пошутил фразой из только что прошедшего, нашумевшего фильма, Аслан. – И швабру не нащупывай, мы её на всякий случай убрали, вот она.

Он крутил в руках палку. Вован соскользнул с подоконника и медленно направился в сторону Сани.

- А то знаем мы вас, колхозничков с лесничего отделения, вы же без палки никуда, ни в лес, ни по дрова, – проговорил он благодушно. – Правильно, пацаны? Ну, и что мы будем делать с борзым колхозничком? Учить-лечить или сразу опустим?

Саня молчал, понимая, что положение его незавидное. Он думал, как протянуть время, пока не подоспеют друзья. И просчитывал свои действия. Вовану он успеет выписать с левой, в челюсть, так, чтобы он повалился на тех, что вошли в дверь, надо только подождать, когда он приблизится и замахнётся, тогда у него центр тяжести отклонится и уронить его будет сподручнее. Пространства мало, те не успеют что-либо предпринять, сбитые телом. Потом вырвать у черномазенького обмылка палку, хорошо бы, чтоб он тоже приблизился. Ну, а палкой он фехтовать научился по-робингудски. Тут и товарищи его подоспеют, тогда этим уродам вообще конец. Ведь те появятся сзади них.

- Так чего тут думать, Вован, - сказал один из стоящих в проёме. - Твоё дежурство сегодня, он понятия наши нарушил, давай его башкой очки и прочистим. Или вылизать их заставим.

В Сане, при подобных диких словах, всколыхнулся гнев и подступила тошнота. Вот она-то, как раз, была совсем некстати. Волна обиды, перешедшая в ярость, ударила в голову, затмив на мгновение рассудок. «Не жить подонку, - промелькнуло в сознании, - запомню, кто такой». И этого мгновения хватило, чтобы он потерял контроль и отвлёкся на своё состояние. Группа у двери расступилась, и из получившегося промежутка кто-то плеснул на него из ведра вонючую помойную воду. Саня зажмурился, уворачиваясь, чтобы не попало в глаза. И в это время получил сильнейший удар в левую челюсть со стороны Вована. Он повалился на пол, отключившись на доли секунды. Удары сыпались на него со всех сторон. Били его ногами, и, кажется все, кто находился в этот момент в туалете. Он перевалился на левый бок, чтобы предохранить селезёнку. Потому, как в памяти всплыли слова старого китайца о том, что селезёнкаместилище духа, и потеряй он её, будет потом безвольной личностью. Инстинктивно согнувшись и втянув голову в плечи, он прикрывал правой рукой лицо, стараясь, чтобы локоть предохранял печень. «Вот немного успокоюсь, да и они устанут, - мелькнуло в голове, - где же Митька с Витьком, сейчас они их отвлекут или пробиться сюда не могут из-за толпы?». Как-то всё быстро происходило. Сознание его начало мутиться ещё больше, он не заметил, как уже лежал на спине, в крови и луже помойной воды. На животе его стоял правым коленом Вован и расстёгивал ширинку.

- Дайте-ка, я приведу его в чувство, - смеялся он. - Освежающий душ ему сейчас устроим.

Дикость понимания того, что люди способны на такое, и то, что всё происходит именно с ним, взбесила Саню. Это взбудоражило его и полностью лишило рассудка. Одна мысль билась в мозгу - убить гада. Правая рука его была свободна, она потянулась к карману и нащупала драгоценную ручку, которой он

совсем недавно писал матери письмо. Прямо перед его лицом болтался член Вована, готовый извергнуться мочой. И в нескольких сантиметрах от руки находилась задница врага. Саня со всей силы ударил остриём ручки в то место, куда позволял угол согнутой руки. Послышался треск разрываемой ткани, и штаны между ног Вована стали мокрыми от крови. Он схватился за пах и повалился на бок. Ручка пробила ему промежность и порвала мошонку.

- Нож, у него нож, – прохрипел тот, выпучив глаза от боли. – Он пырнул меня! Валите его, пацаны... врача, врача зовите... ой, ой, да убейте же вы его, наконец,... врача!

Раненый корчился на полу. У Сани всё расплывалось перед глазами, да ещё эти вопли отдавались болью в гудящей голове. В руках его была зажата окровавленная ручка, сам он был мокрый и тоже весь в крови. Притихшая, оторопевшая толпа его истязателей отпрянула от лежащих в кровавой луже. Левый глаз его затёк и ничего не видел, правым он заметил среди стоящих своих друзей-земляков. Вид у них тоже был неважнецкий, им здорово досталось. Видимо, их перехватили и били в предбаннике-умывалке, когда они поспешали к нему на помощь. Всё было как будто во сне, и происходило не с ним. А тут ещё стоны и вопли этого гандона на полу его страшно раздражали. Саня поднялся на четвереньки, скользя левой рукой по крови, залившей пол.

- Заткнись, сука, – прохрипел он. – Заткнись, падаль.

И всадил окровавленную ручку под челюсть Вовану, так, что рот того закрылся, как сшитый гвоздём, будто приколотили отставшую доску. Вован затих, подёргиваясь в судорогах, на губах его стали надуваться пенящиеся розовые пузыри. Ручка торчала из челюсти, пробив её снизу, пройдя язык и застряв в нёбе.

- Он его убил, – прошептал Аслан, отступая к двери. – Бежим, пацаны, бежим... коменданту... ментам надо...

Туалет опустел, на полу лежал согнувшийся, подёргивающийся окровавленный Вован, рядом сидел, покачиваясь, не менее окровавленный Саня, а у двери стояли его алтайцы. Спустя какое-то время в проёме двери показался Юрик, глаза его горели, он держал в руке железку от спинки кровати.

- Я к вам, не смог усидеть... что тут? – Взгляд его, на секунды, стал растерянным, потом снова сконцентрировался. – Убил? Мёртв?

Ему никто не отвечал, все тупо глядели на кровавую сцену. Юрик подошёл к Вовану, повернул за волосы его голову, чтобы глянуть в глаза. Тот захрипел и

приоткрыл их.

- Живой пока, – спокойно констатировал Юра. – Врач нужен, а то точно окочурится. Водой полейте, ручку не трогайте, кровью истечёт. Саню помогите поднять.

Спокойствие этого малого подействовало на ребят отрезвляюще. Они ринулись подсоблять к пытающемуся подняться Саньку. Руки и ноги того скользили по полу.

- Я говорю, ведро набирай, – прикрикнул ухтинец на алтайцев. – Плесни сюда... и на Сашку тоже... давай в душ его, ополоснём.

Он без возражений взял на себя инициативу, и сибирские здоровяки ему повиновались. Они отвели приходящего в себя Саню в душевую и прямо в одежде поставили под струи воды.

- Быстрее, – командовал Юра. – Эти хлюсты обосравшиеся вниз понесли с воплями, что убили тут. Октябрина уже домой сдриснула, телефон у неё в «аквариуме» заперт. Дежурные в комнате закрылись. Времени у нас немного есть. Боюсь, они девок на уши своими воплями подняли, те поразумнее, могут и к таксофону ломануться, мусоров звать. Так что время-то у нас есть, но в обрез. Давай, давай шустрее...

Саня, уже достаточно придя в себя после водных процедур, самостоятельно хромал по коридору в сторону их комнаты. Этаж как будто бы вымер, видимо, весть ещё не достигла ушей обитателей общаги. Они заскочили в комнату и инстинктивно закрыли дверь на шпингалет. Юрик сел к столу, вырвал из Саниной тетради листок и, найдя карандаш, начал что-то писать.

- Саня, вещи в сумку... только самое-самое необходимое, тёплые, холодно там уже, главное... деньги, свидетельство о рождении, – командовал он, не отвлекаясь от своей писанины.

Саня машинально выполнял его распоряжения, даже не понимая, что же он делает и для чего всё это.

- Постой, – вдруг сообразил спросить он. – Ты чего задумал?

- Валить тебе надо, тут менты сразу возьмут. Упекут на малолетку, а там подобное – обычное дело. Только хуже ещё. Ещё и мусора с тобой такое раз в неделю вытворять будут.

- Куда валить-то? Домой, в тайге отсиживаться?

- Домой тебе сейчас совсем нельзя, попозже, когда успокоится малость, они первым делом дома искать кинутся, можешь и до Комарово не доехать, возьмут в поезде.

Они замолчали в раздумьях, Юра продолжал писать.

- Я тут малявочку тебе накалякал и адрес, – сказал он, наконец, сворачивая листок. – Хороший ты парень, Сашка, жалко, если пропадёшь.

- Объясняй, чего удумал.

- Некогда, по дороге всё, держи малявку, спрячь её хорошенько, чтобы не потерять, а адрес выучи лучше, – сказал Юрик и встал, протягивая Саньку листок бумаги. - Если бумажку посеешь, скажешь, когда в адрес придёшь, что от Юрки Мамайского, объяснишь, что к чему, помогут тебе. Не знаю что, но точно помогут, может, спрячут пока, может на поселение к вольным проводят, там отсидишься, может, в скиты к староверам, они разберутся, север большой, народа в нём мало. А теперь валим отсюда, пацаны, вы вперёд, глядите, чтобы на мусоров не нарваться. Я Саше по дороге расклад объясню. Идём спокойно, чтобы внимания не привлекать. К Заставе, там станция, откуда на восток автобусы ходят. Вперёд.

Ребята повиновались, так как тон ухтинского паренька и осмысленность его действий не терпели возражений, он единственный, как поняли все, кто хоть что-либо соображал в подобных жизненных коллизиях. Откуда это, был уже другой вопрос, но уверенность, с которой он действовал, внушала им полное доверие. Главное сейчас, выйти за территорию общаги. Далее будет проще, улицы ещё полны народа, там они легко затеряются. Вряд ли кто-нибудь будет обращать внимание на группу идущих с занятий студентов. Не на роже же у них написано, что их менты разыскивают, хотя следы побоев видны. Особенно на Саниной. Хорошо, хоть кепочкой прикрылся и ворот поднял. Они не пошли воротами, а перелезли через забор с тыльной стороны здания. Двое алтайцев находились разведчиками впереди. Проскочили пару угрюмых и мрачных ленинградских дворики и очутились на широкой, освещённой улице. Юрик шёл с Саней и излагал ему обещанный расклад.

- Тут ведь в чём фигня. Сейчас шухер по общаге пойдёт, тебя нет нигде. Что менты предпримут?

- Искать будут, а найдут, хуже сделают, может сдаваться лучше пойти? Я ведь оборонялся, они толпой на меня...

- Это ты потом следакам да прокурорам разъяснять будешь, коли жив останешься, – отрезал Юрик. – Дружок у меня также рассудил, примерно, в подобной переделке. Месяц назад похоронили. Умер, сказали в изоляторе, от врождённого порока сердца, гроб не открывали, похоже, там смотреть было страшно.

- Это как же так? – Опешил Саня. – Что, убили его в самом деле?

- А ты думаешь, почему в закрытых гробах хоронят? Били долго, пока дух не испустил.

- Во дела.

- К тому ж, этих гавриков с Вованом много было, они на следствии покажут, что ты драку затеял и заточкой пырнул. Нас слушать не будут, мы при деле не присутствовали, это каждый подтвердит. Молись, чтобы хер этот не сдох, тогда вообще могут сто вторую припать с отягчающими, если у них план по раскрытию убийств не выполнен. Оно, конечно, то не заточка у тебя была, а ручка, и на сто четвёртую или сто пятую тянет, аффект или превышение самообороны. Но не надо на это надеяться.

- И откуда ты такой грамотный да взрослый взялся? – Саня начал уже отходить от шока.

- С Ухты, Саня, с Ухты, с Коми АССР, у нас там быстро мальцы взрослеют, жизнь такая взрослая у нас, зон да лагерей много в округе, – ответил Юра. – Если бы ты Вовану только яйца оторвал, ещё полбеды. Но ты ему в репу ручку воткнул, а то уже совсем другое дело, плохое дело. Хотя я тебя понимаю. Возьмут тебя в Питере, определят на малолетку по месту ареста. Ты не местный, какое к тебе отношение? А порешил своего, областного, прикидываешь? Тут уж коли возьмут, так подальше от Ленинграда, лучше уж в наших местах, там тебе выжить легче будет, я, чем смогу, помогу.

Они помолчали немного, представляя себе ситуацию каждый по-своему. До станции уже было рукой подать.

- Ладно, давай по делу. Доедешь до Череповца на автобусе, оттуда до Вологды раз плюнуть. От Вологды до Ухты хоть в товарняке доберёшься. Там пойдёшь к тёзке своему, дяде Саше, адрес я написал в конце листочка, – Юрик говорил так спокойно и убедительно, что у Сани стала проходить нервная трясучка, и возвращаться рассудительность, в той мере, которая возможна в подобной ситуации. – Дядька он мой. Всю жизнь по зонам чалился, шесть ходок. Он в авторитете большом. Покажешь ему записку. Он меня любит сильно, своих

детей ему не положено, так на меня любовь вылил. Я написал, что попал ты в историю, меня защищая.

- Так ведь не правда это.

- Почему не правда? Как посмотреть, ты ведь оберегал меня, на вызов, просил не брать, чтобы не затоптали, значит, правда. Мысли-то у тебя обо мне были? А если дядька подробности расспрашивать будет, ты ему не ври, всё, как есть рассказывай, на совесть. Его не проведёшь, тёртый он, фальшь чует. А если гонимо в твоих речах заподозрит, хреново будет.

Он ещё давал какие-то второстепенные инструкции, Саня слушал в пол-уха, а в голове его проносились события сегодняшнего дня. Они добрались до станции как раз во время. Через пятнадцать минут отправлялся автобус по маршруту Ленинград-Череповец. Последний на сегодняшний день. Это был новенький Икарус, внутри него уже сидело несколько пассажиров. Ребята не стали «отсвечивать» на хорошо освещённой площадке автовокзала. Все четверо обнялись и побратались в тени навеса, воздвигнутого над скамейками для ожидающих. Они рассудили, что лучше будет не тянуть с проводами, и Сане побыстрее забраться в салон. Тот так и сделал, предъявив сонному кондуктору приобретённый для него Витьком билетик, и устроился на заднем сидении, у окна. Ребята помахали ему и не спеша, специально оттягивая время прибытия в общагу, потопали обратно, готовясь к предстоящему общению с представителями правоохранительных органов, которые явно уже ожидали их в комнате номер три. Они решили сделать большой круг по малознакомому городу, чтобы оттянуть это терзающее душу событие, а по дороге договориться, как отвечать на вопросы одинаково. Впрочем, врать им сильно необходимости не было. Они будут чётко держаться линии выгораживания Сани. Что его вызвали в туалет для избиения, и когда они подроспели, его всё ещё били толпой старшекурсники. Ручки до этого они у своего друга не видели, возможно, она принадлежала пострадавшему, и Саня сумел выхватить её у того во время возни на полу. Далее они ничего не знают, со страху разбежались из общаги кто куда. Саня говорил, что сваливает из города к себе на Алтай, а больше они ничего не слышали от него или не запомнили, так как сами были очень напуганы. Вроде бы всё выходило гладко и логично, главное, не запутаться, кто и куда направился. Если будут выяснять пошагово их действия, то они помогли Сане умыться, и он убежал в неизвестном направлении, видимо, на вокзал. А они все трое решили отсидеться в сквере, том, что находится в прямо противоположном направлении от автостанции, чтобы не наводить ментов на мысль об автобусе и направлении Саниного бегства. Саня тем временем трясся на заднем сидении Икаруса, выезжающего из города. Он пытался сообразить, за что же ему выпали все эти

испытания. Мысли его не просто путались, они метались в голове, мутя рассудок. Взрослая жизнь, так удачно начавшаяся, вдруг повернулась к нему своей тёмной стороной, чёрной задницей. Как такое могло произойти? За что ему это? Видимо, он стал забываться во сне, ему вдруг привиделось: всё, что с ним происходит - не случайно. Что жизнь его шаг за шагом выстраивается в какую-то определённую, логичную линию. Жёсткую, полную трагичности, но точно не случайную. И люди попадаются на пути не случайные. Всё это как петельки, как будто мать его вяжет свитер из пряжи. Одна за другую, одна за другую. И Вован как подослан ему во испытание. И ручка оказалась у него в кармане, вроде как случайно, а вроде, как и за чем-то. И Юрик этот, почему он оказался на его пути? Ведь пацан ещё, хлюпик, а вон какой учёный в подобных скорбных делах. И молчал всё время их знакомства, как партизан, ан, гляди, проявился в самый ответственный момент. Ведь неспроста это. Как мать поведала ему не так давно в откровенном разговоре: он и жить-то уже два раза, как не должен был. Ещё в детстве схоронить пытались... не дался, выжил. Что-то водит его по грани, а сорваться не даёт. Неспроста это. Что-то теперь дальше будет. Неужто ему на роду так написано, испытания принять, и какие они дальше-то пойдут. Да разве осмыслишь такое на пятнадцатом году жизни. Наверное, Саня заснул, ему казалось, будто сидит он на табурете в маленькой тёмной комнате, напротив него, через столик, расположились двое, один в гражданской одежде, второй в серой ментовской форме. Один помоложе, тот, что в гражданке, второй уже в годах. Один понимающий, но с недобрим взглядом, тот в свитере, другой безразличный и молчаливый, но...

- Молодой человек, просыпаемся.

Саня подскочил, испугавшись. Автобус стоял на остановке с выключенным двигателем, усыпляющей вибрации больше не чувствовалось.

- Что, приехали? - Спросил он. - Какая станция?

- Уже минут пятнадцать стоим, Череповец, все вышли давно. - Прокричал ему водитель, сходя с автобуса. - Я тебя и не заметил сразу.

- Так быстро, - Саня пошёл по проходу к передней открытой двери. - Сколько же мы ехали?

- Это если спать, так кажется, - ответил водитель. - А за баранкой, да по такой дороге время, наоборот, еле ползёт, из графика выбился, девять часов ехали.

Саня вышел со станции, было очень темно, раннее северное утро даже не думало разгуливаться рассветом. Он пошёл направлением, указанным ему уборщицей в зальчике ожидания автовокзала, отыскивать железнодорожную

станцию. Первая электричка на Вологду отправлялась через несколько часов, ожидать её он не хотел, вернее, боялся одиноко торчать на станции. Он прошёл дальше, нашёл большой разъезд с товарными поездами.

- Дядька, а куда отсюда товарняки идут? – Спросил он встречного мужичка в рыжей жилетке, с молоточком на длинной ручке.

- А какие куда, - ответил безразличный работник. – Ентот на Запад, ентот на восток, осторожней, сейчас тронется.

- На Восток, это через Ухту, что ли?

- А ежели и через Ухту, – непонятно выразился мужичок. – Ты, коли чё удумал, так лезь в вагон и не маячь тут более. Шляются, бичи малолетние.

- Да, не бич я, дядька. В Ухту мне надо, позарез, – сказал Саня и даже ухмыльнулся мысленно символичности своей речи, надо же, как вышло: «позарез». – К дяде своему еду, а денег не осталось.

- Так и лезь быстрее, чё ты мне мозги е..., вон, окошечко наверху видишь? Доски отвори и пролезай, потом обратно прибайки изнутри, эти с зерном вагоны, те вона с картошкой, в них не плацкарта ехать.

В вагоне температура была выше, чем снаружи. Видимо, зерно дышало и прело, выделяя тепло. Саня приладил на место оторванные доски. Он находился почти под самым потолком набитого доверху вагона, до крыши можно было достать рукой. Не спальный вагон, конечно, зато на халяву и укромно, рассудил он, аж жарко, если зарыться в зерно. Одно огорчало, что выгладеть он в Ухте будет грязным бомжом после такого путешествия, но так и деваться было некуда, да и вид его будет более жалостливый, когда он придёт к дяде Саше.

До конечного пункта своего назначения добираться ему пришлось двое суток. Поезд часто останавливался, то на узловых станциях, то на разъездах, пропуская встречные составы. Очень хотелось есть, ведь с обеда того злополучного дня у него и маковой росинки не было во рту. Эту проблему он как-то решил, ведь под ним было несколько тонн хлеба, правда, ещё не испечённого. Он жевал зерно, и это заглушало тянущую резь в животе. А вот без воды было совсем тяжко. Но он терпел, представляя себе, как, сойдя с состава, первым делом направится в магазин и купит себе сразу три бутылки «Ессентуков». На вторую ночь снаружи разразилась пурга, мощный заряд снега хлестал по стенам и крыше вагона, попадая брызгами через щели между досок в лицо. Саня оторвал одну на окошечке, подставил руки и ловил пригоршней драгоценную

влагу. Потом слизывал её с грязных рук. Это немного помогало. Кое-как напившись, он вытер мокрыми руками лицо и отёр их об одежду. Ну, вот и умылся - засмеялся он про себя.

В городе Ухта, в магазине «Ессентуков» не было. На полках сзади продавщицы стояли трёхлитровые стеклянные банки сока нескольких наименований. Для продажи в розлив на прилавке торчали конусообразные емкости, наполненные томатным. Рядом стоял стакан с мутной уже водой и несколькими алюминиевыми ложками. Тут же находилась майонезная баночка с мокрой солью. Двое мужиков размешивали ложечками соль в стаканах сока и давили им похмелье «со вчерашнего». Саня купил калорийную булочку за девять копеек, он выбрал без изюма, для экономии, так как она стоила на копейку дешевле, мало ли как обернётся, деньги ему сейчас нужны, и три стакана сока. Мигом управившись с провизией, он спросил у мужиков, как найти улицу Ленина и, получив ответ, пошёл в указанном направлении. Дом, обозначенный в маляве Юрика, в котором обитал дядя Саша, он отыскал быстро. Дом был большой, трёхэтажный, на самой центральной улице. Похоже, дядька и впрямь был в авторитете. Саня нажал звонок у двери нужной квартиры на втором этаже. Дверь отворилась, на пороге стояла молодая женщина в халате и мягких домашних туфлях.

- Кого тебе, малой? - Спросила она, не здороваясь, впрочем, он тоже с устатка не сообразил проявить вежливость.

- Дело у меня к дяде Саше.

- Это, небось, с Питера хлопчик, – раздался из глубины квартиры хриплый и низкий мужской голос. – Ну, пусть войдёт, проводи его, Тоня.

- Деловой, – пробурчала женщина, отвернулась и зашлёпала вглубь квартиры.

Саня вошёл, закрыл за собой дверь и начал разуваться.

- Проходи в залу, – высунулась из комнаты женская рука, и палец указал на двойную дверь с матовыми стеклами посередине.

Он вошёл в гостиную, стены которой были завешены коврами, ковёр был и на полу. Вдоль одной стены стояла лакированная импортная мебель под условным названием «Стенка», а в углу на тумбе расположился, мечта любого советского человека, цветной телевизор Рубин. В кресле за маленьким столиком сидел по пояс голый человек с горящей папиросой в руке. Он был весь расписной, татуировки заканчивались у него под самым подбородком. «Откуда это он понял

про меня»? – Мелькнула вдруг у Сани в голове волнительная мысль.

- Вот, значит, ты и есть Юриков кореш? – Проговорил человек, немного шепелявя. – Получил я от него вчера телеграмму.

Дядя Саша показал валяющийся на столике бланк.

- Ну, рассказывай, чего натворил?

Саня полез в нагрудный карман куртки, которую так и не снял при входе и, достав записку, протянул её человеку в наколках.

- Плохо получилось, дядя Саша, – начал было он.

- Вот так сразу я тебе и дядя, – человек взял маляву. – погоди ещё... дядя Саша...

Он медленно, шевеля губами, стал читать Юриково послание, периодически поднимая глаза на Саню, будто ища подтверждения прочитанному.

- Тонька, Антонина, – наконец крикнул он, обращаясь в коридор. – Да где ты, лахудра! А ну, иди сюда. А ты раздевайся, пацан, чё ты мне тут грязь разводить будешь.

В дверь заглянула голова дяди Сашиной сожительницы, или кем уж она там ему приходилась.

- Тонька, мальчика накормить, одежду его постирай и спать уложи в тёмной, пушай слегка покемарит. Но сначала в ванну его препроводи, а то он в скотовозе сюда добирался. Ты, Сашок, пару часиков придави, потом поведаешь мне свою теорию, как что было, а я тем временем поразмыслю, чё к чему и что с этим делать. С людьми перетру. Из телеги Юркиной я понял, что откинулся твой пассажир, – дядя Саша взял телеграмму в руки. – Вот, пишет: «Похороны днями тчк к тебе гость тчк Юра тчк».

В тёмной комнате, куда его положила хмурая Тоня, пахло церковью и горела лампада. В левом углу висели старые иконы. Под кровать был приспособлен огромный сундук с матрасом поверх. Заснуть он так и не смог, в голове роились нехорошие мысли. Хотя горячий душ и большая миска борща с маталыгой мяса, действовали расслабляюще. Но весть, что Вован умер, спать не давала. Что же теперь будет? В квартире тем временем что-то происходило, слышались негромкие мужские голоса, хлопала входная дверь. Промаявшись так некоторое время, он встал и решил глянуть, что же там происходит. Предлогом было сходить в туалет, хотя нужды в нём пока не чувствовалось. Он вышел из комнаты, направился в сторону уборной и глянул в приоткрытую дверь гостиной.

Тут его прошиб пот. Напротив дяди Саши, за столиком, на котором стояла бутылка коньяка, пара рюмок и тарелочка с порезанным лимоном, сидел немолодой мужик в милицейской форме с погонами подполковника. Саня икнул и замер в проёме. Собеседники одновременно повернули головы в его сторону.

- А вот и виновник проснулся, – произнёс дядя Саша. – Ты только не бзди и движений резких не делай. Гость по твоему поводу, гость почётный, проблему твою сидим обсасываем. Ну, проходи, коли проснулся, поведай нам свою историю, в красках.

Первой реакцией Сани было ощущение, что ноги его затекли, и сердце бешено бьётся в груди. Это был тот самый человек из его видения во время полусна в автобусе. Но то, как он мирно сидел с дядей Сашей и пил коньяк, удивляло и успокаивало. Если его хотели взять, то сделали бы это, пока он лежал в тёмной, чего им тянуть и дожидаться, когда он встанет. Он прошёл в комнату и сел на указанный табурет. Рассказ его был сумбурный и путанный, но собеседники не перебивали, а лишь слушали и чинно отхлёбывали из рюмок.

- Вот, собственно, и всё, – закончил Саня.

- Ну, как я и думал, – сказал подполковник. – Я другого выхода не вижу. Хотя он мальчик большой, и есть у него несколько вариантов на выбор. Но немного и не важные они. Впрочем, жить - не жить, и как именно, дело его. Расскажи ему, Александр Сергеевич, а я пойду на балкон, покурю, не привыкший я в жилом помещении дымить, домашние выпроваживают.

- Значит, так будет, – дядя Саша, не морщась, съел круголя лимона вместе с кожурой. – Федор Анатольевич, Хозяин наших мест, Хозяин с большой буквы. Знаешь, что это означает?

- Начальник по зонам, – кивнул головой Саня.

- Молодчик, грамотный, почти верно, только с ним ещё выше бери, – продолжал дядя. – Так вот, далее сиди, слушай, не перебивай и не переспрашивай. Закончу, можешь встать, одеться и уйти. В таком случае мы тебя не видели, историй твоих не знаем, остальное твоим делом будет. А доверишься, головой кивнёшь, и далее по раскладу, и чтобы без вопросов. Документы твои, как я понял, в учебке, в сейфе лежат, паспорт там?

- Аттестат, паспорта нет ещё по возрасту, на следующий год только шестнадцать исполнится, свидетельство о рождении при мне.

- На стол положишь. Фёдор Анатольевич задержит тебя за бродяжничество и кражу у меня мотоцикла. Посидишь в обезьяннике денёк, в отделении, чтобы всё чинарём было. Протоколы, там, и прочие формальности. Потом на комиссию по делам несовершеннолетних отправишься. Дадут тебе срок по малолетке, статью Хозяин придумает, какую лучше сделать. По бумагам фамилию, возраст и прописку подправит. Будешь сидеть в колонии, сколько нужно. По выходу справку получишь об освобождении, там и данные новые выправят. Чалиться будешь под нашим присмотром, но по правилам. Я не Бог, но, в чём возможно, подсоблю. Об истории своей ни звука никому. Ни друзьям, ни родителям. Знаем о ней лишь мы трое, да Юрик. А Юрик – могила, из него и гестапо ничего не вытянет. Для остальных ты сирота, какая, сам реши, только под казанскую не коси, – дядя Саша улыбнулся. – В розыск тебя объявят, не сомневайся, волчонок-то издох. Пока суть да дело, телеграммы, телефонограммы, первым делом по родине твоей шмон пойдёт. К предкам припрутся. Тем ни слова, цыц. Где, куда... исчез, потерялся..., ищите, голубки, страна большая.

С балкона возвратился подполковник.

- Ну, как вы тут без меня, все моменты обрешили? – Спокойно спросил он.

- Похоже, все. Давай, Фёдор Анатольевич, по колпачку на дорожку, редко мы с тобой видимся, всё по делам да проблемам. Отдыхать надо. Лёд встанет, мож на рыбалку сподобишься со мной?

- И не говори, Александр Сергеич, какой к херам отдых, это ты, считай, на пенсии, а мне ещё... ого-го. А вот рыбалка, дело святое, дай Бог, чтобы склалось.

Они чокнулись и залпом опрокинули по рюмке.

- Да, чуть не забыл, – поморщился дядя Саша. – Вохре своей накашляй, чтобы поберегли пацанчика. С сидельцами он пусть сам язык находит, чтобы его за красного, или стукача, не держали. Он справится. А вот вохру свою поумерь, чтобы не бычили на него. Он паренёк хороший, вырастет, всем полезен будет, отработает добро, правильно я говорю? Добро оно взаимность подразумевает. Кумекаешь?

- Так я его как племяша твоего представляю.

- Ты опух, старый, вроде и конинки-то всего по граммульке приняли, как это племяш мой у меня мотоцикл скрысит, ты думай, что лепишь.

- И то верно, – ударил себя по лбу подполковник и засмеялся. – Старею что-то, пожалуй, ты прав, отдыхать мне надо.

- Во-во, и я говорю, рыбалить поехали, тронешься ты со своей службой.

Так, шуточками они ещё какое-то время пообщались, но Саня не слушал их более. Он видел, как обыденно, по-житейски разговаривают два этих человека. Как легко и буднично они решили, казалось бы, не решаемое дело. Два человека, которые по положению, взглядам на жизнь и судьбе, должны являться друг для друга врагами, сидят, выпивают и обращаются на «ты». Как всё это разложить в голове он ещё не знал, но понимал, что скоро перестанет удивляться подобным вещам. Что в жизни может быть ещё и не так. Он отдавал себе отчёт, что теперь он не просто Санёк с алтайской деревни. Он убил человека, как и при каких обстоятельствах - вопрос, конечно, важный и в какой-то мере оправдывающий его, но теперь он убийца, а это уже на всю жизнь. Но жизнь продолжается, и жить ему ещё предстоит долго и, видимо, не без приключений. Однако грех, взятый им на себя, будет с ним до самой смерти. Сможет ли он искупить его? Стоит ли его искупать? Время и Жизнь покажет, но, видимо, для чего-то это ему предписано, и строить теперь своё будущее ему придется, исходя и из этого факта.

Гриша. Часть 3.

Это изначально была странная «задача». Гришу вызвали на инструктаж одного, хотя традиционно на таких «тёрках» присутствовал его зам и правая рука, старлей Ленский. Всё происходило в «секретке», специальной комнате, напичканной аппаратурой, предотвращающей подслушку и утечку информации. В ней присутствовало два человека: непосредственный командир Папы Лаки и ещё один странный человек в рваных джинсах, стильной майке и надетой поверх безрукавке с множеством карманов. На правой руке у него были массивные часы квадратной формы, скорее всего, служащие не только хронометром, а ещё с безумным количеством функций. Глаза прикрывали тёмные очки, сидел он в углу и даже не поздоровался при появлении командира спецгруппы. Он листал журнал «Космополитен», демонстрируя, что оказался тут как бы случайно. Хотя всем было ясно, что попасть в эту комнату «с улицы» может далеко не каждый, и отношение к операции он имеет непосредственное. Делать предположения и какие-то скорые выводы Гриша не любил, опыт научил его этому. Но детали он себе подметил и решил просто не обращать на того внимания, пусть сам проявит себя, а это должно было случиться, ибо чего же он тут устроил «избу-читальню»? Инструктаж начался с того, что полковник выдал Грише комплект радиоаппаратуры на всю группу и пояснил, что это последние разработки Зеленоградского НИИ, закодированная связь, код вводится

специальными чипами, которые будут выданы непосредственно перед выходом группы на задание. Полностью обучиться работе с ней им поможет гражданский специалист, с которым Лаки встретится позже. Далее началась конкретика и детали задачи, которую ставят перед ними «люди, в представлении не нуждающиеся» и виденные всеми неоднократно по «ящику». Посему операция очень важная и щепетильная, а об её секретности и говорить нечего - так всё понятно. Суть заключается в том, что по данным из «вполне конкретных источников», заслуживающих несомненного доверия, состоится встреча высшего руководства бандформирований для координации их действий. На сходке ожидается присутствие эмиссаров из дальнего зарубежья и финансистов подполья. Таким образом, появляется возможность радикально решить проблему кавказского противостояния, вплоть до прекращения этой никому не нужной войны. Тут полковник, задумавшись, поправился - конфликта. А подумав ещё раз и глянув на сидящего в углу читателя гламурного журнала, уточнил: недоразумения. Полковник отличался красноречием и дипломатичностью, при этом язык его был по-военному протокольным, каким и полагается быть языку офицера, ведь понимать его должны все - от восемнадцатилетнего новобранца из глухой деревни до мэра какого-нибудь горного аула с двумя высшими образованиями. Группа должна выйти на местность, обнаружить место проведения схода и далее действовать по приказу, полученному при помощи той самой связи через аппаратуру, с которой капитан только что ознакомился. Детали операции и привязку к местности он получит от присутствующего здесь товарища Анзора. А ему, полковнику, необходимо срочно покинуть их, чтобы прибыть в штаб, и дальнейшее руководство операцией возьмёт на себя именно товарищ Анзор.

После того, как полковник покинул помещение, наступила тишина. Скорее это была продуманная пауза, адаптирующая оставшихся к новой обстановке и дающая возможность успокоиться, переварить услышанное и привыкнуть к ситуации. Человек в рваных джинсах отложил своё гламурное чтиво на колени и молча смотрел в сторону зарешёченного окна мимо Григория. Вернее, голова его была направлена в ту сторону, но он явно изучал капитана, Гриша чувствовал взгляд сквозь тёмные стёкла очков. «Ну, пусть смотрит, что ты интересно хочешь найти нового, чего не вычитал в моём деле?» - Подумал он и решил прервать молчание ненавязчивой фразой.

- Разрешите вопрос? - Обратился он в уставной форме к молчащему наблюдателю, провоцируя, таким образом, разговор, с мыслью понять по ответу, к какому ведомству тот имеет отношение, и, не дождавшись результата, продолжил:

- Как к вам обращаться, может быть, лучше по званию?

- По званию? - Человек в очках, наконец, повернул голову к капитану. - А-а-а, по званию, я сразу-то и не понял. Ну, во-первых, давай на «Ты», зачем это мы на «Вы» будем? Я - Анзор, ты - Григорий, так проще, да и что мы, враги, что ли, на Вы друг дружку звать? Вы - это же ВЫРОГ по-русски, то есть враг, помнишь, как на Руси говорили? «Иду на Вы». На врага, значит. А мы с тобой одно дело делаем, нам с тобой дружить надо.

Анзор улыбнулся достал из кармана жилетки пачку «Давыдофф» и армейскую бензиновую зажигалку «Зиппо» американского производства. Движения его были нарочито плавные, даже медлительные, но чувствовалась некоторая наигранность. Он явно хотел расположить к себе Григория, именно это и настораживало. Не привык капитан к такому со стороны человека, которого видел первый раз в жизни, его начальника в сложившихся условиях, да ещё с глазами, прикрытыми бликующими стёклами тёмных очков.

- Ты решил, что я из «конторы»? - Анзор так же плавно извлёк из пачки сигарету и указал ею в потолок, другой рукой, как фокусник, взмахнул зажигалкой. - Угощайся, настоящие, родные, из Швейцарии. К «конторам» отношения не имею, ну разве что курировать их иногда приходится.

Гриша тоже достал из пачки сигарету, понюхал её для приличия и прикурил от своей разовой зажигалки. Глубоко вдохнув дым, он опять подыграл человеку, не имеющему отношения к «конторам».

- О, вкусные тютюньки. Если те организации курировать приходится, то это значит, вы к Богу ближе уже стоите.

- На Ты, на Ты, мы же договорились. Я понимаю, что тебе, как человеку военному, трудно сразу перейти на нормальный язык, тем более полковник сказал за начальника меня держать. Нет, брат, я не начальник тебе, мы коллеги, скорее. Считаю, что я представитель заказчика, а дело будем делать вместе, только я тебе подсказывать буду, что и как делать, потому что я в материале больше. И задачи мне поставлены, и в сути их я больше секу, понимаешь? А насчёт ближе к Богу, это ты верно подметил, - Анзор улыбнулся и выпустил большое облако дыма, которое сразу поднялось к вытяжке и исчезло в ней. - По сути, я представитель Бога и есть. Вернее, группы Богов. Это уж глазами какой религии смотреть: если по аналогии с христианством, то я как бы апостол. Званий у меня нет, не положены они нам. И не надо больше наводящих вопросов, тебе будет донесено всё, что нужно знать. Встретаться нам ещё не один раз придётся. Операция жизненно важная, как для страны, так и для тебя

лично. Если всё пройдет по плану, думаю, что звездочки у тебя на погонах побольше размером будут, но, правда, только три, а не четыре, как сейчас. Да и на Героя России хороший результат потянуть может.

Человек в очках опять расплылся в улыбке, ожидая реакции Гриши. Тот молчал, не изменившись в лице, но слова эти зацепили его. Перспектива перепрыгнуть через два звания на третье впечатляла. Но, во-первых, всё это пока слова, и слова неизвестного и загадочного человека с непонятным именем, более всего созвучным с какой-то собачей кличкой. Во-вторых, такие подарки не падают с неба за рутинные операции, следовательно, здесь что-то из рук вон выходящее, посему шансов на выживание будет предоставлено соответственно обещанным наградам. В-третьих, когда о таких вещах говорят заранее, это уже плохой знак. В-четвёртых..., можно ещё много всего предполагать, тут и в-пятых... и так до бесконечности. Гриша решил, что лучше всего сидеть и слушать, а вопросы задавать конкретные и по делу. Но конкретики пока не было, оставалось ждать и наблюдать за этой психологической обработкой и прощупыванием, которым он сейчас подвергался. А там уж пусть этот апостол сам переходит к сути, его, Гришино дело, получить исходные данные и понять, что и как сделать, чтобы выполнить предстоящую задачу. Анзор был явно хорошим специалистом в своём деле и прекрасно чувствовал собеседника. Он вёл свою игру, понимая, что Гриша это осознаёт, но он обладал неоспоримым преимуществом, будучи «в материале» и наблюдая за капитаном из-за укрытия своих очков, ведь Лаки не видел его глаз. Почувствовав, что настало время упразднить это неравенство, Анзор приподнял очки на лоб и глянул Грише в глаза. Достаточно повидавший на своём веку спецназовец никогда раньше не переживал подобных ощущений, даже когда видел смерть в чужих глазах. «О, Боже! - Подумал он, почувствовав на мгновение мурашки вдоль позвоночника, переходящие в щеколку в районе копчика. - А ты, пожалуй, в чём-то прав, апостол, только вот какому Богу ты служишь и Богу ли вообще, взгляд-то больше на Дьявольский похож». Анзор, заметив произведённый эффект, опять улыбнулся и отвёл взгляд.

- Ну что же, перейдём к делу? - Стал разворачивать он на столе карту, появившуюся из кармана жилетки.

- Так точно, - поддержал его инициативу капитан, придвигаясь к столу.

- Вот что мы имеем. По вполне достоверным данным должен состояться сход бандитских командиров и представителей их финансистов. Достоверность данных не подлежит сомнению, так как получены они из источников, очень близких к верхушке руководства подпольем. У них там сильный разброд случился, и они сейчас всё валят друг на друга, чтобы выторговать себе послабления в случае нашей победы, а дело-то уже к тому и идёт. Но шансы на

то, что может быть подстава, есть. Или, вернее, что ими ведётся своя игра. Наша цель – всю эту компанию прихлопнуть. Вот привязка к местности. Здесь три населённых пункта, в одном из них этот саммит и состоится. В каком точно – информации нет. Вернее есть, но её нельзя считать стопроцентной, поэтому озвучивать не буду, чтобы не сбивать тебя с пути истинного. Во-первых, они могут всё поменять в любой момент, во-вторых, у самого источника нет уверенности, где именно. Они там тоже не полные дураки, сам знаешь, какие инструктора с ними работают и какие иностранные службы планируют их акции. Войсковая операция отпадает, её невозможно провести скрытно в сжатые сроки. Мы прекрасно знаем, чьи и какие спутники сейчас работают на них по этой местности. Нам, кстати, придано три космических объекта в помощь, и визуалка, и связь будут работать как куранты на Спасской башне, а помощь, в случае чего, тебе будет оказана оперативно. Далее, накрыть эту братву с воздуха тоже не метод, все три аула многонаселённые, ни точно, ни коврово авиации по ним нельзя отрабатывать. Не будем исключать, что может быть инсценировка – загримируют похожих крестьян, потом ещё трупья подкинут, ОБСЕшники и журналисты чуют что-то, а может, и целенаправленно оповещены. Ты с ребятами на теоретических занятиях фотографии всех целей, по которым будешь работать, изучал. Однако, повторение – мать учения, ночью разбужу, покажу фотку, должен любого назвать и биографию объекта рассказать, вплоть до размера ботинок... шутка, – Анзор сделал паузу, чтобы достать новую сигарету. – Сейчас я тебе дам спутниковые фотографии местности, из этой комнаты их выносить нельзя. Своему Ленскому будешь показывать только фрагменты, никакой конкретики, в детали никого кроме меня не посвящать, ну, ты сам всё понимаешь. В группе у тебя будет шесть человек. Пять твоих, включая тебя, один мой. Своих сам подберёшь, но со мной согласишься.

Он прикурил и стал разворачивать лавсановые плёнки с фотографиями. Потом нажал кнопку на своих квадратных часах, и из них выдвинулся мини USB разъём.

- Здесь, – он снял часы и вставил разъёмом в компьютер. – Карты местности, рельеф в разрезе и прочие полезные данные. Можно поиграть в войнушку, опробовать различные варианты, инсценировать ситуации. Ну что, начнём работать, капитан Гриша Папа Лаки? Времени у нас не так много, до дела осталось десять дней. Заброска группы состоится за три дня до намеченной сходимки, чтобы не маячить высадка произойдёт в тридцати километрах, под вечер и на приличной высоте. Вертолёт будет не штатный, а специально оборудованный, грузоподъёмность ограничена, вот почему группа выходит не в полном составе. Ну, там ещё причин хватает, но это одна из самых главных. Далее на своих двоих до точки, и прибыть туда надо будет до рассвета. Будем надеяться, что своих оппонентов вы опередите, они ведь тоже охранение

пошлют. Но мы об этом будем знать заранее. С той точки и будете вести предварительную рекогносцировку, чтобы точно отследить место проведения акции. Шестерых для этого достаточно. Оружием дальнего боя снабдим специальным, нашим отечественным, но абсолютно новым. Предварительно поработаете с ним в тире и на полигоне. Но каждый раз будете брать и сдавать мне. В серьёзной работе его ещё не опробовали, потому и штатное у вас с собой будет. Своему человеку и тебе выдам точно такие же часики. Премудростям работы с ними посвятим целый день. Тут много различных наворотов. Вот, например, гибкий экран выдвигается. На их монитор может транслироваться картинка со спутника, так что информация о передвижении любых объектов в этом районе от вас не скроется. Ну что, загрузил я тебя для начала?

Анзор был профи, предварительно он хорошо подготовился. И выбор в пользу группы Григория сделан был не случайно, а после тщательного изучения анкет всех её членов. Они придвинулись ближе к столу с мониторами, налили из термоса чай в китайские термocupки и принялись определять тонкости предстоящей акции.

По условиям Анзора, в известность о сути операции не был поставлен никто из отобранных Папой Лаки ребят. В группу вошли старлей Ленский, Бун, Зингер, Доктор и сам командир. Человека Анзора до посадки на борт они ни разу не видели и даже не слышали его имя. Между собой они называли его – посредник, так как подозревали, что это чеченец из приближённых к верхушке подполья, работающий на федералов, знающий местность и цели. Времени действительно было немного, поэтому работали по четырнадцать-шестнадцать часов в день с перекурами и чередуя теоретические занятия практическими. Однако, больше уделяя внимание работе с новой аппаратурой и оружием. Физическая подготовка – в свободное от занятий время. Им была выделена большая комната в главном ангаре. В ней на больших столах они подготовили всё, что необходимо было взять, как говаривал ещё старый майор, учитель и друг Григория, тот, что оставил ему в подарок универсальный инструмент: «сгодится для большей лучшести при выполнении поставленной задачи». Груза оказалось достаточно, один только боекомплект, куда входили и спецпатроны для нового оружия дальнего боя, тянул по пятнадцать килограмм на каждого. Под утро, за день до заброски, в ангаре появились два вертолётa чёрного цвета без каких-либо отличительных знаков на фюзеляже. Что это была за модель, разведчики тоже не поняли. В один из них и началась погрузка. Почему их прилетело два, никто не знал. Гриша предположил, что в связи с серьёзностью операции, один из них запасной или для дублирующей группы, о существовании и подготовке которой они ничего не слышали. Оно и немудрено, ведь на кону стояло очень многое,

вплоть до мира в этом регионе. Во время погрузки и появился посредник. Им оказалась женщина лет сорока и действительно кавказской внешности. Она не была атлетически сложена, но в ней чувствовался какой-то стержень, а взгляд её был настолько пронизывающий, что Анзоровский по сравнению с её, походил на взгляд первоклассника. По крайней мере, таким было первое впечатление. Посему ни у кого из группы не возникло желания отпускать шутки в её адрес. Все немного опешили, но сделали это молча. И только Жак произнёс полушёпотом:

- Сюрприз!!! - И тут же дополнил, когда она обернулась на его слова. - Название нашего подразделения.

- Анжела, - ответила та и отвернулась к своему багажу. Погрузились они прямо в ангаре. Техники открыли широкие ворота, и вертушка, присев несколько раз, медленно выкатилась на ролёжку. Шум, издаваемый винтами, более походил на лёгкий свист, работы двигателей не было слышно вообще. После короткого разбега машина оторвалась от земли и, сделав круг над базой, стала набирать высоту, направляясь в сторону садящегося Солнца. Григорий уже ничему не удивлялся, хотя вылет вертолёт на закате противоречил правилам. Но это был не простой вертолёт, и полёты в отсутствие видимости линии горизонта были для него, похоже, не самой сложной задачей. Во время крена и прохода над Базой, капитан увидел в иллюминатор, как из дверей ангара выкатился близнец их вертушки, также готовясь к взлёту.

- Дублирующая группа? - Обратился он с вопросом к Анжеле, указывая взглядом на землю. - Хорошо бы о таких вещах предупреждать. Можем не идентифицировать друг друга. А полечь от дружественного огня не самая радостная перспектива.

- Мне об этом ничего не известно. - Коротко ответила она, глянув на него тяжёлым взглядом, но Гриша не отвёл свой. Тогда она первая отвернулась, сняла с запястья часы, такие же, как у него, выданные Анзором, и стала нажимать кнопки, как будто играла в какую-то электронную игру. Через сорок пять минут они высадились на голую каменистую площадку. Вертолёт завис в метре над ней, и группа попрыгала вниз. Высота явно превышала полторы тысячи метров. Здесь было свежо и дышалось немного тяжелее, чем на базе. Было светлее, чем внизу, но солнце уже скрылось за рваный горный горизонт. Гриша поднял большой палец, показывая пилоту, что всё в порядке и тот может уходить. Вертолёт резко свалился на бок, и, нырнув вниз в ущелье, беззвучно растворился в нём. Марш-бросок в тридцать километров - дело привычное для спецов, единственно, он беспокоился за Анжелу, но, в конце концов, это не его дело. У него своё задание, у неё - своё. Какое именно он себе не представлял,

но, видимо, так было надо, по принципу: жираф большой, ему видней. Там, «наверху», не дураки сидят, она их человек, пусть у них и болит за неё голова. Эти тридцать километров по горному рельефу показались самыми сложными из всех, что ему приходилось преодолевать. Может быть, нервное напряжение последних дней, а может, сказались перепад высот и давления. Ребята тоже притихли, не было слышно даже привычных шуток Жака во время перекуров. Но у них, по прибытии на место, будет достаточно времени и на отдых, и чтобы оглядеться, и пошутить. Женщина держалась спокойно, всё-таки они в некоторых случаях выносливее мужчин. Да и принадлежность к тому ведомству, по чьему приказу она оказалась в составе Гришиной команды, давала основание предположить, что её хорошее самочувствие стимулировано действием каких-то химических препаратов. Уж больно странные у неё глаза, зрачки расширены, как у кошки в темноте. Он заметил это ещё в вертолёте, а потом обратил внимание, как легко она перемахнула ручей и точно приземлилась на противоположном берегу, когда он сам и его ребята не смогли рассчитать прыжок из-за кромешной мглы, и им пришлось пользоваться фонарями, прикреплёнными к голове за левым ухом. Луны не было, звёзды ярко просвечивали сквозь листву, но света их не хватало, чтобы разглядеть, что творится под ногами. Он приказал ребятам не включать индивидуальные приборы ночного видения без надобности, и сам вёл группу, периодически находя укромные ложбинки, где зелёные отсветы видоискателя при включении не выдали бы их присутствия, в случае, если они в лесу не одни. Там же он сверялся со спутниковым навигатором, выдвигая гибкий монитор из «волшебных» часов. Давал односложные приказы подчинённым, называя каждого по номерам в маленький микрофон, приклеенный к шее под челюстью специальным пластырем. Выслушивал ответ о понимании приказа через наушник, прикреплённый двойной клипсой к уху. Пока всё шло обыденно и спокойно. Немного непривычно давил подмышкой с левой стороны прибор связи и блок питания к новой аппаратуре. Но хоть не мешали, как прежде, проводки, которые должны были коммутировать в единое целое части этой аппаратуры. Здесь их не было. Как происходит передача энергии от аккумулятора, Гриша не стал забивать себе голову. Он только усвоил, что всё это последнее слово техники, и фурычит без проводов. А также научился на ней работать как простой пользователь. Они немного опережали график своего перемещения и на место должны были выйти даже раньше намеченного времени. На последних километрах появилась некая бодрость, видимо, открылось второе дыхание. Или возбуждение от предстоящей неизвестности выдало в кровь порцию адреналина. Или организм, определив, что энергия в нём на исходе, дал сигнал селезёнке предоставить ему неприкосновенный запас обогащенной кислородом крови. Место, где им предстояло затаиться на следующие три дня, было действительно удобное. Но нельзя сбрасывать со счетов, что так же может

рассудить и противник. На подходе они рассредоточились и полукругом стали подбираться к намеченному ориентиру – точке сбора группы. Ребята шли аккуратно, включив дистанционные металлодетекторы, чтобы заранее обнаружить возможные растяжки и мины. Всё было чисто. Датчик не пищал, как обычно в чеченских лесах, напичканных металлом, реагируя на ржавые, отработанные пулемётные ленты и прочие следы боёв. Эти места война обошла стороной. В расселине, под одиноко растущим вековым буком, группа собралась вместе. Наступающий рассвет чётко обозначил очертания окружающих гор. Природа затихла в ожидании нового дня. Сейчас проснутся птицы и начнётся оживление. Первые петухи подали свои голоса в неразличимом ещё внизу ауле. У разведчиков было время перекусить спецпайком, а дальше приниматься за работу. Они выставили по периметру ультразвуковые детекторы движения, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Гриша дал команду, и сам достал чёрный металлизированный пакетик с едой. Он выдернул пластиковую шпильку, позволяющую соединиться двум химическим веществам, от чего произошла реакция с выделением тепла, и тщательно подобранный учёными рацион питания разогрелся до такого состояния, что его можно было без отвращения съесть. Позавтракав и уничтожив упаковку от пайка, они приступили к осмотру и оборудованию наблюдательных пунктов. Солнца ещё не было видно, но вокруг уже стало светло. В низинах появился туман от испаряющейся росы, а из ближайшего аула потянуло запахом дыма. Место найдено идеально. Два аула, находящиеся по разные склоны пологой горы, просматривались полностью и в деталях, третий был наполовину скрыт соседней горой, но он являлся тупиковым, и ведущая к нему дорога была как на ладони. В оптику они разглядели даже чёрную кошку, высматривающую что-то в пожухлой траве на обочине. Рядом с посёлком валялся перевернутый грузовик. Все три дороги, ведущие из аулов, сходились чуть правее и там образовывали довольно широкую площадку, огороженную с трёх сторон скалистой стеной, но с четвертой открытой для разведчиков. Оставалось распределиться по номерам и ждать, полагаясь на естественный ход событий, не форсируя, а только наблюдая. Это, пожалуй, самое трудное в их ремесле. Ни марш-броски с выкладкой под сорок килограмм, ни сворачивающая мозги теория, ни изучение и отработка методов ведения боя в различных условиях, ни освоение многочисленных способов лишения человека жизни – ничто не изматывает так. Всё перечисленное – это их профессия, плохая или хорошая, это другой вопрос, но нужная людям, раз ей обучают. И специалисты не сидят без дела. А вот то, как, с каким подходом и мастерством они используют свою профессию, капитан Папа Лаки и считал ремеслом. Как сутками сидят в укрытии, дожидаясь подходящего случая, входят в состояние транса и как бы со стороны наблюдают за собой и происходящими вокруг событиями, сидя в засаде, обработав себя

химией и экскрементами лесных зверей, сбивающих с толку собак и не возбуждающих интерес у диких животных. Потому что человеческая нервная система не может выдержать такое. Ты должен выключить в себе человека, выключить разум, потому что разум бунтует против всего этого и сопротивляется. Надо оставлять включённой только логику, простую и примитивную, но поддерживаемую инстинктом самосохранения. Вот если ты научился этому и можешь входить в такое состояние, тогда ты – спец, не профессионал, капитан терпеть не мог этого слова, а именно специалист. Гриша набрал на «часах» код и в наушнике услышал голос, отвечающий на его выход в эфир.

- На месте, – сказал он шёпотом. – Обживаемся.

- На месте. Обживаетесь, – прозвучал в наушнике ответ. – Почему сразу не рапортовали?

По интонации и вопросу капитан сразу узнал Анзора. И тот был в курсе, что они уже какое-то время находятся здесь. Гришу это не удивило, во-первых, можно было догадаться, что передвижение группы отслеживается со спутника по сигналам, выдаваемым в эфир их аппаратурой. Во-вторых, не исключено, что доклад всё же был, но со стороны Анжелы. Надо бы проследить за ней, как она так скрытно от него держит связь с командованием и для чего это делается? Утро уже вступило в ту стадию, когда даже самый ленивый деревенский житель просыпается. В крайнем левом ауле напротив них, наблюдалась нерасторопная суета женщин. Босоногая девчушка с прутиком в руках выгнала шесть чёрно-белых козочек пастись возле перевёрнутого, обгорелого военного грузовика и ушла обратно за угол дома. В наушнике раздался голос Зингера, оборудовавшего себе лёжку в ста метрах правее командира.

- Папа, второй на связи. Видел, куда ребёнок ушёл? Там жопа «Лендровера» видна, модель «Дефендер». Прямо за ним ОБСЕшный «Патрол». Около него баба какая-то торчит, не чеченка. Может, из наблюдателей. Но, кажется, это та журналистка московская, которая на наших наезжает всё время. Точно сказать не могу, она в бейсболке. Трёт с бородатым духом в натовском комке, похоже, не простой дух, из полевых.

Если перевести эту тираду с армейского сленга на русский язык, то смысл её заключался в следующем – за автомобилем «Лендровер Дефендер» стоит «Нисан Патрол», внедорожник, которыми укомплектованы группы наблюдателей ОБСЕ. Около автомобилей находится женщина со светлым цветом кожи, не выглядящая как уроженка Кавказа. Возможно, она европейский наблюдатель из той самой группы, но похожа на известную журналистку, которая постоянно

пишет негативные статьи о действиях Российской армии в Чеченской Республике. Она разговаривает с бородатым мужчиной, одетым в НАТОвскую камуфляжную форму. Мужчина выглядит не как простой боевик, а, скорее, как полевой командир.

- Понял,- ответил Гриша. – Продолжай наблюдение.

Докладывать «наверх» смысла не было, их переговоры были слышны командованию. Какие-либо выводы делать – тоже рано. Это могло быть что угодно: от планового визита наблюдателей, согласованного со штабом, до личной инициативы журналистки. Но командование должно быть в курсе событий. Тем более что джипы прибыли сюда не в течение часа, а явно тут ночевали. Вряд ли люди в своём уме отважатся шарашиться по горным чеченским дорогам среди ночи. Ну что же, будем ждать. Джипы скоро уехали, о чём было доложено «наверх», более ничего примечательного не происходило. Так прошло двое суток. Ни командование, ни прочие живые существа разведчиков не беспокоили. Разве что молодой лис выходил на их точку, видимо, сбитый с толку смесью запахов экскрементов, которые они, найдя неподалёку, использовали в маскировочных целях, а также штатных спецсредств, отбивающих запахи. Все эти последние изобретения химии в виде аэрозолей для дезориентации собак Гриша тоже использовал, чтобы запутать ищеек. Но дополнял их старыми, проверенными ещё со Второй Мировой войны, методами. Химией, отбивающей собакам нюх, они обработали землю, а найденным в лесу дерьмом животных обмазали стволы деревьев от земли и выше, обработав таким образом весь периметр вокруг своей лёжки. Так было надёжнее, ибо у собак от разнообразного количества ароматов мозги совсем «закатывались в блин», и они уже ничего не могли понять. Мазать же всю эту прелесть на себя нужды пока не проглядывалось. Место тут было совсем глухое, в радиусе километров тридцати жилья больше не отмечалось. Редкие автомобили пылили раз в несколько часов по каменистой дороге. Но это явно не был транспорт боевиков. Древние «Жигули», одна японская праворулёвка - вот и всё движение. Но и о них штаб был поставлен в известность. В девять часов сорок три минуты, на трети сутки, к пяточку, где дорога разветвлялась на три, ведущие к аулам, появился знакомый уже «Дефендер». «Ну вот, кажется, трудовые будни переходят в завершающую стадию, скоро наш выход, а потом и выходные», – прозвучала в Гришиной голове поговорка старого майора, и вспомнились строки поэта Владимира Вишневского: «... палач не знает отдыха, но все же, чёрт возьми, работа ведь на воздухе, работа ведь с людьми...». Из машины вышли четверо вооружённых духов в НАТОвском обмундировании. Они закурили и о чём-то заспорили, размахивая руками, в том числе указывая и на местность вокруг. Видимо, обсуждали, как расставить посты и наблюдение. Капитан вызвал по

связи Буна:

- Третий, направь микрофон, ты ближе всех, может, расслышишь, о чём говорят?

- Слушаю уже, разобрать трудно, говорят на чеченском, только отдельные слова улавливаю. По лесу разойтись собираются, – ответил тот.

- Директору, – продолжил Гриша в микрофон. – У нас джип нарисовался, почему не предупредили о гостях.

- Уже видим, – прозвучал в наушнике ответ. – Объект не был нами раньше обнаружен, похоже, появился из леса. Ждите ещё гостей, четыре транспорта на вашем направлении. Три километра до пятака, будут через семь-восемь минут.

- Вас понял. Ждём четыре транспорта.

Вооруженные люди докурили, их старший переговорил с кем-то по рации, и они спешно разошлись по зарослям в четыре направления. В машине остался только водитель, который открыл дверцу и сел на порог, опустив ноги на землю. «Какая классная мишень, – только и подумал Гриша, но пока это их не касалось, – вообще, какая-то странная тут происходит тусовка: обеспечивать охрану высшему командованию силами четырёх человек... или это личные адъютанты полевых генералов приехали заранее, чтобы стол накрыть, а пока пошли в лесок собрать ягод к чаю?» Но оставалось только ждать развития событий, которое было не за горами, а точнее, в ближайшие восемь минут.

- Всем номерам полная готовность, не дышать, ждать приказа. – Прошептал он в эфир.

Рядом с ним располагалась Анжела, он видел, как она что-то помечала на экране маленьким пластмассовым стержнем, входящем в комплект часов.

- Проблемы? – Спросил он у неё, отключив микрофон, чтобы не сбивать с толку остальных. – Или сеанс связи с центром?

- Проблем нет, – ответила она, не поворачивая к нему головы. – Эти четверо не проблема, это личная охрана Пазаева, они далеко от места отходить не будут.

- Такое ощущение, что ты с ними знакома?

- Конечно, – микрофон её тоже был выключен, потому что капитан не слышал этой реплики в наушник.

- Так ты у них была «засланным казачком»? – Гриша пошутил, но какое-то странное чувство охватило его. Как будто бы подозрение или предчувствие.

Словно сейчас он всё поймёт, и это понимание не сулит ему ничего хорошего. Будто истина где-то рядом и сейчас она откроется, но он пока не может её уловить разумом, только на уровне инстинкта или чувства. В общем, сформулировать он её ещё не мог для себя, но она проявлялась и постепенно нависала над ним некой тревогой.

- И не только, я вдова командира Джамбулатова, – спокойно ответила Анжела. – Только сейчас это не имеет значения.

- А, вот она «где собака порылась», это что же получается, они ведь с Пазаевым разошлись во мнениях не так давно, и тот его приказал ликвидировать... ну ладно, больше вопросов не задаю, – сказал несколько ошарашенный капитан, и волна беспокойства с новой силой охватила его, что-то тут совсем неправильное происходит. Видимо, командование использует её личную вражду с этим главным полевым командиром. Но как же сопоставить её работу на Российские спецслужбы и статус жены второго по значимости главаря бандформирований, погибшего недавно при очень странных обстоятельствах? Или она и замуж выходила по заданию? Нет, провернуть в мусульманском мире такую операцию вероятности никакой, если только там не волшебники работают. Хотя, судя по Анзору, без нечистой силы и в том ведомстве не обходятся. Ну, разве что завербовали её позже. Откуда же у неё такая серьёзная подготовка, когда сумели натренировать? Вопросы эти, пронёсшиеся в капитанской голове, только усилили чувство тревоги и близкой опасности. Прочь, прочь от себя надо гнать эти мысли. Работа, только работа впереди и никаких расследований, всё позже, потом, когда вернёмся на Базу, сейчас только дело.

- Командир, «зайчики» разобраны, что делать будем, ждать указаний? – Раздался в эфире голос Ленского. Это означало, что четверо охранников, ушедших в заросли, распределены по стрелкам и в мгновение ока могут быть уничтожены из бесшумного оружия дальнего боя.

- Ждать, не рычать, эти не наши, они не мешают, ждём главные цели.

Сначала на дороге появился один автомобиль, американский «Хаммер». Он остановился, и пару минут постоял как бы в раздумьях, потом сдал задом на склон горы, так, чтобы у него был лучше обзор пяточка. Это явно была машина охраны, авангард, проверяющий, всё ли тут тихо. На крыше из люка торчал пулемёт, за которым сидел боевик. Тот помахал водителю в «Лендровере» и залопотал что-то. Потом появились три других внедорожника, более комфортных, судя по всему, с главными пассажирами. Они встали в кружок на пяточке и из них стали выходить люди. Четверо сидящих по кустам охранников, как ни странно, не глядели по сторонам, соблюдая их безопасность, а почему-то

установились на машины. Странно как-то всё это выглядело, несерьёзно и по-детски. Просто какой-то тир, где мишени выходят на линию огня и начинают позировать. Или они так уверены в своей безопасности и укромности этого места, что настолько расслабились? Не похоже на серьёзных людей, знающих о том, что за их голову полагается огромное вознаграждение. В предчувствии предстоящей работы, сердце капитана забило чаще. Это был первый признак того, что «... вот сейчас начнётся...». Он вытащил из-за пояса пистолет Стечкина, который мешал ему удобно расположиться для стрельбы. Чтобы не потерять пистолет в суматохе, положил под живот, дабы чувствовать его своим телом. Он всегда поступал так перед началом позиционного боя, когда лежал в засаде, подобное действие уже переросло в ритуал. Пистолет этот был не табельный, а трофейный. Он забрал его у какого-то духа полгода назад и очень любил. Старое проверенное оружие, пистолет, стреляющий очередями. Если овладеть им в совершенстве, это гениальное оружие, точное и надёжное. Гриша настолько с ним сжился, что считал его своим вторым я, своим ангелом-хранителем, своим другом и продолжением руки.

- Объекты в зоне досягаемости пока не идентифицированы, - отрапортовал он в микрофон.

- Ждать указаний, - был ответ.

По мере появления из машин пассажиров, Гриша идентифицировал их личности. Пока вышли трое из списка руководства бандформированиями. Вдруг из чёрного «Ренджровера» появилась та женщина в бейсболке, предположительно журналистка. Григорию показалось, что её скорее вывели, нежели она вышла сама.

- Тут та баба с ними приехала, что мы видели два дня назад, на Полисееву похожая. Директор, у вас картинка со спутника есть?

- Видим, ждать, не шуметь, - раздалось в наушнике.

Наконец, из того же чёрного «Ренджа» вышел Пазаев. Его несложно было узнать, так как это был человек на костылях. Около года назад, при неудачной попытке его ликвидации, он лишился ног и на полгода исчез за границей, где ему сделали необходимые операции и протезы. Пазаев был настолько знаковой фигурой в руководстве чеченского сопротивления, что его знал в лицо весь мир, по репортажам и интервью. Он поговорил с женщиной в бейсболке. Потом отвернулся, махнул рукой и скрылся за машиной. Один из стоящих подошёл к журналистке, ударил её ногой под колени, отчего та присела на четвереньки, и выстрелил в затылок из пистолета. Женщина упала на землю, боевик пошевелил

её голову ногой и тоже отошёл к остальным.

- Бля, командир, – раздались в эфире слова Жака. – Они же её мочканули!

- Приказ, – ударом по перепонкам прозвучала в наушниках команда из штаба. - Заштриховать площадку.

С того места, где была оборудована лёжка разведгруппы, как будто поднялся ветер, зашевелились кусты и ветки деревьев. Замаскированные глушителями хлопки выстрелов и шелест выпущенных зарядов из крупнокалиберных винтовок на мгновение перекрыл беззаботное пение птиц вокруг. Гриша видел в оптику, как корёжатся под пулями автомобили. Как отлетают в разные стороны конечности и части тел их целей. Как в немом кино. Люди возле машин, попавшие под шквал разъярённого металла, даже не успевали понять, что с ними происходит. Их просто рвало на части разрывными пулями. Вдруг в этот спектакль вступили автоматные очереди из кустов, куда попрятались четыре охранника. Разведчики видели их сверху. Те тоже палили по автомобилям и людям возле них.

- Эти из кустов нам помогают, - услышал он голос Ленского. – Чё за чушь, командир, как быть?

- Валить их, – в полный голос крикнул Гриша. – Всех штриховать.

И сам навёл прицел на одного из боевиков. Через секунду стрельба из кустов прекратилась. Картина на пяточке выглядела страшно. Целых трупов практически видно не было. Дымились искорёженные машины, с «Хаммера» свисала половина тела пулемётчика, застрявшая ногами в люке. Посередине лежал труп журналистки. Вдруг раздался взрыв, видимо, огонь подобрался к бензобаку одного из автомобилей.

- Зачистить объект, – приказал капитан.

- Отставить, – раздался в наушниках голос Анзора. – Оставаться на точке, полковник Гриша Папа Лаки. Этим другие займутся, вы своё дело сделали. Ждите, к вам вышли борта.

- Вас понял, – недоумённо ответил Григорий и рефлекторно, ведь работа закончена, сорвал с уха клипсу наушника.

«Что за чушь, бред какой-то, – вертелось у него в голове. – Приехали мишени, встали как в тире. Они что, самоубийцы или бараны, знающие, что их будут убивать и помогающие своим палачам? Тут что-то не так, не ради же этого шла такая подготовка и конспирация? Нет, это, наверное, только часть задачи,

должно быть продолжение. Так, куда я дел наушник? Стоп, а почему Анзор сказал, что вышли борта? Сюда-то мы одним бортом прибыли. Или он имел в виду, что ещё борта с похоронной командой и комиссией, разбирать трупы? Что-то тут не стыкуется. И как нас отсюда забирать, вертушка не снизится до нужной высоты, деревья мешают. Скинут фалы и цепляться к ним, бред, зачем такой высший пилотаж, когда проще выйти на пятак и спокойно сесть в вертолёт»? Пока эти мысли одолевали его, в печени странно закололо, он автоматически протянул к ней руку, в которую попала рукоятка его любимого друга Стечкина и приятно улеглась в ладони. Гриша не нашёл наушник, а нащупал левой рукой микрофон на шее.

- Отбой, всем сбор, всем ко мне.

Тут же он увидел согнувшегося Зингера, быстрым шагом приближающегося к нему.

- Папа, ты наушник потерял, – громко говорил тот. – Посмотри на левый аул, я тебя уже минуты полторы вызываю, там херня какая-то происходит.

Гриша, не выпуская рукоятки пистолета, находящегося в правой руке, левой поднял оптический прибор, чтобы разглядеть херню, происходящую в левом ауле. Там, в зоне видимости его оптики, он заметил стоящий с работающими винтами чёрный вертолёт, в который люди, в чёрных же комбинезонах, помогали загрузиться человеку с костылями. Незаметное появление вертушки объяснялось тем, что прибыл он из-за горы на низкой высоте, а внимание группы было сосредоточено на объектах. Но что это за команда такая и в чём состоит смысл их действий? Гриша нащупал клавишу зума и визуально приблизил рассматриваемый объект. Сомнений не было, люди в чёрном очень заботливо обращались... с Пазаевым. Тем самым Пазаевым, которого они только что нашинковали в капусту на пяточке, возле машин. Тут одновременно раздались два хлопка, Гриша машинально увернулся от возникшей справа вспышки и прижался щекой ко мху, на мгновение зажмурившись. Когда глаза его снова открылись, он увидел перед собой голову Зингера, вернее, левую половину головы, правой не было. Всё вокруг было забрызгано мозгами и кровью, из оставшейся половины и полуоткрытого рта струился дымок. Левый глаз, как будто его обладатель был жив, уставился на командира. Капитана тут же осенило – взорвался наушник на голове его бойца, и его, Гришин, тоже. Именно от вспышки взрыва его наушника, валяющегося в полуметре, он и прижался щекой к земле. Направленный взрыв заряда в наушниках! Далее и дурак мог сделать страшный вывод. Это – подстава, их использовали и ликвидируют теперь как свидетелей. А нажать кнопку пульта взрывателя и удостовериться, что они мертвы, должен человек Анзора, а именно Анжела. Вот в чём

заключается её задача. Мысль эта в доли секунды прояснила ему ситуацию, в которой он сейчас находился. От мёртвого взгляда своего подчинённого его отвлекло движение, замеченное боковым зрением.

- Ты зачем снял наушник? – Анжела стояла в трёх метрах от него, сжимая в руке пистолет. – Зачем ты это сделал?

- Это не я, это мой ангел-хранитель, – странным голосом произнёс капитан не менее странные, не свойственные ему слова. Гриша никогда не был религиозным человеком, где-то в потаённом уголке сознания у него ворочалось чувство, что всё в мире происходит не просто так, по каким-то своим законам и закономерностям, но он не соотносил это с Высшими силами, Богом, и тем более, какими-то ангелами. Сейчас же сознание его отключилось, отключилось без участия его воли. Как будто какая-то сила вселилась в него и действовала самостоятельно, даже говорила за него непонятным чужим голосом. И только одна мысль чётко и ясно вспыхнула в голове: «Вот это и есть ИСТИНА». И истина эта была просто ИСТИНОЙ. Он увидел всю ситуацию целиком. Картина простая и страшная, но она нисколечко не напугала его. Он увидел, что вся его группа мертва, что убиты они одним нажатием кнопки в часах на запястье Анжелы. Перед ним даже промелькнули, как кадры старой киноплёнки, сцены, где Анзор и какие-то незнакомые люди инструктируют Анжелу. Как будто бы всё, что ни происходит в мире, где-то записывается и хранится в памяти огромного компьютера или ещё какого-то информационного нерукотворного устройства или Поля. Он увидел себя в рясе священника на берегу Океана. Он стоял под кокосовыми пальмами и вдыхал свежий солёный воздух. Потом картина сменилась, промелькнули кадры перевёрнутого Урала, из которого вывалились бочки с горючим, врезавшийся в него БТР, и страшный взрыв, символизирующий конец чего-то. Или начало? Этого он уже не понял, потому что сознание частично вернулось к нему, он видел перед собой Анжелу с подрагивающим в руке пистолетом. Он даже видел траекторию пули, которая должна была вылететь из ствола. И понимал, что та не причинит ему большого вреда, задев лишь вскользь. Сейчас взгляд женщины был растерян, от прежнего не осталось и следа. То ли кончилось действие стимулятора, то ли, убивать людей, глядя им в глаза с небольшого расстояния, нужна более серьёзная подготовка, нежели нажатием кнопки взрывателя. Анжела была на грани истерики, в глазах её даже стояли слёзы. Далее Гриша увидел и траекторию полёта своей пули, которая вылетит из ствола Стечкина, что он держал в руке, под животом, и пуля эта летела напрямик между глаз женщины.

- Ты думаешь, что тебя оставят в живых? – Медленно и членораздельно произнёс он. – Ты такой же расходный материал, каким они видят нас всех. Как разовая

зажигалка или картридж в принтере. Напечатали, он своё отслужил, можно на помойку.

- Это уже не имеет значения, – ответила она срывающимся голосом. – Я свою задачу выполнила и там мне будет хорошо. Да, я убила своего мужа, потому что он предал наше дело. А Пазаев – воин, его надо сохранить для дальнейшей борьбы.

- Это я уже понял, – сказал Григорий, медленно меняя позу, чтобы освободить ствол пистолета из-под живота. – Там на пятачке убит его двойник, труп которого покажут на весь мир, и анализы ДНК сфабрикуют. А вот нам надо спешить, сейчас сюда придут самолёты и сделают на месте этой горы воронку. И все мы будем награждены за проведённую операцию, жаль, что посмертно. Гениальная задумка. А ты не подумала, что всё это – бизнес? Что за этим стоят не идеи, а просто огромные деньги?

Вопрос остался без ответа. Да капитан и не думал услышать его, он просто оттягивал время, выбирая момент для выстрела, того единственного выстрела, который давал ему возможность остаться живым. Они сделали это одновременно, её пуля скользнула по щеке Гриши и с чавкающим звуком ушла в землю. Его же попала ей точно в лоб, снеся затылок. Женщина медленно сползла вниз, оставив на стволе дерева кровавый след со сгустками мозгового вещества. Капитан вскочил на ноги, времени у него оставалось мало, если вообще оставалось. Он сорвал с руки часы, бросил их на землю. Отстегнул все части аппаратуры, закреплённые на его теле, и швырнул к часам. Вроде бы всё, теперь за его передвижением проследить будет невозможно. Кроме комбинезона он оставил при себе только пистолет, жилетку-разгрузку и автомат. Но и с одеждой надо было что-нибудь придумать при случае. Оставалась вероятность, что в неё тоже сумели напихать «жучков». Мысленно простившись с погибшими ребятами, он побежал по склону горы вверх, подальше от этого места. Что ему делать он пока не знал, видимо, действовать по обстоятельствам и ситуации, которая ещё приготовит ему сюрпризы. Но это уже будет потом, а чтобы это потом состоялось, ему надо срочно уносить отсюда ноги. На ближайшие несколько часов жизни задача его была очень проста. Ему надо как минимум выжить. Единственный путь, который подсказывали опыт и инстинкт, был вверх по склону горы и далее, перемахнув изгиб вершины, вниз, в ущелье. А там надо будет передохнуть несколько минут, сориентироваться на местности и сообразить, как действовать дальше. Бежать вверх – труднее физически, зато менее травмоопасно для суставов. К физическим нагрузкам ему было не привыкать, а вот ноги следовало поберечь. Уходить от этого места ему надо как можно дальше. Со спутника невозможно отследить человека, бегущего

по лесу. Накрывать бомбовым ударом большой квадрат в горной местности со стопроцентной уверенностью, что там не осталось ничего живого, тоже трудно. Для этого нужен полк штурмовиков, а для того, чтобы поднять его в воздух, также понадобится время. Капитан не сомневался, что такие возможности у его противника есть, но время, ВРЕМЯ пока было на его стороне. А то, что он не погиб, ОНИ уже знают. Вряд ли Анжела отключала микрофон, и в эфире слышны были её слова. Значит, зачистив место их лёжки, сюда вылетят вертушки с группой захвата. Скорее не захвата, а уничтожения. Да, оказывается, накладки могут случаться даже у Богов, горько усмехнулся про себя Григорий, осложнили они себе задачу. Мысли эти бились в его мозгу в ритм с ударами сердца, он выравнивал дыхание, чтобы лучше распределить силы. Он уже был на вершине горы, когда услышал звук приближающихся самолётов. Два «Грача» СУ-25 сделали манёвр и легли на боевой курс, практически на одном уровне с ним. Внизу, где несколько минут назад находился он, поднялся огненный столб и гриб чёрного дыма. Огонь, закручиваясь валиками, быстро распространялся в разные стороны от эпицентра, заполняя каждую ложбинку и замедляясь к периферии, гасимый горным рельефом. Потом, с задержкой в пару секунд раздался грохот взрыва. Капитан не стал даже пригибаться, он ушёл на приличное расстояние вверх, где ударная волна уже не могла причинить ему вреда. Какое-то время он стоял и смотрел, замороженный этой страшной и красивой картиной. Деревья и кустарник вокруг пригнулись. Его обдало жаром, выведя из оцепенения. Ну вот и всё, не самая удачная могила для его ребят, если смотреть со стороны православия, однако по исламским канонам... ведь они погибли как воины, с оружием в руках... и мгновенно. А там уже нет разницы, какого ты был вероисповедания, смерть уравнивает всех.

Поспешно удаляясь от того места, с которого должны начаться его поиски, Григорий то углублялся в лес, нарочито оставляя следы, то выходил на тропы и обрабатывал противособачьими химикатами пройденный им путь. Он менял направление, петлял, несколько раз сделал круг, чтобы запутать ищек. Во время подготовки операции он очень хорошо изучил карту прилегающей местности на многие десятки километров вокруг. Схорониться в лесу означало лишь отсрочить свою гибель. ОНИ не успокоятся, пока не получат его труп. И в возможностях ОНИ не ограничены. Если понадобится, то будет ещё много трупов, пока они не получат стопроцентную уверенность, что такой свидетель, как он, мёртв. Григорий трусцой бежал вдоль тропы, которая должна была вывести его к относительно оживлённой дороге. Там можно будет разжиться транспортом. Это даст свои преимущества в скорости передвижения, но и недостатки в таком методе перемещения в его положении, также появятся. Со

временем. Значит, делать это надо как можно скорее, вряд ли ориентировки на него уже разосланы, и посты на дорогах ещё не ищут «свихнувшегося спецназовца, убившего своих подчинённых». Именно такая формулировка, вероятнее всего, будет официально озвучена, поднимись вокруг этой истории шум, и объяви они розыск. Но, им значительно удобнее представить его погибшем героем, выполнившим свой долг во имя Родины. А, для этого надо быть уверенным, что он не оживёт. Скорее всего, они надеются, что он не успел уйти с места засады и погиб. Это очень хорошо, очень хорошо для него. Это - ВРЕМЯ, самое ценное, что у него есть для того, чтобы сохранить самое драгоценное - ЖИЗНЬ. Надо сосредоточиться и всё разложить по полочкам, чтобы сообразить, как действовать дальше. Дело-то ведь очень важное для НИХ и когда вскрыется, что он всё-таки ушёл, на уши будет поставлено огромное количество народа, чтобы его найти. Итак, что он имеет на текущий момент? Он - единственный оставшийся в живых участник и свидетель глобальной мистификации. Убита верхушка чеченского сопротивления или бандформирований, сейчас формулировка не имеет значения, он ведь сам теперь вне закона, вернее, его уже даже и нет на свете. Вот если оживёт, то будет вне закона. Кто уж из этой верхушки был подлинником, а кто копией, он не может сказать с уверенностью, кроме как об одном персонаже - Шамиле Пазаеве. Да и тут его уверенность базируется на признании Анжелы, сказавшей, что того надо сохранить «для дальнейшей борьбы». Трудно не верить женщине в том состоянии, в котором она пребывала на момент признания. В таких случаях невозможно соврать, да и против логики не попрёшь. А по логике, весь этот триллер придуман ради того, чтобы представить миру трупы чеченских командиров, и неважно, кто из них настоящие, а кто двойники. Да, если бы Анжела промедлила ещё хотя бы полминуты, он успел бы нажать на курок, и оригинальный Пазаев тоже ушёл бы в историю. Как им пришлось бы выкручиваться, если миру предъявить два трупа Пазаева? Но это всё БЫ да КАБЫ. А считаться приходится с реальностью. Как же ему теперь поступать? Может, продумать вариант обращения к журналистам, средствам масс медиа? Это выход, но он чреват ещё большим количеством трупов, причём трупов ни в чём не повинных людей. Наивные репортёры будут биться за, якобы, правду, не понимая, что с ноутбуком не ходят в атаку на бронепоезд. И будут гибнуть в несчастных случаях или поперхнувшись гамбургером. Да, одна уже лежит на том пятачке с обширной лоботомией. Зачем они её убили? Ведь приказ «штриховать площадку» специально не давался до того, пока ей не прострелили голову. Видимо, нужна была уверенность и в её смерти. А может, и запись со спутника была сделана. На которой отчётливо видно, кто, кого и как расстрелял. Теперь можно сказать, что известная журналистка, «порочащая честь и достоинство российского солдата» зверски убита лично таким-то полевым

командиром. Здорово они всё продумали, эх, знать бы, с кем имеешь дело, хотя что это может поменять в его судьбе? Нет, тут надо тихо уходить в тину, у него есть задача поважнее. Полисеева, видимо, имела какую-то серьёзную информацию и не просто так тусилась с главарями. Может, она расчихала всю правду? Какое это теперь имеет значение? Она, конечно, была очень сложный человек и часто предвзято освещала происходящее, писала гадости про федералов и небылицы про эту войну, вот и определила свою судьбу. Да, в весёлую историю он вляпался. Интересно, где теперь Пазаев-оригинал? Переправлен в Грузию? Или куда-нибудь на Ближний Восток? Или в Москву? Ходили слухи, что он когда-то работал на Контору. Потом его ждёт пластическая операция и новый паспорт? Кстати, хорошая мысль, это как раз то, что не помешало бы в данной ситуации ему, Григорию. Понять бы только, как это сделать. Труп. Им нужен его труп, вот от чего и надо плясать. Его труп - это та самая печка, от которой и следует начинать. Остаётся вопрос, где ему взять его же собственный труп. Если он решит эту проблему, остальное будет уже делом техники. Выпускники детдома, в котором он вырос, пошли по разным жизненным дорожкам, многие из них бросились в криминал. Найти их не так уж сложно, а они смогут помочь ему с новыми документами. Потом уехать подальше в Сибирь и работать лесником? Но это всё пока только фантазии и мечты, пока он не решит проблему «своего трупа». Какие ещё могут быть варианты? Уйти за границу? Это - дело. Но опять же без стопроцентных доказательств его смерти, оно не даёт ему стопроцентной гарантии, что его не будут искать и не найдут в конце концов. Уж больно ушлые ребята оказались сейчас на противоположной баррикаде. Уйти в Грузию и там выйти на западные спецслужбы? Хрена себе перспектива, вот до чего может додуматься человек, на которого объявлена охота. Это, конечно, вариант, но не самый шоколадный, думай, думай, крокодил. Хотя, если припрёт, и на такое придётся пойти - хоть он и русский человек, но в данном случае его жизнь дороже патриотических принципов. Смерть за Родину и смерть на Родине, во имя коммерческих или политических игр власть предержащих, это не одно и то же. Своя тельняшка ближе к телу. Как говаривал старый майор: «Главное, надо точно определить для себя какого цвета тельняшка: белая с тёмными полосками, или тёмная с белыми, в зависимости от этой определённости и жизнь ваша будет такой...». Думай, крокодил, думай. Начни по новой. Труп. Каким-то образом организовать труп, который можно выдать за свой. Так. Где здесь могут быть тонкие места? Генетическая экспертиза. Откуда можно взять образцы его биоматериала? Вроде бы неоткуда. Родственников у него нет, по крайней мере, он о них ничего не знает, следовательно, будем считать, что и никто не знает. Кровь он сдавал очень давно, и то на медкомиссии, так что не должно нигде ничего остаться, кроме заключения на бумаге. Слава Богу, ещё не создают банк образцов ДНК для

людей его профессии на его уровне.

Григорий вышел на берег реки, и часть пути решил проделать по воде. Речка в этом месте была неширокая, ледяная вода приятно холодила натруженные ноги. Он пробирался вдоль берега, прикрываемый кустами. Где-то в паре километров должна находиться трасса. Там надо быть осторожнее, и попытаться найти транспорт. И валить, валить от этого места как можно дальше. Скорее всего, в сторону грузинской границы, а там видно будет. Нет, пожалуй, в сторону границы – слишком логично. Он бы на их месте первым делом взял под контроль границу. А с другой стороны, Анзор успел его неплохо узнать, и наверняка, у них работает целый институт, который будет составлять психологический портрет и поймёт, что не стоит ожидать от него логичных поступков в столь нелогичной ситуации. Блин, ещё не время заморачиваться, транспорта у него пока, всё равно, нет. Когда появится, тогда и будет решать, в какую сторону направиться.

Капитан услышал хлопок взрыва и, метнувшись к берегу, затаился под нависающим над водой камнем. Кажется, началось, не успел. Несколько минут он просидел по горло в воде, прислушиваясь к мельчайшим шорохам и пытаясь сориентироваться, откуда ждать нападения и куда отходить. Но всё было тихо. Лишь отдалённый звук двигателя, напоминающий урчание мотора БТР, и весёлые голоса. По звуку он определил, что рвануло метрах в трехстах, и похоже, что это была тротиловая шашка. Гриша осторожно выбрался из своего укрытия и крадучись продолжил путь, идя на звуки. Он понял, что к нему тот шум не имеет отношения. Метров через двести он увидел два БТРа, стоящих поперёк реки в паре десятков метров друг от друга. На машинах сидели несколько человек, судя по казённым семейным трусам, солдаты-срочники. Они резвились и отпускали в адрес друг друга шуточки армейского содержания. Это не походило на пост, скорее всего, ребята отдыхали. Некоторые копошились в воде, вылавливая наволочками всплывшую рыбу. «Ага, – сообразил Григорий, – рыбаки. А вот и искомый транспорт». Он глянул по сторонам: должны быть ещё солдатики вокруг, глупо плескаться в речке без охранения. Не на Оке ведь находятся. Запросто могут подстрелить. На пригорке, над рекой, на полпути к асфальтированной дороге, действительно стояла ещё одна машина с работающим двигателем. Он и сам с ребятами несколько раз развлекался подобными забавами. Они выезжали на рыбалку на трёх БТРах, один заезжал на высоту, чтобы лучше был обзор прилегающей местности. Два других забирались в воду, перекрывая реку на расстоянии пятьдесят метров. С того, что стоял выше по течению, бросали в воду «удочку на килограмм» - две связанные изолентой тротиловые шашки с примотанным к ним запалом от гранаты Ф-1. Всплывающую рыбу относил течением к нижней машине и её собирали. Главное было найти рыбное место. Реки в горах неглубокие, но есть так

называемые «кубки», ямы, в которых собирается рыба. Вот в такую яму и следовало бросать «удочку». Григорий решил некоторое время понаблюдать за бойцами, чтобы сообразить, как ему поступать дальше. Номера на бронемашинах не позволяли понять, к какому подразделению они относятся, да и неважно это было сейчас. Если погоня началась, и за ним уже идёт группа уничтожения, то неплохо будет стравить их. Это даст ему дополнительное время. Пока они тут будут разбираться между собой, он сможет оторваться. Жертв, конечно, не избежать, но война есть война. Видимо, на сегодня трупов пока недостаточно. Ведь ребята, идущие по его следу, не сильно сентиментальны и будут устранять любые препятствия на своём пути. Гриша решил подобраться ближе к машине охранения, чтобы исключить возможную стрельбу по нему. Занятые рыбалкой солдаты были менее опасны по причине того, что им требовалось время на изготовку к стрельбе. А вот бдительность бойцов на БТР охранения внушала опасение. Они могли открыть огонь по появившемуся неожиданно человеку, спутав его с чеченцем. Капитан выбрался из воды и сделал небольшой крюк, чтобы зайти к машине сзади. В тот момент, когда он уже готов был выйти из зарослей, из-за горы появился вертолёт. Вертушка шла над рекой на небольшой высоте, Гриша даже мог рассмотреть лицо стрелка, сидящего за пулемётом и оглядывающего окрестности. Пожалуй, эти по его душу, значит, прочёсывание местности уже началось, надо спешить. Вертолёт удалился вверх по течению реки, поднявшись на большую высоту, чтобы не задеть деревья. Григорий вышел из кустов, подняв правую руку с автоматом вверх:

- Свои, разведка, не стрелять.

Сопровождаемый удивлённым взглядом высунувшегося из башенки солдата и стволом крупнокалиберного пулемёта, Гриша медленно, не делая резких движений, подошёл к БТР. Из открывшейся задней дверцы вылез другой солдат с сержантскими лычками на пагонах. Видимо, вид внезапно появившегося неведомо откуда человека в мокром необычном комбезе, со следами запёкшейся крови на голове, внушал не только недоумение, но и уважение. Сержант машинально начал поправлять форму.

- Старший сержант отдельного мотострелкового полка... – начал было рапортовать он.

- Остынь, – остановил его Гриша. – Не на плацу. Я капитан спецназа Главного Разведывательного Управления России, моя фамилия Игнатов.

Гриша специально произнёс слова медленно и подробно, а свою фамилию по слогам, чтобы сказанное отложилось в памяти солдата и произвело на него

большой эффект. Потом, если тому суждено будет остаться в живых, это может сыграть положительную роль во время расспросов.

- Сюда в ближайшее время выйдет банда, – продолжил он. – Всё понятно?

- Так точно, – ответил сержант.

- Это многочисленная, хорошо подготовленная банда наёмников. Они преследуют меня. Я потерял всю свою группу. Подмога уже на подходе. Ваша задача – задержать их до прихода подкрепления. Видел вертолёт? Район уже блокируется. Созывай своих бойцов, БТРы из воды, оружие в полную боевую готовность. Машины к кустам, сами под их прикрытие и держать оборону. Сколько у тебя человек?

- Двенадцать.

- Отлично. Боекомплекты в БТРах есть? Рация?

- Так точно, – сказал опешивший сержант.

- В эфир не выходить, себя обнаружите, они прослушивают всё. Держаться тут. Вы должны задержать их. Я забираю эту машину. Мне надо передать сведения командованию и как можно быстрее. Действуй, сержант. Они скоро появятся. На тебе и твоих бойцах сейчас лежит огромная ответственность.

Гриша забрался в БТР на водительское место, он слышал команды засуетившегося сержанта. Видел, как спешно начали заводиться бронемшины, чтобы перебазироваться из реки в укрытия, натягивающих на себя одежду солдат. Эх, давно он не упражнялся в вождении подобных аппаратов. Хотя дурацкое дело – нехитрое, но первые несколько сот метров он привыкал к специфике управления БТР. Выехав на асфальт, он набрал скорость и рванул в сторону грузинской границы. Солярки в баке хватает, главное ему проскочить первые сто-сто пятьдесят километров. Дальше уже начнётся серьёзное высокогорье, там и дорог-то нормальных нет, разбитые просёлки и «козьи тропы». Это как раз то, что надо. Мотострелки у реки завяжут бой, пока разберутся, пройдёт ещё какое-то время. Эх, время, время, насколько же ты бываешь дорогостоящей штукой. А ведь не ценим мы его, пока не припрёт. Григорий всё дальше удалялся от того места, где завладел транспортом, он не знал, что там происходит, но мог догадываться. Прослушивание радиочастот, на которых обычно ведутся переговоры, также не давало представления о происходящем. Закодированные сигналы не позволяла расшифровывать бортовая рация, установленная на БТР. А штатные каналы связи несли обычную рутинную информацию. Капитан выжимал всё из трёхсотсильного двигателя на

пустынной дороге. Редкие легковушки шарахались от несущейся на пределе разумного многотонной машины. Он гнал уже более часа. Дорога сузилась, поднимаясь вверх и петляя серпантинном. Пологие прямые участки сменялись резкими поворотами, на которых приходилось сбрасывать скорость. Он проскочил небольшой населённый пункт, на краю которого располагался заброшенный блокпост, резко повернул за скалистый выступ, следуя изгибу раздолбанного асфальтового полотна. И лоб в лоб столкнулся с ползущим навстречу тяжело груженным армейским Уралом. От удара кабину грузовика сплющило, передняя ось отлетела в сторону, двигатель ушёл под кузов. Через кабину на дорогу и БТР посыпалось содержимое грузовика – пластиковые и металлические бочки. Гриша на несколько минут даже потерял сознание, ударившись головой. Придя в себя, он почувствовал тупую боль во всём теле. Обзор перекрыли завалившие передок БТР бочки, и стоял резкий запах горячего. Капитан потрогал голову, глаза щипало, волосы и одежда были мокрые. Он поднёс руку к глазам. Нет, это не кровь. Из бочек, заваливших смотровое окно, в кабину капал керосин. Надо было срочно выбираться из машины, пока здесь всё не взорвётся к чёртовой маме. Он вылез через задние дверцы и хромя, подошел к грузовику. Водителя, солдата-срочника, уже было не спасти, рулевая колонка расплющила ему грудную клетку. Сидящий на пассажирском месте прапорщик был в состоянии шока. Он отсутствующим взглядом смотрел перед собой и хрипел, пытаясь что-то произнести. Гриша выломал искорёженную дверь и вытащил прапорщика на землю. Из кабины вывалился автомат и посыпались банки со сгущенкой. Видимо, сознание вернулось к раненому, он перевёл глаза на капитана и силился что-то сказать, но рана на шее, из которой текла кровь, не давала ему этого сделать. Капитан зажал пальцами разрез, чтобы остановить кровь и не дать воздуху выходить из дыры, не достигая голосовых связок.

- Где твоя часть? Почему вы здесь, тут по близости ни одного гарнизона, что вы тут делали? – спросил он умирающего. – Вот, блин, как же с тобой быть?

- Там, – прохрипел прапорщик, указывая дрожащей рукой в непонятном направлении. – Заплутали мы. Майор-снабженец послал, горючку везём и патроны, он их чехам, то есть духам, продал.

- Чего продал? – Переспросил Гриша. – Кому продал?

- Да всё продал... помоги, взорвётся сейчас, там ещё гранаты для подствольников, десять ящиков...

Гриша глянул на груды искорёженного железа, огня не было видно, но поднимался едкий и вонючий пар от испаряющегося топлива, соприкоснувшегося с раскалёнными частями разбитого двигателя. Вероятность

взрыва не исключена, хотя воздух вокруг был прохладный и разреженный. Но она была не настолько очевидна, если до сих пор не рвануло, всё-таки керосин это не бензин.

- Далеко до части? – Опять задал он вопрос.

- Не знаю, заблудились мы, километров семьдесят, помоги... - прапор начал опять терять сознание. – Взорвётся же...

- Прости, братишка, помощь не успеет, умираешь ты... кому сообщить, адрес есть?

- Нет, нет у меня никого, детдомовский я, хотя девушка у меня в ... - не успел договорить прапорщик. Глаза его уставились в бесконечность и Гриша разжал пальцы, сдерживающие рану.

«Вот, ещё два трупа, Господи, дай Бог, чтобы они были последними на моём веку», - пронеслось в голове капитана. И тут его осенило. Труп, вот же труп. Вполне подходящее тело, которое можно выдать... и габариты, похожие на него, капитана Григория Игнатова... героически погибшего, и так далее и тому подобное.

- Как же тебя зовут? – машинально приговаривал Гриша, вытаскивая из нагрудного кармана куртки документы прапорщика. – Ни фига себе, тёзка, Григорий Марченко! Да, братишка, пожалуй, ты мне теперь больше, чем брат. Вот только девушка твоя нас с тобой бросит...

И тут ему в голову пришла шальная мысль, ещё более безумная, чем всё, что творилось сейчас вокруг, и что он пережил за последние несколько часов.

- Ну, вот, сейчас я тебя повышу в звании... извини, но посмертно... - Григорий начал спешно стягивать форму с бездыханного тела. Это была трудная и неприятная работа, но это был его шанс, видимо, самый последний и невероятный, не дающий стопроцентной гарантии на благополучный исход, но он был единственным, который выдала ему судьба. Или всё именно так и должно было случиться? Этого Григорий не понимал. Где-то в глубине подсознания он чувствовал, или видел, он не мог себе самому ничего объяснить, что есть какой-то чёткий путь, какой-то единственный, только ему предназначенный коридор, по которому ведёт его ЖИЗНЬ. У коридора этого имеются ответвления и боковые ходы, и то, по какому из них он пройдёт, куда свернёт, зависит очень многое. Все эти тоннели приведут его в одну точку, к единственной цели. Но то, по какому именно он будет следовать, решает всё. Вся его жизнь зависит от того, каким путём он будет обходить выставляемые препятствия. И какая-то

неведомая сила ведёт его по нужной дороге, подсказывая единственно верный путь. По крайней мере, до сих пор вела. Может это тот самый ангел-хранитель? Раздев прапорщика, Гриша стал разоблачаться сам. Он снял медальон со своим номером и другими данными. Надел его на голое мёртвое тело - надо сделать так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений при опознании, что перед ними находятся останки его, капитана спецназа ГРУ России. Облачил прапорщика в свой комбинезон. Попрощавшись с пистолетом Стечкина, засунул его в то же место на груди, под молнию, где носил сам. Всё должно быть как можно более правдоподобным. Ни татуировок, ни прочих особых примет он на теле погибшего не разглядел. Это очень хорошо. Ведь его тоже Бог миловал разукрашивать себя. Группа крови у них совпала, это неспроста, это знак. Господи, как много совпадений между ними, даже имя одно и то же. И оба детдомовские. И оба примерно одного возраста. А может таково предназначение по жизни у этого человека, может, и рождён он был именно для того... Господи, тут и атеист начнёт верить в Бога. Видимо его, Гриши Игнатова жизнь, нужна Богу для какой-то цели? И он, Бог, проводит его через эти страшные и смертельно опасные испытания не просто так? Может это учёба, школа, пройдя которую, ему, Грише уготована некая миссия? А эти испытания призваны развить в нём какие-то качества? Да, видимо, он уже сошёл с ума или мир вокруг него сделал это? Что он знает точно, так это то, что теперь, если останется в живых, а в этом, почему-то у Гриши не было сомнений, он будет жить совершенно по-другому. И служить будет Богу, то есть людям. Все эти мысли бились в его голове, пока он одевался в форму Григория Марченко. Окровавленный китель был ему немного маловат в груди, но это не имело значения. Он надел на себя чужой медальон. Проверил, не упустил ли в суматохе какие-нибудь мелкие детали. Далее было самое сложное: затащить тело в БТР и усадить на водительское сидение. На это у него ушло ровно три минуты. В кабине ужасно воняло керосином. Он достал из своего бывшего комбинезона кевларовую клеящуюся ленту, которая используется, чтобы «паковать» пленных, её практически невозможно перерезать ножом и сжечь огнём, поэтому моток состоит из кусков по одному метру. Скоро она ему понадобится и как раз метра будет достаточно. Вынув из разгрузки магазин, снаряженный трассёрами, он выщелкнул оттуда несколько патронов и положил себе в карман, магазин же бросил на пол БТР. Тут же он оставил и свой автомат. Выбравшись из машины, Гриша залез на неё и открыл две бочки из тех, что завалили передок БТР, чтобы их содержимое вылилось вовнутрь. Бочек с горючкой было много, да ещё боеприпасы, когда всё это рванёт - мало не покажется. По крайней мере, грохот услышат в том ауле, что находится за брошенным блокпостом. Они вызовут федералов, но те нескоро сюда доберутся, труп прогорит хорошо. Он взял автомат прапорщика, разрядил его на шесть патронов и вставил трассёры. Потом отошёл метров на тридцать в сторону.

Возле отвесной скалы, вдоль которой проходила трасса, валялось несколько больших валунов, свалившихся на дорогу сверху. Григорий положил автомат на один из них так, чтобы выпущенные из ствола пули попали точно в бочки с горючим. Упёрся спиной в стену, а ногами в камень, чтобы его не размазало по скале взрывной волной. Последний раз оглядел страшные декорации импровизированного крематория, воздвигнутые случаем и доработанные им. Вроде бы всё выглядело натурально. Куском кевларовой ленты он заклеил себе глаза, чтобы их не сожгло пламенем взрыва. Конец ленты он зажал в левой руке. Потом несколько раз глубоко вздохнул, насытив кровь кислородом, ведь пламя выжжет воздух вокруг и какое-то время дышать будет нечем. Сделав последний, глубокий вздох, он мысленно помолился, как умел, затаил дыхание и нажал спусковой крючок. Трель очереди эхом отозвалась в горах, перерастая в вой воспламенившегося бензина. Раздалось несколько хлопков. Потом сдетонировали боеприпасы и страшный взрыв потряс окрестности. Григория обдало жаром и вдавило в стену. Сверху посыпались камни, один из которых угодил ему в голову. Уже в забытьи, он рванул ленту, предохраняющую глаза... последнее, что он слышал, теряя сознание, был хруст сворачивающихся от пламени ушей, треск лопающейся кожи на лице и голове. Потом наступила тишина. Григорию не было страшно, тишина была доброй и успокаивающей, как будто он испытал величайший оргазм. Он летел над планетой Земля. Он видел внизу материки, океан. Где-то извергались вулканы и зарождались ураганы. Он мог взять Землю в руки и спрятать её в своём сердце. Вернее, в том месте, где у людей сердце. Потому что тела у него не было. У него не было ничего. Только сознание и дух. Только чистое осознание и энергия. И вокруг было много такой энергии, спокойной и чистой. И вся она оплетала Землю. Тут он понял, что если бы не эта энергия, планета давно бы погибла. Эта огромная мощная сила берегла её и сдерживала ту разрушающую мощь, которая исходила снизу.

Саня часть 4.

Вот так и началась Санина тюремная биография. Необычно, нестандартно. Да и какие стандарты могут быть в человеческих судьбах? Кроме разве что трёх основных – родился, жил, умер. А вот что между ними? Чем наполнится этот трёхгранный сосуд? Попадая в тот мир, в который угодил Саня, человек меняется до неузнаваемости. Или это только так кажется со стороны? А на самом деле ты несёшь в себе ту заложенную Богом, Природой, искру, сохраняя и предохраняя её. Уберегая от агрессивных воздействий внешней среды. Не всем удаётся сохранить. Многие ломаются, многие изменяют своей человеческой

Природе. Но Жизнь не терпит преобразований извне. Она четко отделяет естественным отбором Человека от биомассы, давая испытания и следя, затухла в нём Божественная искра или он умудрился её сохранить.

Уголовная карьера Сани развивалась довольно стремительно. Выйдя с малолетки, он какое-то время даже поучился в ПТУ в Ухте. С новыми документами, изменённой в несколько букв фамилией, он активно отдавал долги дяде Саше Ташкентскому, как звали его покровителя в той среде. Потом получил новый, взрослый срок за разбойное нападение, который отбывал в ИК-19 в посёлке Бельгоп. Там Саня испил сполна. За упёртость характера он неоднократно попадал в ШИЗО. По сути, заведение с таким медицинским названием было не что иное, как тюрьма в тюрьме. Со своими, отдельными от общей, правилами. По кормёжке там был заведён такой принцип: день лётный - день не лётный. Утром дают кипяток и кусок квёклого хлеба, в обед жидкую баланду, на ужин также тёпленький кипяток и кусочек хлеба. Это - день лётный. В нелётный всё ограничивалось одним приёмом пищи, в обед, который состоял из кипятка и хлеба. Обстановка в колонии была сложной, как для осуждённых, так и для властей. За счастье считалось попасть в наряд на выездной объект, на стройку. Объект находился в двадцати километрах от колонии. Снаряжали туда бригады вахтовым методом. Зеков вывозили на неделю, через неделю бригаду сменяли. Конвой ехал с ними. Отдыхали после работ в небольшом деревянном бараке, который в народе звался «хата», отдельно от охранников. У тех было своё помещение, в котором спала отдыхающая смена. Дежурный наряд, при оружии, расходился по постам на территории. Счастье попасть туда заключалось в том, что начальство редко приезжало на объект с проверками. А с рядовой охраной у многих складывались терпимые и даже приятельские отношения. Ведь все были люди, и быт охранников мало чем отличался от быта сидельцев. Некоторых солдатиков это, правда, наоборот, озлобляло, но в большинстве своём подсознательно, довлел принцип: «От тюрьмы и от сумы...». Солдат-срочник не по своей воле выбирает место службы, и это сегодня он на вышке с автоматом, а что случится завтра? Объект был обнесён бетонным забором с накрученной поверх колючей проволокой. Но через этот забор легко было договориться с местными. Те приносили водку, куряшку, чай и нехитрую деревенскую еду. В ответ им перекидывали деньги и различные поделки, от выкидных ножей и зажигалок, до выточенных из плексигласа цветочков, отшлифованных вручную так, что они казались хрустальными. В углу объекта за невысоким забором находилась котельная и генератор, снабжающие теплом и электричеством стройку. Начальник котельной держал за забором голубоглазую собаку породы хаска. Полуголодное существование арестантов давно подталкивало их покуситься на такое большое количество мяса. Но люди

боялись последствий наглого поступка. Пайка была скудной, ибо начальство сэкономило на вахтенных бригадах, зная и закрывая глаза на то обстоятельство, что зеки договариваются с местным населением. Однажды, когда на объект привезли только хлеб, Саня не выдержал и подговорил товарищей всё-таки украсть собаку и сожрать. Они подманили пса к дырке в заборе, убили и вытащили тушку. Голь на выдумки хитра, разделать тушу труда не составило. Шкуру они обскоблили, натёрли ржаным мякишем с водой и оставили киснуть, чтобы потом выделать и пустить на шапку. Мясо зажарили на костерке в потайном месте и с удовольствием съели. Пир удался на славу, мясо хоть и не прожарилось на маленьком огне, зато было свежим и питательным. Вечером, по возвращении в хату, они вдруг обнаружили, что температура внутри помещения мало чем отличается от температуры наружного воздуха. Начальник котельной, не найдя собаки на привычном месте, сообразил, что с ней случилось. В наказание он отключил им подачу тепла. Ночь они промучились, сбившись в кучу, и греясь друг о друга. А наутро делегировали Саню, как зачинщика, разруливать сложившуюся ситуацию. Саня постучался в дверь и, не дожидаясь ответа, вошёл в котельную.

- Ты почто нам тепло перекрыл, гражданин начальник? – Спросил он.

- А чё, вам разве прохладно было? – Беззлобно, даже с насмешкой ответил тот. – Я думал, что после такой жратвы вас изнутри греет.

- Не устояли, гражданин начальник, каюсь, – без отпирательств, честно признался Саня. – Сожрали мы твоего пса, Чёрт попутал, не выдержали.

- Что же вы, уроды, творите, я ещё и рапорт напишу, сгнойт вас, всю бригаду. Чья идея?

- На меня пиши, гражданин начальник, я подначил. Бригада не при делах.

- Что, и жрал один?

- А хоть бы и один.

- Смелый, урка, сам решил на себя вину взять или настоял кто? Нет, браток, в одиночку столько не сожрёшь, там на отряд хавчика было, все ответите.

Саня помолчал минуту, в раздумьях.

- Нет, гражданин начальник, один я виновен, чё не сожрал - припас сделал, утром сунулся, нет мяса. Так что и ответ мне держать. Других в деле не было.

Начальник тоже помолчал, пристально разглядывая зека.

- Видишь, как получается, сунулся, припаса нет, значит, не у одного тебя праздник вышел, не одному и вину делить... шкура где? – Спросил он, наконец. – Тебя как звать-то парень?

- Имя, что ли? Саня. Шкуру принесу сейчас.

- Ты ведь человек, Саня. А чё поступаешь, как тварь? Она же животное бессловесная, к тому же не твоя.

- Говорю я, рассудок помутился с голодухи, день на одной пайке просидели, и впахивали, как папы Карло. Вот и не выдержал.

- Ладно, Саня. Не буду я рапортить на твою бригаду. Замнём, отделался ты легко. Я ведь из освобождённых, считай, двенадцать годков зоне этой отдал. К вечеру принесёшь шкуру, два пузыря водяры и чаю пару пачек. Иди с Богом.

Зеки были недовольны смотрящим, начальство – зеками. Харчевали сидельцев как придётся. Назревали беспорядки. Надо было что-то решать, чтобы не допускать крови. По таким случаям власти и авторитетные люди, имеющие влияние в уголовном мире, пытались для начала найти общий язык. Дядя Саша приехал на зону разобраться. Покумекав с Хозяином, он вызвал на свидание Саню.

- Ну как, матереешь, алтаец? – Спросил он его. – Шанс тебе даю. Потратил я на тебя сил много, пора и тебе серьёзным делом ответить. Пиши представление, общую маляву по зоне, хочу, чтобы ты тут положенцем был. Прежний смотрящий не управился, снимаю я его.

Так, в двадцать с небольшим лет, Саня стал смотрящим в Бельгопе. В его обязанности входило решение многих вопросов. От разруливания конфликтных ситуаций между сидельцами, до спорных вопросов с начальством. Правильность расхода общака. Соблюдение понятий. Распределение поступающих с воли наркотиков и лекарств. Охраняли зеков взвэшники, те же солдатики срочной службы, только с красными погонами и двумя буквами «ВВ» на них. Относились они не к армии, а к МВД, посему для зека они были не лучше ментов. Хотя все могут быть и людьми, и нелюдьми, что на вышке с автоматом, что под ней и за колючей проволокой. Ведь не виноват же восемнадцатилетний пареньёк, что вместо десантников его забрали служить в конвойную часть? Так, с одним из таких бойцов, Саня даже приятельствовал. Солдат проникся к Сане и очень его уважал. И когда писал рапорт начальству, где всех зеков обвинял в том, что они спали во время рабочего дня, пометил, что кроме него, Александра. Сержант был азербайджанец, по-русски говорил плохо, в специфических понятиях своего

дела и охраняемого контингента разбирался ещё хуже по причине небольшого срока службы. Он только закончил сержантскую учебку и в часть прибыл месяц назад. Саня обалдел, узнав о записке. Работавший на объекте отряд получил наказание, а с Саней была лишь проведена беседа. Санин авторитет в этот раз, как ни странно, не был поставлен под сомнение его товарищами, но при встрече с сержантом он его вразумил:

- Что же ты делаешь, зёма. Если пишешь на людей телегу, не выделяй никого. Ни в плохую, ни в хорошую сторону. Ты же меня, получается, подставил. Все раздолбайничали, спали, а я один впахивал? Что люди обо мне подумают? Если пишешь, то кашляй на всех.

Саня старался быть справедливым в рамках понятий своего общества. И это у него получалось. Когда он сидел в «семёрке» во Ржеве, в зоне строгого режима, куда определяли рецидивистов, эйфория перестройки уже закончилась. Началась эпоха полного развала, разобщённости и «парада суверенитетов». Это была эпоха безвременья и вседозволенности. Даже в столицах вводили карточки на продукты первой необходимости, куда входили сахар, водка, сигареты. В регионах же было совсем плохо. Что уж говорить о зонах, переполненных в разы более норматива? А что такое зек без законной пайки? Это бомба, готовая взорваться в любой момент. Бунты вспыхивали в различных уголках страны. Подавляли их жёстко и кроваво. Доведённые до отчаяния люди по разные стороны баррикад считали своё положение более ущемлённым, нежели у противоположной стороны. В уголовном мире ходили слухи, и тому даже имелись косвенные подтверждения, о создании «Комитета по внесудебным решениям». Задача этой организации была в физическом устранении авторитетных в уголовном мире людей без суда и следствия. Страсти накалялись, люди ополчались друг на друга. Саня часто, почти каждый день, имел свидания с «ворами». Надо было обустроить жизнь в подведомственной ему зоне. Воры присылали машины с хавчиком, передавали ему общаковые деньги на питание. В то время денег из бюджета в зону не поступало вообще. Хозяин обращался к нему, он выдавал ему под расписку «воровские» деньги. Хозяин закупал провизию и отчитывался перед Саней накладными и чеками. В то время это было нормальным явлением, об этом знали и «наверху», и многих такое положение вещей вполне устраивало, это был выход из сложившейся ситуации, а для некоторых начальников и метод заработать. Потом в Твери создали спецподразделение для подавления тюремных бунтов. Раз в месяц в специальном снаряжении, со спецсредствами, оно приезжало в «семёрку» на учения, врвалось в хаты и... не всем повезло избежать увечий, а некоторым и остаться в живых. Целей таких «учений» никто не скрывал. И поделаться с этим ничего не мог даже Хозяин зоны, подразделение

было неподведомственно его начальству. Якобы поступал сигнал о зреющем бунте, посылались подразделения принять превентивные меры. Не хочешь таких визитов - башляй. Тогда же и возникло красивое иностранное слово «рэкет». Ведь даже министр финансов говаривал: «... делиться надо...». Так, после первого же подобного визита, Саня связался с Сашей Ташкентским и, получив от него добро, попросился на разговор с Хозяином. После этого они не один день перетирали, договаривались о сумме, гарантиях, Хозяин звонил «куда надо», торговался, он был так же заинтересован, чтобы в его хозяйстве не было проблем. Ведь у него была семья и дети, а ставшие жёсткими правила игры касались всех, кто связан с этим миром. Договорились на том, что раз в месяц Саня выдавал из общака некоторую сумму, на которую «накрывалась поляна», приводились девочки, после чего довольные проведённой операцией спецы отправлялись домой писать отчёт. Поляна накрывалась для рядовых исполнителей, в каких долях и между кем делились основные деньги, Саню не касалось, для этого были люди поглавнее, в том числе и Саша Ташкентский.

Каждое поколение считает, что именно на его долю выпали наиболее сложные и великие потрясения и события в истории, оно и естественно. Не всем дозволено заглянуть в будущее. Что ожидает твоих потомков, знает только Бог. Но то, что досталось поколению, рождённому в шестидесятых годах двадцатого века, сделало их жизнь по-своему интересной и увлекательной. С начала уголовной биографии нашего героя на его Родине сменилась экономическая формация. Радикально поменялся принцип жизни и идеалы. Не считая мелких войн, случились две весьма значимые: Афганская и Чеченская. Прекратила своё существование огромная, влиятельная но неуклюжая империя, которую в мире боялись и с которой считались. Глобальный дух перемен охватил весь мир. Что уж говорить об уголовном. Само значение «жизни по понятиям» трансформировалось. Воровская этика, честь, перестали быть в этом сообществе «руководящими и направляющими». Коммерциализация жизни, искусства, натолкнула на мысль, что уголовщину можно романтизировать и стричь с этого хорошие деньги. Уголовный мир также стал приспосабливаться к новым условиям. Авторитеты начали легализовываться в больших бизнесменов.

Саня не то чтобы боялся, времени-то прошло много, просто он не считал себя вправе показываться в родных местах. Не академик, чай, и даже не депутат с артистическим уклоном. Весточки, что он жив, доходили до его семьи. Сам он более двадцати лет там не показывался. Отец его умер в начале века, так и не увидев более сына. Мать стала маленькой сухонькой старушкой. Она знала в общих чертах о его жизни и выпавших на долю её дитя испытаниях. Когда через двадцать один год они встретились, первые её слова были: «Ну вот, я знала, что не помру, не увидев тебя, а теперь... хоть в могилу». И обняла его, даже не

проронив слезы.

Две недели Саня жил в деревне. Это было перед последней отсидкой, с которой его вытащил тот самый, уже бывший, Хозяин Ржевской семёрки. Они многим были обязаны друг другу. И очень их отношения напомнили ему дружбу дяди Саши и подполковника Фёдора Анатольевича.

Так получилось, что Саня приехал на Алтай по делам. Необходимо было выполнить решение схода, выяснить одно обстоятельство. Приехал специально с запасом по времени, чтобы часть его провести у матери. Далее он должен был встретиться с местным смотрящим, блатными - получить с них объяснение, куда делись немалые деньги. Деньги были общаковые, и часть их предназначалась для отправки в городок Тулун, на зону. Но туда они не дошли. За это полагалось кому-то ответить, деньги вернуть, а причитающуюся сумму доставить по назначению. Саня прибыл пораньше не только из ностальгических чувств. Случившееся с общаком стало следствием полной неразберихи и междоусобных разборок, охвативших сибирское сообщество. Он часами добывал информацию, обзванивал авторитетов, связывался с людьми в столицах, назначал стрелки на местах. Работы было немало и чистой её назвать трудно. В доказательство своей бескомпромиссности, он лично привел в исполнение наказание главному виноватому и довёл порученное до конца. Ему собрали наличные, сумма была солидная и помещалась в двух больших чемоданах. Теперь оставался последний вопрос - доставка их в Иркутскую область, где и находился городок Тулун. Саня отмёл множество предлагаемых вариантов и выбрал якобы самый простой и не бросающийся в глаза. Он сделал вид, что решил поехать поездом Барнаул-Иркутск до станции Тулун словно обычный командировочный. Городок этот находился как раз перед самым областным центром. Саня позвонил в Москву, чтобы ему прислали двух смышленных пацанов и бабу, а в Новосибирске тем временем подготовили небольшой самолёт до Иркутска. Один из московских ребят повёз деньги к самолёту. Саня же, с женщиной и набитыми барахлом чемоданами, погрузился в поезд. В Новоалтайске он сошёл, словно на пару минут, в буфет за пивом, сказав, что если вдруг не появится, дальше ей следовать одной до пункта назначения, где будут ждать встречающие. Второй пацанчик был уже на станции со старенькой японской праворулёвкой, на которой они и отправились в Новосибирск. Как выяснилось позже, перестраховался Саня не зря. До Красноярска баба не доехала, ночью её убили в купе, а чемоданы пропали. После этого дела за Саней и закрепилось погоняло «Тулунский».

Последний свой срок Сане посчастливилось не отбыть до конца. Осудили его за убийство того самого виновного в краже общаковой кассы. Но братва решает

всё, а братва со связями и деньгами решает ещё больше. Ведь у нас как: если ты украл у соседа курицу, ты совершил преступление и должен сидеть в тюрьме. А если украл половину страны, то ты – бизнесмен с охраной, деньгами и авторитетом в обществе. Деньги ведь решают любой вопрос. За него похлопотали, выдали, кому надо, сколько надо. И он вышел на волю. Сильно задумываться, на что жить, у Сани поводов не было - братва держала его на довольствии. А вот как жить, он вдруг очень глубоко озадачился. Вором он быть не мог по статусу - статьи, по которым сидел, не позволяли. Жить по-прежнему он не хотел. Возможно, на него подействовали слова матери во время их встречи после четвертьвековой разлуки. Они долгими вечерами засиживались за большим самоваром и не могли наговориться. Мать рассказывала ему, как у кого из знакомых сложилась за это время жизнь. Кто как помер, кто куда разъехался. Кто женился и родил, кто развёлся и спился. В тот день она села перед ним, взяла его руки в свои и, глядя в глаза, сказала:

- Я самая счастливая на свете мать. Я верю в тебя, ты станешь ЧЕЛОВЕКОМ. Да, и повезло тебе.

- Мне... повезло? – Удивился Саня. – Мне ещё сорока нет, а я пятнадцать из них провёл за колючей проволокой. На мне греха за три жизни не искупить.

- Искупишь, обязательно искупишь. А повезло потому, что Бог тебя хранит. Вон твои одногодки, кому не свезло - на том свете уже. Кто в Афганскую погиб, в армию уйдя, кто спился. Остались-то раз-два, да обчёлся.

Эти слова запали ему занозой в мозгах, да так, что не давали спать по ночам.

Гриша часть 4.

- Тут ещё один, – ворвался в сознание Гриши голос из другой реальности.

- Живой? – Спросил другой голос.

- Да вроде бы пока живой, – голос был совсем рядом. В нём сквозили нотки безразличного удивления, присущие медикам, которые часто имеют дело со смертью. Для них тело, в котором ещё теплится жизнь, уже не человек, а фронт работ, объект приложения своих профессиональных знаний и усилий. – Капельницу ему и в вертушку, хотя вряд ли мы его до стационара довезём, процентов шестьдесят поверхности тела обожжено. Лица, вон, вообще нет, как глаза-то остались?

Свет в голове капитана стал немного ярче, видимо, ему пытались раскрыть опухшие веки. Боли не было, болеть было нечему, тела он не ощущал. И без тела ему было хорошо и уютно, ничего не мешало и не беспокоило. И зачем только люди носят на себе это слабое, незащитное мясо? Насколько же хорошо без него.

Время уже не имело большого значения. Сколько времени прошло с того момента, когда нашли и эвакуировали с горной дороги его обгорелое тело, он не знал. Годы прошли или месяцы, а может, дни, какая разница? Он был жив, и теперь это был уже не он. Вернее – он, но родившийся снова. В определённом смысле, с отдельно взятым Гришей Игнатовым, произошла отдельно взятая реинкарнация. Прежний Григорий умер навсегда. А появился совершенно другой человек. Человеку, которому придётся заново учиться многим вещам, даже ходить ему придётся учиться заново. И говорить, и смотреть, если врачи, конечно, спасут его зрение. Капитан, ставший в этой новой жизни прапорщиком, жил в своей собственной реальности. Как младенец, он лежал, запелёнатый в бинты и повязки. Консилиумы врачей каждый день по утрам собирались возле его, похожего на мумию, тела. Они говорили умные слова, рассматривали умные бумаги с его анализами и графиками работы органов. Повязку на лице и глазах меняли раз в несколько дней, вывозя его в специальный бокс. Света он не видел уже давно, но знал, что тот существует. Отсутствие зрения несколько его не угнетало, он чувствовал, что совсем скоро оно вернётся к нему в том виде, что было раньше. А пока его не было, с ним стали происходить удивительные вещи. Стали развиваться другие органы чувств. Каким-то образом, он видел со стороны всё, что происходит вокруг и даже дальше. Лица склоняющихся над ним людей, да и он сам, проявлялись в его сознании. Григорий наблюдал как бы со стороны происходящую вокруг него размеренную госпитальную жизнь. Лица врачей и медсестёр он видел в деталях. Капитан безошибочно определял, кто в конкретный момент зашёл в палату. А когда ему освободили от повязок нижнюю часть лица и попросили что-нибудь произнести, он необычным для себя голосом прохрипел, обращаясь к доктору:

- Доброе утро, Владимир Семёнович, я уже скоро стану совсем большим и буду учиться ходить.

- Откуда вы знаете моё имя? – Опешил полковник медслужбы.

- Не знаю, я не задумывался, откуда. Наверное, слышал раньше.

- Вот как? - Ответил полковник с сомнением. Возможно, так оно и было, но он не припоминал случая, когда персонал мог обратиться к нему по имени-отчеству.

Среди военных медиков не редкость подобные неуставные обращения, но сам полковник Кавершин до мозга костей был потомственным армейским врачом и довольно негативно относился к гражданской фамильярности. Однако он был очень занятый человек - в последнее время активизировались боевые действия в мятежной республике, и поступало много «тяжёлых» раненых. Посему вникать в такие мелочи у него времени не было, но случай этот запал ему в память занозой мистичности.

Несколько раз до этого в палату заходили люди из следственного комитета военной прокуратуры и ФСБ. Они разговаривали с врачами относительно его состояния и перспектив. Сообщили, что у них к нему есть несколько вопросов, ответы на которые может дать только он, ибо других свидетелей не осталось, а дело государственной важности. Доктора объясняли, что в ближайшие несколько лет вряд ли будет возможно добиться чего-либо вразумительного от этого тела, впавшего в кому. Есть вероятность, что полного восстановления мозговой деятельности не удастся добиться, хорошо, если он вообще придёт в сознание. Состояние пациента стабильно-тяжёлое, но динамика наблюдается умеренно-положительная, и они надеются, что жить он будет, но, естественно, не полноценной жизнью. Хорошо бы, чтобы через годик-другой он научился говорить и ходить, а там уже его жизнь будет продолжаться в госпиталях и реабилитационных центрах. Вот тогда и можно будет с ним побеседовать, но вряд ли эти беседы что-нибудь дадут, это уже не человек в общепринятом понимании этого слова. Григорий не просто слышал все эти разговоры, он отчётливо видел каким-то странным образом этих людей, беседующих возле его койки, видел их лица и знал по именам, званиям и фамилиям. Он даже видел их внутреннее состояние и мысли. У одного, толстого майора ФСБ, например, начинался цирроз печени, и практически не работала одна почка. Майор очень сильно пьянствовал, а когда боли усилились, врачи стали колоть его различными препаратами, в том числе и обезболивающими. Тот подсел на наркотики и скоро должен будет умереть. Гриша всё это видел и знал. Но что он мог поделать, да и надо ли было что-то делать?

Московская часть его восстановительного периода была значительно веселее. После того, как он год пролежал овощем в госпитале города Моздок, столичный реабилитационный центр казался пятизвёздочной гостиницей. Впрочем, госпиталя он уже знал не понаслышке, а вот в пятизвёздных отелях ещё не бывал. Поэтому подобное сравнение возникало лишь гипотетически. Он уже сбился в подсчётах, сколько же пластических операций перенёс. Некоторые части его тела в результате творчества хирургов напоминали политическую карту Африки. С неповреждённой огнём спины и задницы врачи вырезали

лоскутки кожи и приживляли на самые проблемные места, создавая ему новую внешность. Такие мелочи, как переломанные кости и отбитые взрывом органы, уже не беспокоили его. Кости давно срослись на удивление врачам очень быстро. Органы ещё барахлили, но также быстро восстанавливались. Молодой старший лейтенант-травматолог даже собрался писать научную работу о возможностях человеческого организма на примере истории его ранения. ФСБ ещё пару раз навестила его в Москве, но, убедившись в его полной амнезии, оставила в покое, по крайней мере, больше не беспокоила. На тех допросах он смог вспомнить о себе лишь только, что его зовут Григорий Марченко, и он является контрактником, прапорщиком Российской Армии. О ранении своём ничего не помнит, кроме страшного взрыва. Он получил инвалидность, пенсию по ней, документы на имя вышеупомянутого гражданина Марченко и однокомнатную квартиру в районе Южное Бутово, в самом углу Москвы, далее уже начинался небольшой пруд, поля и рощи, которые плавно переходили в Московскую область. Так началась его новая жизнь, и жизнь эта принадлежала уже совершенно другому человеку, нежели тот, которым он родился около тридцати лет назад. По иронии судьбы, дом его располагался на ул. Кадырова. Гуляя в ближайшем парке, он часто встречал людей со схожими проблемами, здесь в новостройках давали квартиры таким же, как он инвалидам и ветеранам, прошедшим «горячие точки». В основном люди недобро отзывались об идее назвать улицу именем этого чеченского лидера. Многим это имя не давало спокойно спать по ночам. Некоторые открыто возмущались, утверждая, что на его совести сотни убитых федералов, и что он лично расстреливал российских офицеров, попавших в плен. Гриша не вступал с ними в споры. Во-первых, он имел своё мнение, во-вторых, не видел смысла в подобных спорах. Он не испытывал ни ненависти, ни любви к этому человеку, погибшему тоже не самой приятной смертью. Того взорвали на стадионе бывшие соратники за то, что он предал их, перейдя на сторону российских властей и возглавил такие же боевые действия, только уже против своих бывших товарищей. По сути, он делал всё, то же самое, что и раньше, лишь в прямо противоположном направлении. Политика и бизнес, ничего личного, как сказал бы герой какого-нибудь американского фильма. Хотя в отсутствии личных мотивов у чеченского «генерала» Григорий очень сомневался. История знает немало подобных случаев, а уж методы работы власть предержащих по вербовке себе союзников комиссованный капитан-прапорщик представлял, исходя из собственного опыта. Выбор в пользу того, чтобы остаться в живых, да ещё и быть богатым хозяином на вассальной территории вполне естественен в современной цивилизации. Мало кто выберет в данной ситуации героическую смерть, да к тому же без гарантий того, что смерть эта будет кем-то признана героической. Уж так устроен этот несовершенный мир. И нельзя никого обвинять, люди сами в этом виноваты, все,

каждый из нас, ведь все мы часть единого целого и обвинять кого-то - это значит обвинять самого себя. Вообще, когда ты начинаешь видеть и понимать, как всё просто устроено, начинают казаться смешными те проблемы и суэта вокруг них, которыми озабочены люди. Ведь все эти политические телодвижения - это простой и жестокий бизнес, жажда власти и наживы и всё это больше и больше озлобляет людей, и делает их всё жаднее и жаднее. Но, видимо, через подобный этап развития человечеству зачем-то надо пройти. И Гриша знал, что, в конце концов, оно преодолет этот этап развития, уж какими жертвами и потерями, другой вопрос, но преодолет. И жизнь на планете Земля не исчезнет. Видоизменится и сократится, вернее, сбалансирруется, но не исчезнет. А этот этап самогеноцида и самоуничтожения, видимо, нужен, как процесс очищения, большой чистки перед возрождением. Григорий стал много читать, от Библии до Торы, от Корана до Вед и Упанишад. Потом ему попались книги Ошо, далее Гурджиева и Успенского. Через год отставной ветеран-инвалид сдал свою «однушку» за несколько сотен долларов знакомой девушке не самого тяжёлого поведения и уехал в Калужскую область. В маленький городок Боровск. Там, в Свято-Пафнутьевском монастыре, он несколько лет прожил послушником.

Окончание.

«Начинается посадка пассажиров, вылетающих рейсом номер... на Гоа, посадка будет производиться с выхода номер двенадцать», - прозвучал в динамиках серьёзный голос невидимой, но весьма осведомлённой девушки. Саша, никуда не торопясь, докурил сигарету и вместе с сизыми облаками вынырнул из дверей камеры для курильщиков. Далее, по указателям он отыскал объявленный выход, предъявил ламинированный лоскут посадочного талона, от которого не менее серьёзная девушка оторвала большую часть, оставив ему маленький кусочек. За изгибом коридора потянуло прохладой и керосином, просачивающимися сквозь щели уплотнения «кишки», ведущей прямо к передней двери салона громадного «Боинга». Полётов в Сашиной жизни было не так много, поэтому вид горбатого чудовища с крыльями, хорошо различимого сквозь большие окна зала ожидания, внушал ему уважение и некое опасение. Летать он не боялся, он вообще уже ничего не боялся в этой жизни. Но какое-то подсознательное чувство несурзанности, что свою жизнь на несколько часов придётся доверить вот этой громоздкой, но хрупкой конструкции, которая поднимется на огромную высоту, оставляло неприятный осадок. Впрочем, на этот случай у него было универсальное русское лекарство, закупленное в магазине «Дьюти фри» и

запечатанное в полиэтилен, который, якобы, нельзя вскрывать до конца полёта. Однако такие предупреждения мало кого останавливали, особенно на чартерных рейсах, набитых туристами-пакетниками. Вместе с остальными вылетающими, он поздоровался с улыбчивой стюардессой, заинтересованно вглядывающейся в каждый предъявляемый ей посадочный талончик и распределяющей людей по своим местам. Та указала ему верное направление, ведущее к его креслу. Он без проблем нашёл его и с удовольствием уселся, предвкушая предстоящее приобщение к дьютифришным дарам. Место было не просто удобное, оно было «козырное», так как располагалось на первом ряду в салоне эконом класса. Кресел впереди не было, и до стенки, отделяющей один салон от другого, имелось приличное расстояние, так что было куда протянуть ноги на случай, если они начнут затекать от долгого сидения в одной позе. Его кресло располагалось через одно от иллюминатора. Теперь бы ещё повезло с соседями, с которыми можно поговорить, скоротать время в долгой дороге и приговорить припасённое лекарство.

- Здравствуйте, – отвлёл его от благостных мыслей знакомый голос. – Соседи, значит, опять.

- И вам не хворать, – обернулся Саша, всматриваясь в подошедшего попутчика. Им оказался тот самый странноватый священник, за которым он стоял в очереди, и по поводу багажа которого возникла заминка у стойки регистрации. - А, святой отец! Всё в порядке, я смотрю, таможня дала добро, пропустили вас с бадьёй в самолёт.

- Это не бадья, это священный сосуд для свершения таинств, купелью зовётся.

- Ой, простите, я в культовых терминах не авторитет, сосуд так сосуд, купель так купель.

- На всё воля Божья, тем более что дело моё Богоугодное. Я и не сомневался в благоприятном исходе.

Священник старался компактнее пристроить свою ношу в угол, в широкое пространство между сидением и стенками так, чтобы ещё осталось место для его ног, когда усядется.

- Уж не обессудьте, потерпите, если что не так. В тесноте, да не в обиде, – наконец он справился со своей задачей. – Сколько лёта до Гоа?

- Вроде как слегка меньше семи часов, потерпим, коли Богоугодное, говорите. А что это за программа такая, почему в Гоа наша церковь филиал открывать задумала? Что, землячество большое подобралось, нужда в вере назрела?

- Нужда в Боге у всех и всегда была, а уж в тех местах, где соблазнов Богопротивных много, тем паче. У церкви филиалов не бывает... я еду в Индию храм православный открывать, пока это часовенка небольшая будет, а потом посмотрим. Приход там и впрямь подобрался, уже и детишки народились на чужбине, как же им без веры отеческой? Вот и решил я поправить это дело, – отец Григорий улыбнулся и отвернулся к окну, вглядываясь в суету за бортом, где техники готовили самолёт к дальней дороге, заканчивая последние штрихи проверки всех систем сложной машины.

- Что-то я не до конца врубился, святой отец, – с ехидцей в голосе отвлёк его от этого занятия Саня. – То будет ваша частная инициатива, что ли? Или экспорт веры с Благословения вышестоящего начальства?

- Ну, можно и частной назвать, да только Благословение я получил от гораздо более высокой инстанции.

- То есть, вы самого Бога, что ли, в виду имеете?

- Можно и так сказать. Провидение мне было. А что это мы всё на Вы друг к другу обращаемся? Не по-людски это как-то, не выроги же мы друг другу. Меня Григорием зовут, тем более я ведь в цивильном, а не в рясе. Хотя, коли так сразу стеснительно, можно отцом Григорием называть. Впрочем, я тебе, сын мой, наверное, в младшие братья по возрасту подхожу, – подыграл Саниному ехидству Гриша.

- А меня - Александром, друзья Саней кличут, некоторые ещё прозвище прибавляют - Тулунский. Возраст возрастом, но непривычно как-то так сразу с человеком после пяти минут знакомства фамильярничать. В тех местах, где я провёл большую часть своей жизни, не принято так было. Между равными такое обращение нормальное дело, к мелочи какой-нибудь тоже понятно. А вот с начальством..., а ты вроде как начальство по религиозной линии.

- Ну, какое же я тебе начальство? Начальник - это понятие светское, к Богу отношения не имеет, – с некоторой терпимостью, как будто устал постоянно объяснять примитивные вещи, ответил отец Григорий. – Все мы дети Божие: и молодые, и старые, начальники, солдаты или дворники, богатые или бедные. Для НЕГО мы все едины, и все мы служим высшим целям, ЕГО целям, независимо, есть на тебе крест или ты какой-либо другой веры. А ты, я гляжу, крещёный, православный, так тебе я по статусу, скорее, советчик, проводник к Богу. И возраст ни твой, ни мой, в данном случае, значения не имеет.

- Ага, по-нашему тебя можно назвать положенец, или смотрящий, – улыбнулся Саша. – Ты ведь, небось, заметил уже, какого я рода-племени?

- На то Шерлоком Холмсом быть не обязательно, чтобы понять, как и где ты жизнь проводил раньше. Давно освободился?

- Пять лет прошло с последнего раза. Надеюсь, последнего. Не крайнего, как лётчики говорят, - уточнил он. - И вот мне уже к полтиннику, а я только начал познавать этот, новый для меня, мир. Раньше-то всё больше с уголовным тёрся, а этот для меня как экзотика, как кино индийское по-первости казался. Но я тебе скажу, не честнее он моего привычного, да и слились они, миры эти, тесно. А тебе, батюшка, я вижу, также от жизни этой досталось. Решил спасение в Боге искать и других на путь истинный направить? Ты ведь в попы не так давно обратился, до этого воякой, небось, был?

Возникла небольшая пауза в их спонтанном разговоре попутчиков, сведённых случаем. Хотя Саша давно себе уяснил, что случайностей на свете не бывает, что любая видимая случайность на самом деле является закономерностью, хорошо подготовленной где-то там наверху. Для чего и зачем, это уже следующий вопрос, над которым можно думать и так ничего и не понять, пока жизнь не расставит всё по своим местам и не объяснит всё сама. Да только не все могут это увидеть, а кто увидел, не все могут верно истолковать, а кто относительно верно истолкует, не факт, что сделает из всего понятого правильные выводы. Видимо, не просто так свела судьба его с этим странным обожжённым жизнью священником, видимо, последует тому какое-то продолжение, но рассуждать на сию тему не хотелось. Он терпеливо ждал ответа, давая Григорию подобрать нужные слова и выражения, а может, просто подумать, стоит ли рассказывать случайному соседу по креслу в самолёте свою историю и в каком именно виде. Наученный «уголовными университетами», он прекрасно видел, что в жизни этого человека происходили события, которые не всякий отважится поведать мимолётному знакомцу.

- Да, воевать приходилось, но то давно было, в прошлой жизни, - махнул рукой батюшка. - Чего это мы о былом заговорили, мы ведь сейчас живём. Прошное надо принять, усвоить как урок и забыть его, не стоит за него держаться, жить надо сегодняшним моментом, дело своё делать и радоваться этой ЖИЗНИ, делу своему, людям вокруг, Богу, который и есть эта ЖИЗНЬ и всё, что нас окружает.

- Ага, слышал я подобные слова в своем детстве. Был у нас в деревне китаец один, так же рассуждал. Странно мне, святой отец, подобное от православного священника слышать, а ты точно христианин, а не буддист какой засланный? Мысли у тебя восточные напоминают, языческие, что ли, - Саша расплылся в беззубой улыбке.

- А какое это имеет значение? Повторюсь: разве перед Богом не все равны? Ведь все мы служим ему, хотим того или нет. И не имеет значения: христианин ты или мусульманин, или язычник какой. Ведь не бывает разных Богов, Он один, и суть его – ЭНЕРГИЯ животворящая. Это люди разграничили и дали Ему различные образы для простоты понимания, ведь не все умны одинаково. Некоторые не различают оттенков. Им проще понять, когда чётко сказано: вот это – черное, вот это – белое. Это – добро, это – зло. Да ты ведь и сам задумывался над этим, правда, ведь?

- Конечно, задумывался. Я и сам себя в вере искал, даже в православной семинарии учился заочно, два курса окончил.

- Вот оно как! Это как же тебя сподвигло?

- В девяностые, я тогда в седьмой зоне на Ржевке пребывал. Вышел закон о том, что зекам теперь разрешено высшее образование получать. Мы с корешем и решили в священники податься. Вернее, он решил. Пропадал братан днями в библиотеке. Я думал, случилось с парнем чего, оказалось, сочинение для вступительного экзамена готовил. Я его за этим занятием и застукал. Нам уже тридцатник к тому времени минуло. Он с малолетки по зонам мыкался, даже девки у него ни разу не было. Вот, видать, его и раскорячило на попа выучиться. А я с ним за компанию. Сочинение за час написал, он удивился, как у меня так легко вышло, я-то с детства читал много, мать у меня книги любила и меня приучила. Так что мне поступить было, как два пальца об асфальт. Но потом бросил, не покатило что-то. Попы даже приезжали, уговаривали дальше продолжать,... вот я тебя начальством и назвал, по старой привычке. Правда, то тоже в прошлой жизни было, – засмеялся он.

- Вот это история! Это что же у вас за зона такая продвинутая была и почему дальше учиться «не покатило»?

- Да зона как зона, строгого режима. И не продвинутая она вовсе. А люди везде живут и быт свой, как могут, обустроивают, чтобы легче было. На зоне такое же общество, есть и козлы, не в том смысле, что «красные», то есть которые на «хозяина», в смысле начальника зоны и ментов работают, среди тех нормальных людей хватает, а просто – козлы. Но есть и достойные люди. И их много. И книг читают много, а чего ещё там делать? У нас тогда телеков в хатах не стояло, уж не знаю, как сейчас. И мобильных в зоне не было, – Саша опять рассмеялся, обнажив беззубые дёсны. – А учиться дальше не покатило потому, как не разглядел я в этой религии сути. Вот, может, ты мне её разъяснишь? Уж больно много всего правильного говорится и поучается в ней, а на деле-то всё не так происходит. И куда ни глянь, везде христианство с боем да кровью насаждалось.

Что в Европе инквизиции с кострами, что на Руси миллионы трупов, а про Латинскую Америку и говорить нечего. Я уже о десяти заповедях молчу. Их вообще никто всерьёз-то не воспринимает. Живут, лишь бы себе нахапать да пожрать за чужой счёт. Ни убийствами, ни прелюбодеяниями не брезгуют. Не работает она, религия-то ваша. Недоработочка в ней какая-то получается. Больше она на инструмент срубания бабла похожа. Может, махнём по полтинничку вискаря, чтобы взлеталось лучше - очень мне этот самогон глянулся, и ты меня просветишь, а то, глядишь, и просветлишь? Или сан тебе по бухлу оторваться не позволяет?

- По полтинничку, говоришь? - Задумался с улыбкой Батюшка. - А стюардессы ничего не скажут?

- Да не переживай, мы ж не пьянства ради, а леченья для. Ты как знаешь, а я приму, неудобно я себя без дури чувствую в полёте. А спирт, он мозги притупляет, и всё путём кажется по жизни. Да и разговор откровеннее становится. А нам ещё долго соседями быть, мож на путь истинный меня и наставишь, до кучи.

- Ну, разве что за плавный взлёт и по маленькой, говорят, что в самолёте даже полезно, давление выравнивает,- согласился отец Григорий.

- Вот и ладненько. Ты, батюшка, за вещичками пока пригляди, а я пойду у стюардесс воды и стаканчиков нарою. Эх, жаль они «при исполнении» - хорошие девчонки, я бы их в гости пригласил, - вздохнул Саня и пошёл по проходу в сторону закутка, где у персонала хранились бутылки с водой, пакеты с соком и прочие необходимости для создания комфорта пассажирам.

Через несколько минут он вернулся, неся в руках полторалитровую бутылку минеральной воды и пару хлипких пластмассовых одноразовых стаканчиков.

- Во какие строгие у нас проводницы, - сказал он, усаживаясь, весьма довольный собой. - Еле требовал с них матчасть. Вон та блондинка, Юлей зовут, сказала, чтобы до взлёта мы не употребляли и пока припрятали с глаз долой. А то пример дурной соседям подадим, и весь самолёт в пьянство ударится. Как будто он без этого не догадается. Я специально наблюдал, сколько народ с собой «горючего» затаривает.

- Правило есть правило, они же на работе и отвечают за порядок, давай обождём.

- Да ладно, мы же по-тихой, чокаться не будем. А бутылку с посудой за твою бадь..., прости, купель, пристроим, она в глаза никому бросаться не будет. Ну, за

знакомство, - за благополучный полёт пить не стоит, примета плохая заранее пить. Вот сядем на Индийскую землю, тогда и за полёт, удачно завершившийся, махнём, - обосновал Саня, наливая в пластиковую тару грамм по тридцать. Он наклонился и отгородился спиной от прохода, маскируя свои действия.

Они одним глотком опорожнили стаканчики, даже не притронувшись к минералке.

- Мож сразу по второй вдогонку? - Тут же в форме вопроса предложил Саня.

- Нет, чего мельчить-то, дорога дальняя, да и Бог суеты не любит, - поднял вверх палец Гриша. - Размеренней, размеренней, сын мой.

- Ты, батяня, в Гоа бывал раньше или экспромтом вместе с купелью решил наехать? - Глаза бывшего зека уже заблестели под действием виски. - Хотя, чего это я спрашиваю, не похоже на тебя, чтобы вот так, без разведки, без рекогносцировки на местности. Ты явно человек обстоятельный.

- Два раза уже ездил. Первый раз ещё два года назад. Подруга у меня была, как она сама себя называла - фрикушка. Не знаю точно, что это значит, видимо, типа сумасшедшая, - батюшка отхлебнул водички прямо из бутылки. - Она мне многое про те края рассказывала. И про жизнь местную, и про наркотики, и про волю и дух тех мест. Я и отправился посмотреть. А увидев, сразу понял, что храм нужен русскому человеку, много наших там живёт уже, кто постоянно, кто подолгу. Я в Пост Великий был, так даже удивился, сколько народу его соблюдает. А ты тоже не впервой?

- Я первый раз. Есть у меня знакомец один в Москве, армянин, ювелир. Я ему помогаю, дела кое-какие разруливаю. Ты же, Гриша, знаешь время нынешнее. Не так, как в девяностые, конечно. Но если человек копейку какую приличную зарабатывать начинает, так к нему сразу кто с ложкой, а кто и со стволом присосаться норовит. Вот я его дела и порешал, теперь вроде как дружим даже. Так вот, он мне историю свою поведал. Болезнь у него серьёзная, наследственная, - Саша машинально, словно задумавшись, налил по второй. Священник так же машинально принял из его рук стаканчик. - Приехал он в Гоа, а до этого он даже на море не был ни разу. Вот значит, приехал увидеть море, так как думал, что умирать ему скоро, уж больно болезнь эта скрутила его совсем. Ходить уже не мог. Выкатили его на коляске на пляж. Сидит он, умиляется, и слёзы по щекам текут. А тут тётка какая-то идёт мимо. Она и спрашивает его: «Типа, мальчик, ты болеешь сильно, тут доктор один китайский поблизости живёт. Он тебе помочь может».

Они хлопнули по второй и по очереди запили минералкой из бутылки, после чего Саня продолжил:

- Знакомец мой и отвечает тётке, что ему уже ничего не поможет, вот он море сейчас увидел и с лёгким сердцем готов склеить ласты. Тётка свалила, а минут через десять возвращается с китайцем. Представляет его моему армянину, дескать, вот тот самый доктор и зовут его Ку Ку. Ку Ку этот, как моего пацана увидел, аж подпрыгнул от радости и кричит на весь пляж – сын мой, это же сын мой, которого я всю свою жизнь жду и ищу. Короче, начал он его лечить. Потом свозил к себе на Тайвань, откуда он родом был. Сделал там пацану за свои бабки операцию, которая плохо-бедно, но в полторы сотни американских косарей выскочила. Чел этот коляску в Гоа оставил, где она так и стоит. Начал на костылях передвигаться, потом с палочкой, а сейчас так вообще без подпорок. Во как бывает, оказывается.

- Да, уж, – задумчиво произнёс отец Григорий. – Загадочное место это Гоа. И что, ты тоже к тому доктору наведаться решил? Здоровья-то тебе прежняя жизнь не прибавила, видать.

- Не в том запара. Был у нас в деревне похожий китаец, вернее, тайванец, они не любят, когда их китайцами называют. Он мне в детстве два раза жизнь спасал. И в паспорте у него фамилия числилась: Кукушкин. Хотя он такой же Кукушкин, как я Обама. Говорили, что паспорт ему хозяин на зоне выправил за заслуги. Вписали туда, что он бурят и отпустили в вольную. Уж больно всё сходится, кроме одного – лет ему тогда уже под семьдесят было, а теперь должно быть больше ста.

- Так ты поправку на Гоа делай. Там всякие чудеса приключиться могут. И то, что восточные люди живут по-другому, правильнее, что ли. Вон, среди них долгожителей сколько, – попытался найти разумное объяснение батюшка.

- Не в этом дело. Показал мне мой армяша фотки, где он с целителем этим. Тот это китаец - одно лицо, я его никогда не забуду. А про чудеса ты прав, без них тут никак обойтись не может. Он на фотах лет на пятьдесят-шестьдесят выглядит. Как будто даже помолодел за прошедшие полвека. Не зря у нас в деревне его Вечным Зеном звали. Как тот вечный жид из Библии, только китайской национальности.

Они помолчали какое-то время. Третье кресло в их ряду оставалось незанятым. Двери салона уже были задраены, двигатели ровно гудели, самолёт предчувствовал полёт. Стюардесса Юля проверила, насколько ответственно наши герои выполнили требование пристегнуть ремни и, втянув носом воздух,

погрозила им пальцем. Другая стюардесса, встав в проходе возле них, так чтобы её было хорошо видно нескольким рядам пассажиров, показала небольшую пантомиму, наглядно разъясняющую, как защёлкивать пряжку на ремне, как надевать спасательный жилет и куда бежать в экстренных ситуациях, случись, не дай Бог, что-нибудь. Двигатели зашумели сильнее, машина содрогнулась и лениво покатила по рулёмке в сторону взлётно-посадочной полосы, готовая к исполнению своей повседневной работы волшебницы, способной перемещать людей в тридевятое царство.

- Ты, батюшка, хоть бы молитву какую прочитал, как там у вас положено, – сказал Саня, елозя в кресле, – для всеобщего спокойствия.

- Молитва у меня от сердца идёт, – ответил отец Григорий, глядя в иллюминатор на шныряющие снаружи машинки с жёлтыми маячками. – Это даже не молитва, это общение с Богом. Ни голосом, ни мыслями, ни мозгами, это общение сердцем. Когда ты очень сильно веришь, ты начинаешь сам создавать вокруг реальность и в этой реальности ты хозяин. А я верю, что со мной ничего не может произойти плохого, у меня ещё много дел впереди невоплощённых, да и у тебя тоже.

- Получается, что самолёт и все пассажиры в нём под твоей защитой, – засмеялся Саня.

- Примитивно рассуждая – так. И под твоей. Тебе тоже ещё многое предстоит... крепкий ты, ЖИЗНИ в тебе много. Видимо, и дано нам это, потому как возложено многое, и спросится потом строго. Не просто же так и тебе, и мне на долю испытания выпадали. И товарищей что у тебя, что у меня – многих уже нет на этом свете. А мы живём, значит, так Богу надобно, значит, планы у НЕГО на нас какие-то есть, и выполнять их наш святой долг и обязанность.

- Это на меня-то, переломанного, беззубого рецидивиста с такими грехами за душой, у НЕГО есть планы? Интересно, какие же? Уж не спасение ли человечества после конца света, о котором нынче столько говорено? Сомневаюсь я чего-то, хреновый из меня мессия выйдет.

- А ты не сомневайся, ЕМУ виднее. Таких людей на свете немного, но они есть. Злодей может стать святым, а вот обратной дороги нет.

- Эка ты, батюшка, хватил. Постой-ка, такие же слова полвека назад китаец у нас в деревне произносил. Мистика какая-то.

- Почему же мистика? Всё в мире взаимосвязано, ничего нового не придумано. У мироздания есть свои законы, не каждому понятные, но от этого они не

перестают существовать. И когда начинаешь видеть и понимать, как всё просто устроено, становится смешно и грустно одновременно. Чем ты занимался раньше, чем обременял себя и какими идеалами руководствовался, как ты глупо и странно жил, к чему стремился. И те, кто этого пока не понимает, они ведь тоже нужны. Мы все части одного большого целого. Они создают трение, противовес, баланс. Чтобы выделялась ЭНЕРГИЯ, которой питается ЖИЗНЬ.

- Интересно рассуждаешь, Григорий. Но почему это всё выпадает мне или тебе, или ещё кому-то конкретному? И почему у тебя или меня судьба сложилась именно так?

- А ты не заморачивайся. Ни тебе, ни мне не дано сейчас это понять, может быть, когда-то потом. Принимай это как данность. И не задавай вопросов типа «за что это мне», «почему со мной». Правильнее будет спросить: «для чего это происходило со мной», «зачем это было мне дано». Ведь у тебя был выбор, по какой дороге идти. Но, выбирая, ты должен отдавать себе отчёт, что поступать можно как угодно, а вот каковы будут последствия твоего выбора? И как с ними потом жить? Ведь за каждый выбранный шаг будет предъявлен счёт. И по этому счёту все мы отвечаем. Кто-то неудачами или везеньем, кто-то болезнями или здоровьем, кто-то своей жизнью. Тебе даётся СУДЬБА, но внутри неё есть выбор путей. По какому из них ты пойдёшь и с каким багажом и опытом придёшь в конечный пункт своего назначения, зависит от тебя. В этом ты хозяин, но прислушивайся к Богу, он даёт советы и указания, только надо их разглядеть и понять. Не сразу и не у всех это получается, к этому надо придти.

Самолёт как будто присел и надрывно загудел двигателями в форсированном режиме. Разбег его показался коротким, он оторвался от земли и стал резко набирать высоту. Потом, сделав крен, повернул на девяносто градусов и лег на курс. Пассажиры в салоне, притихшие на взлёте, начали греметь пряжками отстёгиваемых ремней. Послышались голоса, включился более яркий свет, из-за шторок в своих закутках появились стюардессы.

- Да, батюшка, – произнёс, ворочаясь в кресле, Саня, – не похожи твои речи на слова православного священника. Нет, ты точно буддист какой-то.

- Я же уже говорил, для Бога нет разницы, со стороны какой веры ты к нему обращаешься. Если бы я родился в Тибете и жил бы там, то обращался бы к нему как буддист. Но я живу в России, потому и оперирую христианством. И людям так меня понять проще, и мне с ними через православие общаться сподручнее. Но сути это не меняет. Можно нацепить на себя рясу, крест, заучить догмы из книжек, проштудировать молитвенник и вещать себе прописные истины. Так и легче, и благ материальных получить можно больше. Но то же не по совести

будет, одна формальность в служении Богу. А формальности ему не нужны. Веру и религию не всегда отождествлять можно, а уж церковь и веру тем более. Правильно ты говорил, сейчас многие сан носят, кто этого недостойн. И бизнес на религии делают. И тем отваживают верующих от церкви. Но не все таковы, я, как видишь, миллионов своим служением не «срубил». Да и не нужны они мне, мне Бог даёт столько, сколько необходимо для жизни и служения. А бизнесмены от церкви... так ведь я говорил: у каждого есть выбор, поступай как захочешь, но пометь себе в уме, что за каждый поступок ответ держать придётся. Как говорится: люби Бога и делай, что хочешь. И если эта любовь истинная, а не декларируемая, то позволит она тебе делать только ЛЮБОВЬ.

- Да, Святой Отец, пожалуй, встреча с тобой самое большое откровение в моей жизни за последние несколько лет, – после недолгого раздумья заключил Саня. - Озадачил ты меня и загрузил по самое ого-го. Тебе никогда не говорили, что ты сумасшедший?

- Говорили. Как раз то самое непосредственное начальство. А я и не спорю. И мало с кем делюсь тем сокровенным в той форме, что тебе изложил, – ответил священник. – Чтобы людей не пугать, тех, кто себя нормальными считают. А с тобой знаешь, почему разоткровенничался?

- Догадываюсь. Потому что я такой же, как ты?

- Ну, такой же, не такой же... все мы индивидуальности. Но увидел я в тебе брата. Причём, тоже сумасшедшего. И жизни загубленные на тебе есть, хотя, наверное, поменьше, чем на мне... и осознание к нам в душу стучится... и приходит... обязательно придёт.

«Добрый вечер господа, с вами говорит командир корабля... наш полёт проходит на высоте... - раздалось в динамиках. – Расчетное время прибытия в аэропорт Даболим... температура воздуха... просим вас не пользоваться электронными приборами, отключить мобильные телефоны...»

- Вот ведь, уже предупреждали, а мы заболтались, забыл я телефон-то свой выключить, – спохватился отец Григорий и полез доставать его в кармашек рюкзака. – Я что-то не голоден. Вот поспал бы с удовольствием. Если еду разносить будут, скажи, чтобы меня не будили. Устал я сегодня.

- Ой, а я вообще после тюремных харчей желудком мучаюсь. Два года назад девчонок-сестрёнок детдомовских удочерил. Одна замуж уже вышла, а вторая со мной живёт. Так она учиться пошла на диетолога, чтобы мне правильную еду готовить. Вон целую сумку с собой собрала. Давай сейчас пару часиков на массу придавим, а потом нормальным хавчиком закинемся, – поддержал батюшкину

инициативу Саня. – Только давай снотворного по маленькой примем ещё, чтобы сны приятные видеть.

- Ну, ты и мёртвого уговоришь, – отозвался Гриша, найдя, наконец, в недрах рюкзака свою старенькую Нокию. – Наливай уже быстрее.

Он раскрыл телефон, на экране большими чёрными цифрами высветилось время – 00.00. Начался отсчёт новых суток двадцать второго декабря две тысячи двенадцатого года.

Гоа – Бали – Москва. 2010-2011.